

ЖЮЛЬ ВЕРН

МАЯК НА КРАЮ
СВЕТА

«Маяк на краю света» — произведение французского прозаика Жюль Верна (фр. Jules Verne; 1828–1905).***

«Маяк на краю света» — приключенческий роман Жюль Верна. Действие книги происходит на необитаемом, удаленном от цивилизации острове. Главный герой — служитель маяка — вынужден противостоять банде пиратов-мародеров. Кто выйдет победителем в этой неравной схватке?

Жюль Верн — автор научно-фантастических, приключенческих романов «Вокруг Луны», «Вверх дном», «Маяк на краю света», «Зеленый луч», «Плавающий город», «Два года каникул», «Михаил Строгов», «Вокруг света за 80 дней». Замысловатые сюжеты автор основывал на известных в его время научных фактах и теориях. Его произведения, в свою очередь, увлекли многих ученых, которые осуществили наяву некоторые фантазии Верна. Так появились технические изобретения, без которых невозможно представить современную жизнь.

Произведения Жюль Верна популярны во всех странах, по многим из них сняты художественные и мультипликационные фильмы. Книги писателя вызывают интерес к научному познанию мира, могут служить учебными пособиями по географии, физике, биологии, ботанике.

Жюль Верн МАЯК НА КРАЮ СВЕТА

Глава первая МАЯК

Солнце скрывалось за цепью холмов. День был чудный. На северо-востоке и на востоке, там, где море сливается с небом, несколько маленьких облаков отражали последние лучи, догоравшие перед наступлением сумерек, довольно продолжительных под 55 градусом широты южного полушария.

В момент, когда виднелась уже лишь верхняя часть солнечного диска, с рассыльного судна «Санта-Фе» раздался пушечный выстрел, и над бригантиной¹ взвился флаг Аргентинской республики.

В то же время на вершине маяка, выстроенного на расстоянии ружейного выстрела от бухты Эльгор, где стоял на якоре «Санта-Фе», вспыхнул яркий свет. Два сторожа, рабочие на берегу и толпившиеся в носовой части корабля матросы приветствовали этот впервые загоревшийся на отдаленном побережье огонь громкими криками.

В ответ послышались два выстрела. Эхо повторило их. Согласно правилам военных кораблей «Санта-Фе» спустил флаг, и на острове, лежащем там, где сливаются воды Атлантического и Тихого океанов, снова водворилась тишина.

Рабочие тотчас отбыли на корабль, и на материке остались лишь три сторожа.

Один из них стоял на вахте², другие два, прежде чем вернуться домой, стали прогуливаться по берегу.

— Завтра рассыльное судно снимается с якоря, Васкец, — сказал первый.

— Да, Фелипе, — отвечал Васкец, — надо надеяться, что оно благополучно возвратится в гавань.

— Далеко это, Васкец!

— Не дальше, чем из гавани сюда, Фелипе.

— Я думал, что дальше, — засмеялся Фелипе.

— А пожалуй, что и так, — заметил Васкец, — Когда дует противный ветер, идти обратно отсюда приходится гораздо дольше, чем сюда. Но при исправной машине и парусах пройти тысячу пятьсот миль вовсе не так трудно.

— Командир Лафайет хорошо знает дорогу, Васкец.

— Дело нехитрое, дорога прямая. Сюда он шел на юг, назад пойдет, держа курс на север. Если будет дуть береговой ветер, он пойдет под прикрытием берега, как по реке.

— По реке с одним только бересом, — отвечал Фелипе.

— Лишь бы берег был хороший, а тут он будет расположен на ветру и потому послужит прикрытием.

— А если ветер переменится?

— Будем надеяться, Фелипе, что этого не случится и что недели черев две «Санта-Фе», пройдя тысячу пятьсот миль³, станет на якорь в Буэнос-Айресе.

— Ну а если ветер подует с востока?..

— То ни вдоль побережья, ни в открытом море кораблю не встретить гавани, в которой можно было бы укрыться.

— Совершенно верно. На всем протяжении берегов Патагонии⁴ и Огненной Земли⁵ нет ни одного порта. Надо сторониться берега, держаться возможно дальше от него в открытом море.

— Однако нет причин думать, Васкец, что погода переменится.

— Я тоже так полагаю, Фелипе. Теперь начинается лето. У нас впереди целых три месяца...

— Да, — согласился Васкец, — работы кончились как раз вовремя.

---

¹ Бригантина — легкое трехмачтовое судно

² вахта — посменное дежурство

³ морская миля — 1 1/4 километра

⁴ Патагония — обширная территория Южной Америки, составляющая самый южный треугольник Американского материка. С 1881 года поделена между Чили и Аргентиной

⁵ Огненная Земля — архипелаг, состоящий из 11 больших и свыше 30 маленьких островов. Находится у южной оконечности Южной Америки, на границе между Атлантическим и Тихим океанами. От материка Огненную Землю отделяет Магелланов пролив

— Да, да, в начале декабря. Это все равно что июнь на Севере. В это время года не бывает уже таких шквалов которые швыряют корабль, как щепку, и могут сорвать паруса. А когда «Санта-Фе» будет в гавани, пусть свистит ветер, пусть воет буря сколько угодно! Наш остров не потонет, уцелеет и маяк!

— Конечно, Васкец. Впрочем, корабль, сдав донесения, снова вернется сюда и привезет смену.

— Через три месяца, Фелипе...

— Остров будет на том же месте.

— Будем здесь и мы, — сказал Васкец, потирая руки и выпуская из трубки большую струю дыма так, что лицо его скрылось, как в облаке. — Мы здесь ведь не на корабле, который может унести шквалом⁶. А если это даже и судно, то оно прочно прицеплено к хвосту Америки и не сорвется с якоря... Место здесь ненадежное, не спорю! Море вокруг мыса Горн⁷ пользуется дурной славой! Кораблекрушений здесь бывает множество, и любители собирать то, что выбрасывается морем, могли бы здесь обогатиться! Но все это скоро изменится, Фелипе! Вот он, остров, Остров Штатов, а на нем маяк, который не погасит никакой вихрь, хотя бы он разразился сразу со всех сторон!.. Корабли будут издали видеть огонь и обходить опасное место. Направляясь к маяку даже в самые темные ночи, они не рискуют разбиться ни о скалы мыса Сан-Хуан, ни о стрелку Сан-Диегос или Фаллоус. Поддерживать огонь мы будем.

Оживление Васкеца вдохнуло мужества и в его товарища. В самом деле, Фелипе, пожалуй, представлял себе три месяца, которые должен был провести на этом отдаленном пустынном острове, отрезанном от остального мира, уж в чересчур мрачном свете.

— Видишь ли, друг мой, — продолжал Васкец, — уже сорок лет плаваю я по морям Старого и Нового Света. Был юнгой, матросом, был и судовладельцем. А теперь, на старости, не могу себе представить ничего лучшего, как быть сторожем маяка. Да какого маяка! Маяка на краю света!..

Название это было вполне заслуженное. Маяк стоял на необитаемом острове, далеко от материка.

— Скажи, Фелипе, — спросил Васкец, вытряхивая пепел из трубки на ладонь, — в котором часу ты сменишь Морица?

— В десять часов.

— Ладно. А в два часа ночи я приду и сменю тебя до утра.

— Хорошо, Васкец. А теперь пойдем-ка спать: утро вечера мудренее.

— Пора на боковую, Фелипе!

Васкец и Фелипе направились к маяку и вошли в свое жилище. Дверь закрылась за ними.

Ночь прошла спокойно. На рассвете Васкец загасил горевший в течение двенадцати часов маяк.

Слабые в Тихом океане, особенно у побережья Америки и Азии, приливы очень сильны в Атлантическом океане и дают себя чувствовать даже в отдаленном Магеллановом проливе⁸.

Отлив начался в шесть часов утра. Чтобы воспользоваться им, рассыльное судно должно было бы сняться с якоря на заре. Так как не все еще было готово, командир решил выйти из Эльгорской бухты лишь с вечерним приливом.

Военный корабль Аргентинской республики «Санта-Фе», в двести тонн водоизмещением⁹, с машиной в сто шестьдесят лошадиных сил, находился под командой капитана и старшего офицера. На нем, вместе с рабочими, было человек пятьдесят экипажа. «Санта-Фе» нес береговую охрану от устья Рио-де-ла-Платы до пролива Лемера в Атлантическом океане. В те времена кораблестроение не знало еще быстроходных судов, крейсеров, миноносцев и т. д. Скорость винтового парохода «Санта-Фе» не превышала девяти миль в час, но этого было вполне достаточно, чтобы охранять берега Патагонии, куда и заходили-то лишь рыболовные суда.

На этот раз на рассыльное судно была возложена обязанность наблюдать за постройкой маяка, предпринятой аргентинским правительством у входа в пролив Лемера. На этом же судне были доставлены рабочие и необходимый строительный материал.

Наконец, работы, производившиеся под руководством опытного инженера из Буэнос-Айреса, были окончены.

---

⁶ шквал — порывистый ветер на море

⁷ Мыс Горн — самый южный мыс Америки, южная оконечность небольшого острова Горн

⁸ Магелланов пролив — пролив, отделяющий материк Южной Америки от островов Огненной Земли. Открыт в 1520 году известным португальским мореплавателем Магелланом

⁹ Водоизмещение корабля — объем вытесняемой им воды. Вес этого объема воды равен весу корабля, поэтому обыкновенно водоизмещение корабля выражают в весовых единицах

Уже недели три стоял «Санта-Фе» на якоре в гавани Эльгор. На берег было свезено съестных припасов на четыре месяца. Убедившись, что оставляемым на новом маяке сторожам не придется испытывать недостатка ни в чем до прибытия новой смены, командир Лафайет собирался доставить на родину рабочих. Если бы не задержали некоторые непредвиденные обстоятельства, пароход «Санта-Фе» уже месяц тому назад был бы в порту.

За все время стоянки в хорошо защищенной от северного, южного и западного ветров бухте корабль не подвергался никакой опасности. Теперь можно было опасаться бурь в открытом море. Но весна была мягкая, а в начале лета море в окрестностях Магелланова пролива еще не так грозно.

В семь часов утра капитан Лафайет и старший офицер Риегаль вышли из своих кают, находившихся в кормовой части судна. Матросы оканчивали мытье палубы. В то же время шли приготовления к снятию с якоря: с парусов снимали чехлы, чистили медные части, нактоузы¹⁰, поднимали спасательную шлюпку. Другая, маленькая шлюпка оставалась пока спущенной, чтобы поддерживать сношения с берегом.

Когда взошло солнце, на мачте подняли флаг.

Три четверти часа спустя на баке¹¹ ударили четыре раза в корабельный колокол, и на вахте сменились дежурные матросы.

Позавтракав вместе, командир и его помощник вышли на ют¹², взглянули на довольно ясное в это утро небо и приказали спустить шлюпку.

Напоследок командиру захотелось взглянуть еще раз на маяк, жилище сторожей и магазины для хранения съестных припасов и горючих материалов, а также убедиться, хорошо ли действуют аппараты.

Выйдя на берег, оба офицера направились к маяку.

Мысль, что эти три сторожа должны остаться одни на унылом, необитаемом острове, беспокоила их.

— Это, право, тяжело, — говорил командир. — Хотя, конечно, все три сторожа — старые моряки и привыкли к суровой жизни. Может быть, для них служба на суше представляет известного рода отдых.

— Несомненно, — отвечал Риегаль, — но быть сторожем маяка на часто посещаемых кораблями берегах или поблизости от материка и жить на этом пустынном острове, который моряки стараются обойти возможно дальше, — большая разница.

— Согласен с вами, Риегаль. Но через три месяца их сменят. Васкец, Фелипе и Мориц будут первыми в очереди, и притом в самое благоприятное время года.

— Правда, им не придется пережить ужасов жестокой зимы мыса Горн.

— Да, зимы здесь бывают суровые, — подтвердил капитан. — Несколько лет назад я выходил на разведки в пролив, доходил до Огненной Земли и Земли Отчаяния, мыса Дев и мыса Пилара, и пережил самые ужасные бури, какие только можно видеть! Впрочем, у наших сторожей теплое жилье, штормы не повредят его. Им хватит и припасов и угля, если бы даже им пришлось пробыть здесь не три, а пять месяцев. Они здоровы, и надо надеяться, что, вернувшись, мы найдем их целыми и невредимыми. Воздух здесь холодный, но чистый! К тому же, помните, Риегаль, сколько охотников вызвалось на предложение морского начальства ехать на «маяк на краю света» в качестве сторожей?

Офицеры подошли к маяку. Васкец и его товарищи уже ждали их.

Капитан Лафайет внимательно осмотрел сторожей маяка. На ногах у них были большие сапоги, на голове — капюшоны из непромокаемой ткани.

— Все ли обстояло благополучно сегодня ночью? — спросил он старшего сторожа.

— Все. Все вполне благополучно, — отвечал Васкец.

— Вы не заметили ночью никакого судна?

— Нет. Небо было безоблачно, и мы увидели бы огонь по крайней мере за четыре мили.

— А как горел фонарь?

— Отлично, до самого восхода солнца.

— Не холодно вам было в сторожке?

— Нет. Она теплая, и ветер не проникает через двойные стекла.

— Я хочу осмотреть ваше помещение, потом маяк.

— Пожалуйста, господин командир, — ответил Васкец.

Жилье сторожей помещалось в нижней части башни, толстые стены которой были способны выдержать самые сильные штормы Магелланова пролива. Офицеры осмотрели обе очень прилично обставленные

---

¹⁰ нактоуз — деревянная или медная башенка, служащая подставкой для компаса

¹¹ бак-передняя часть верхней палубы корабля до фок-мачты

¹² ют — задняя часть верхней палубы корабля, от бизань-мачты до кормы

комнаты. Здесь не страшны были ни дожди, ни холод, ни столь ужасные под этой антарктической¹³ широтой снежные метели. Комнаты разделялись коридором, в глубине которого находилась дверь на лестницу, проходящую внутри башни.

— Поднимемся, — сказал капитан Лафайет.

— К вашим услугам, — отвечал Васкец.

— Нам никого не надо в провожатые, кроме вас.

Васкец сделал знак товарищам остаться в коридоре.

Затем он открыл дверь на лестницу, и оба офицера последовали за ним.

Эта винтовая каменная лестница была вырублена в стене. Прделанные в каждом этаже окна освещали ее. Поднявшись в верхнее помещение маяка, над которым находились фонарь и осветительные аппараты, офицеры уселись на шедшей полукругом вдоль стены скамейке. В комнате было четыре окна, выходящих на все четыре стороны горизонта. Хотя ветер был слабый, здесь, на высоте, он казался довольно свежим. Свист ветра заглушали порой пронзительные крики широко взмахивавших крыльями чаек, фрегатов¹⁴ и альбатросов.

Капитан Лафайет и старший офицер взобрались по лестнице на галерею, окружающую фонарь маяка, чтобы посмотреть на остров и море.

Вся западная часть острова и океана была пустынна. На северо-западе виднелся мыс Сан-Хуан. У подножия башни лежала бухта Эльгор. По берегу ходили взад и вперед матросы с «Санта-Фе».

Нигде вдаль не видно было ни паруса, ни дыма. Всюду расстилалось необъятное море.

Пробыв на галерее маяка с четверть часа, оба офицера спустились вместе с Васкецом и отправились на корабль.

После обеда капитан Лафайет и старший офицер Риегаль снова высадились на берег. Перед отъездом им хотелось еще раз осмотреть северный берег бухты. Лоцманов на пустынном Острове Штатов не было, и командир уже несколько раз без их помощи входил днем в маленькую бухточку у подножия маяка и бросал там якорь. Но из осторожности он старался как можно лучше исследовать эту еще мало известную местность.

Итак, оба офицера вышли на новые разведки. Миновав узкий перешеек, соединяющий мыс Сан-Хуан с островом, они осмотрели берег порта того же имени, очень похожий на расположенный напротив мыс Эльгор.

— Это прекрасный порт, — заметил командир. — Он настолько глубок, что в него могут войти даже большие суда. Жаль только, что доступ в него довольно труден. Но если поставить напротив эльгорского маяка другой, хотя бы и более слабый, то застигнутые бурей корабли могут спастись в этой гавани.

— Это последняя гавань по эту сторону Магелланова пролива, — сказал Риегаль.

Оба офицера возвратились в четыре часа. Простившись со стоявшими на берегу Васкецом, Фелипе и Морицем, они отбыли на корабль.

К пяти часам облака черного дыма повалили из паровой трубы. «Санта-Фе» готовился сняться с якоря с началом прилива.

В три четверти шестого командир приказал ходить на шпигеле. Избыток пара выпустили через предохранительный клапан.

Старший офицер, стоя на баке, наблюдал за поворотами корабля. Становой якорь подняли на кранбалку и взяли на фиш.

Сопровождаемый прощальными сигналами трех сторожей, «Санта-Фе» пустился в плавание. Несмотря на подбадривания Васкеца, товарищи его с волнением смотрели вслед удалявшемуся судну. В свою очередь и бывшие на корабле с не меньшим волнением покидали на островке самой южной части Америки своих товарищей.

«Санта-Фе» медленно двинулся вдоль северо-западного побережья Эльгорской бухты. Еще не было восьми часов, когда он вышел в море. Вскоре стемнело, и маяк на краю света заблестел на горизонте, как далекая звезда.

---

¹³ антарктический — южный полярный, арктический — северный полярный

¹⁴ фрегат — крупная тропическая птица, живущая по берегам морей

Глава вторая ОСТРОВ ШТАТОВ

Остров, или Земля Штатов расположен у юго-восточной окраины Южной Америки. Это самый восточный клочок архипелага в Магеллановом проливе. Конвульсиями плутонической эпохи его отбросило на пятьдесят пятую параллель, всего на расстояние каких-нибудь семи градусов от Антарктического полярного круга.

Корабли, огибающие мыс Горн по пути с северо-востока на юго-запад или обратно, охотно заходят на этот островок, находящийся как бы на границе двух океанов.

Открытый в XVII веке голландским мореплавателем Лемером канал отделяет Остров Штатов от Огненной Земли, находящейся от него в 25–30 километрах. Канал этот сокращает кораблям путь и спасает их от страшной зыби, в полосу которой неминуемо попадают суда, огибающие Остров Штатов морем. Остров этот граничит с каналом с восточной стороны на протяжении десяти миль, от мыса Сан-Антуан до мыса Кемпе, и паровые или парусные суда, защищаемые им, проходят здесь с меньшим риском, чем с южной стороны острова.

Длина Острова Штатов с востока на запад, между мысами Сан-Бартелеми и Сан-Хуан — тридцать девять миль; ширина — от мыса Кольнета до мыса Уэбстера — одиннадцать миль.

Берега Острова Штатов очень извилисты и состоят сплошь из заливов, бухт и бухточек, вход в которые заграждается порою цепью островков или подводных рифов. Немало кораблей потерпело крушение у этих берегов, окаймленных то отвесными утесами, то огромными скалами, о которые даже в тихую погоду яростно бьются волны.

Остров необитаем, но, вероятно, на нем можно было бы жить, особенно летом, то есть в течение ноября, декабря, января и февраля¹⁵ стада нашли бы достаточный подножный корм на обширных равнинах в центре острова и в области на восток от гавани Парри, между мысами Конвей и Уэбстер. Как только толстая снежная пелена растает под лучами антарктического солнца, трава, зеленая, начинает пробиваться из земли, сохраняющей до самой зимы живительную влагу. Жвачные животные, акклиматизировавшиеся в окрестностях Магелланова пролива, вероятно, отлично ужились бы и на острове, только с наступлением зимних холодов пришлось бы перевести их в более мягкий климат Патагонии или хотя бы Огненной Земли.

Впрочем, на острове живут дикие олени, мясо которых, если его хорошо зажарить, довольно вкусно. Эти животные не погибают от голода в долгую суровую зиму лишь благодаря своему умению отыскивать и выкапывать из-под снега мох и корни, которыми они питаются.

Во внутренней части острова, кроме равнин, попадаются и леса с чахлой, недолговечной, чаще желтой, чем зеленой, листвой. Из древесных пород встречается антарктический бук, достигающий иногда двадцати метров в высоту, с горизонтально распростертыми ветвями, барбарис и гаультерия, — растение, напоминающее по своим свойствам ваниль.

Но равнины и леса занимают только четверть поверхности Острова Штатов. Вся остальная часть покрыта скалистыми плоскогорьями. Преобладающей горной породой является кварц. Глубокие ущелья изрезывают горы, всюду тянутся длинные гряды валунов ледникового происхождения. В зимнее время под гладким снежным покровом равнины центральной части острова похожи на степи. Но, по мере того как продвигаешься на запад, почва меняет свой характер, а у самого побережья уже представляет собой массу высоких отвесных скал. Конусообразные и остроконечные морщинистые утесы достигают тысячи метров высоты над уровнем моря. С их вершины можно было бы осмотреть весь остров. Это последние отроги огромной цепи Анд¹⁶, которая, словно позвоночник Американского материка, тянется с севера на юг.

При суровых климатических условиях, под резким дыханием ужасных ураганов, флора острова не блещет разнообразием. Только вблизи Магелланова пролива да на Мальвинском архипелаге, находящемся в ста милях от побережья Огненной Земли, встречается кое-какая растительность: бесцветный раkitник, бедренец, мятлицица, вероника. В тени лесов, среди степной травы, бледные цветы блекнут, едва успев раскрыть свои венчики. У подножия прибрежных скал, на их склонах, всюду, где есть немного земли, растет мох, а у подножия деревьев — кое-какие съедобные корни, например, корни вида азалеи, употребляемые американскими племенами вместо хлеба, но, в общем, малопитательные.

На каменистом Острове Штатов нет ни ручьев, ни рек. Но лежащий в течение восьми месяцев в году толстым слоем снег тает в теплое время года под косыми лучами солнца и поддерживает постоянную

---

¹⁵ В Южном полушарии Земного шара летними месяцами являются наши зимние месяцы, так как благодаря наклону земной оси Южное полушарие нагревается в эти месяцы больше чем северное

¹⁶ Анды, или Кордильеры — горная цепь, проходящая вдоль западного берега Северной и Южной Америки

влажность почвы. Всюду образуются небольшие озера, пруды, в которых до первых заморозков стоит вода. В то время, к которому относится наш рассказ, вода стекала с окружающих маяк высот и образовывала ручьи и водопады, которые впадали в маленький Эльгорский залив или бухту Сан-Хуан.

Но если остров беден флорой и фауной, то море вокруг него кишит рыбой. Потому-то, несмотря на опасность, которая угрожает судам в проливе Лемера, жители Огненной Земли часто приезжают сюда на рыбную ловлю. Тут ловятся мерланы, корюшка, вьюны, бониты, дорады, колбени, головли. В это время года китообразные — киты, кашалоты, тюлени и моржи — также охотно приближаются к острову, так что большие рыболовные суда нашли бы здесь обильную добычу. Животные эти спасаются в антарктических морях от безжалостных преследований рыбаков.

На всем побережье острова, в бухточках, на подводных скалах — масса съедобных и иных ракушек, устриц, морских блюдечек, труборогов, а подводные рифы так и кишат различными ракообразными.

Белые, как лебеди, альбатросы, буревестники, лонзики, морские жаворонки и шумные, крикливые чайки являются представителями мира пернатых.

Из всего сказанного не следует, однако заключать, что Чили и Аргентинская республика желают завладеть Островом Штатов. В общем, он представляет собой большую, почти необитаемую скалу.

Кому же принадлежал этот остров в то время, к которому относится наш рассказ? Сказать можно только одно, что он составлял часть архипелага в Магеллановом проливе, еще не разделенного между обеими республиками южной окраины Американского материка¹⁷.

В летнее время жители Огненной Земли изредка заезжают на остров, спасаясь от бури. Коммерческие же суда проходят обыкновенно Магеллановым проливом, который точно очерчен на морских картах и которым, благодаря успехам пароходства, можно идти безопасно и с востока и с запада. На Остров Штатов заходят только корабли, которые уже обогнули или собираются обогнуть мыс Горн.

Аргентинская республика, по инициативе которой был выстроен «маяк на краю света», заслуживает благодарности. До того времени сторожевой огонь не освещал этих мест от входа в Магелланов пролив, у мыса Дев в Атлантическом океане, до его выхода, у мыса Пилара, в Тихий океан. Маяк Острова Штатов значительно облегчал мореплавание в этих опасных местах. Даже на мысе Горн нет маяка, который мог бы освещать кораблям, пришедшим из Тихого океана, вход в пролив Лемера.

Аргентинское правительство решило соорудить новый маяк в бухте Эльгор. Работа продолжалась целый год, и 9 декабря 1859 года состоялось открытие маяка.

В ста пятидесяти метрах от бухты почва поднималась метров на сорок и образовывала плоскогорье в четыреста или пятьсот квадратных метров.

Эту возвышенность обнесли каменной стеной, и она послужила основанием для башни маяка.

Башня эта возвышалась над пристройками, жильем и магазинами.

В пристройке находились: 1) комната для сторожей, с кроватями, шкапами, столами, стульями и чугунной печью, труба которой была выведена на крышу; 2) общий зал, служащий в то же время столовой, с чугунной печью, столом посередине, висячими лампами, часами, стенными шкапами, в которых хранились зрительные трубы, барометры, термометры и запасные лампы для замены фонаря в случае, если он погаснет; 3) магазины, в которых сложено было припасов больше чем на полгода, хотя возобновить их предполагалось через три месяца; тут были всякого рода консервы, солонина, сало, сушеные овощи, морские сухари, чай, кофе, сахар, бочонки с виски и водкой и наиболее часто употребляемые в обиходе медикаменты; 4) склад масла, необходимого для поддержания огня в фонаре маяка; 5) склад топлива, припасенного на долгую антарктическую зиму.

Строительные материалы добывались тут же, на острове, и отличались прочностью. Соединенными железными связями и плотно пригнанные друг к другу камни образовали крепкую стену, способную выдержать сильные бури и ужасные ураганы, так часто бушующие на далекой границе двух самых обширных океанов Земного шара. Васкец был прав, говоря, что эту башню не унесет ветром. Он и его товарищи взялись поддерживать огонь на маяке и решили выполнить свою обязанность, несмотря ни на какие штормы Магелланова пролива.

Башня имела тридцать два метра в высоту, что вместе с высотой террасы составляло семьдесят четыре метра над уровнем моря. Таким образом, огонь маяка должен бы был быть виден за пятнадцать миль, на самом же деле его можно было различать лишь на расстоянии десяти миль.

В то время не могло быть и речи об электрических фонарях. К тому же на отдаленном от материка островке важно было применить такую систему, которая требовала бы как можно меньше исправлений и починок. Вот почему применили освещение посредством масла, со всеми новейшими усовершенствованиями, известными науке и промышленности.

---

¹⁷ С 1881 года Остров Штатов принадлежит Аргентинской республике

В конце концов, хорошо было и то, что маяк можно было видеть на расстоянии десяти миль. Завидев маяк, идущие с северо-востока и юго-востока корабли еще имели возможность изменить направление, чтобы войти в пролив Лемера или обогнуть остров с юга. Надо было только в точности исполнять опубликованную морскими властями инструкцию и держаться так, чтобы маяк был на норд-норд-весте¹⁸, если корабль намеревался огибать остров с зюйда, и на зюйд-зюйд-весте¹⁹, если предполагалось войти в пролив Лемера. Мыс Сан-Хуан должен был при этом остаться налево, а стрелка²⁰ Севераль, или Фаллоус, — направо; все эти эволюции корабль должен был проделать вовремя, чтобы не оказаться прибитым течением и ветром к берегу. Кроме того, в случае, если бы корабль захотел зайти в бухту Эльгор, держа курс на маяк, он мог легко войти в гавань.

Таким образом, на обратном пути «Санта-Фе» мог спокойно войти в бухточку даже ночью. От наиболее глубокого места бухты до мыса Сан-Хуан три мили расстояния, а так как огонь маяка виден за десять миль, то рассылное судно могло заметить его, находясь еще в семи милях от прибрежных рифов острова.

В старину маячные фонари снабжались параболическими зеркалами²¹, поглощавшими половину света.

Но прогресс науки сказался и здесь. В описываемое нами время уже применялись диоптрические²² прожекторы, при которых терялась лишь небольшая часть лучей.

В фонаре маяка были установлены лампы с концентрическими фитилями. Огонь ламп, при небольших размерах, был очень интенсивен и мог быть сосредоточен почти в самом фокусе отражательного зеркала. Находящийся внутри фонаря диоптрический прибор состоял из целой системы зеркал с одним общим фокусом. Благодаря этому цилиндрический сноп параллельных лучей, отброшенных системой зеркал, передавался наружу в наилучших условиях видимости. Покидая остров в довольно ясный день, командир рассылного судна вполне мог убедиться, что новый маяк действует исправно.

В усердии и исполнительности Васкеца и его товарищей сомневаться было нельзя. Их выбрали из огромного числа кандидатов, и на прежней службе своей они зарекомендовали себя добросовестностью, храбростью и выносливостью.

Несмотря на то, что пустынный Остров Штатов находился в тысяче пятистах милях от Буэнос-Айреса, откуда могли быть присланы припасы и помощь, сторожам маяка, по-видимому, не угрожала никакая опасность. Жители Огненной Земли заглядывают сюда только летом, к тому же это совершенно безобидные люди. Окончив ловлю рыбы, они спешно переправляются через пролив Лемера на берега Огненной Земли или на острова архипелага. За исключением этих туземных рыбаков, никто никогда не показывался на острове. Мореплаватели слишком боятся его негостеприимных берегов, чтобы какой-нибудь корабль рискнул подойти к ним.

Впрочем, на случай появления подозрительных людей в бухте Эльгор были приняты все предосторожности. Железные решетки заграждали окна жилища и магазинов, а двери запирались засовами. Кроме того, Васкец, Фелипе и Мориц были вооружены винтовками и револьверами, и у них было достаточно боевых припасов.

Наконец, вход в башню закрывался массивной железной дверью, взломать которую было невозможно. Немыслимо было проникнуть в башню и через узкие, заделанные прочными решетками бойницы лестницы. На галерею же, окружающую фонарь маяка, можно было бы взобраться разве лишь по громоотводу.

---

¹⁸ норд-норд-вест — северо-северо-восток, — морской термин, обозначающий направление на северо-восток с большим уклоном к северу

¹⁹ Зюйд — юг. Зюйд-зюйд-вест — юго-юго-восток

²⁰ стрелка — узкая песчаная полоса, выдающаяся в море

²¹ параболические зеркала — выпуклые стекла, посылающие световые лучи в виде расходящегося конуса, отчего значительная часть «боковых» лучей рассеивается в пространстве

²² диоптрические прожекторы — состоят из скомбинированных таким образом двояковыпуклых зеркал, посылающих световые лучи прямым столбом

Глава третья ТРИ СТОРОЖА

Движение судов вблизи Острова Штатов оживленнее всего с ноября по март. Правда, в это время года бывает сильная зыбь, но все же штормы налетают реже. Пароходы и парусные суда, пользуясь сравнительным затишьем, охотнее огибают мыс Горн и обходят новый материк.

Впрочем, корабли показываются в проливе Лемера и южнее Острова Штатов все же так редко, что почти не нарушают однообразия долгих дней этого времени года. С тех пор как были усовершенствованы пароходы, а морские карты стали точнее, и плавание по Магелланову проливу-менее опасно, суда преимущественно избирают этот кратчайший и более легкий путь.

Однообразие — обычный удел жизни на маяках; но большинство сторожей — старые матросы или рыбаки, и оно не тяготит их. Они не считают часов и всегда найдут чем заняться и развлечься. Обязанности маячных сторожей не ограничиваются поддержанием огня от заката до восхода солнца. Васкецу и его товарищам было поручено зорко осматривать окрестности бухты Эльгор, отправляться несколько раз в неделю на мыс Сан-Хуан, наблюдать за побережьем до стрелки Севераль, но никогда не отходить от маяка дальше трех-четырёх миль. Они должны были вести «маячную книгу», заносить в нее обо всем происшедшем, о проходивших мимо парусных и паровых судах, их национальности, названии. В этой книге отмечалась высота приливов, сила и направление ветра, перемена погоды, продолжительность дождей, повышения и понижения барометра, сведения о грозах, температуре и других явлениях, необходимых для составления метеорологической карты.

Васкец, родом аргентинец, как Фелипе и Мориц, должен был исполнять на Острове Штатов обязанности главного сторожа маяка. Ему было сорок семь лет. Сильный, здоровый, выносливый, моряк этот много раз пересекал все сто восемьдесят параллелей; решительный, энергичный, привычный к опасности, не раз видел он смерть лицом к лицу. Назначили его старшим не по летам, а за твердость характера и доверие, которое он внушал. Когда он служил в военном флоте Аргентинской республики, он пользовался всеобщим уважением, а когда оказался в числе кандидатов на место хранителя маяка на Острове Штатов, морские власти ни минуты не поколебались предоставить ему это место.

Фелипе и Морица взяли по рекомендации Васкеца, который знал их давно. Первому было лет сорок, второму — тридцать семь. Фелипе был холостяк. У Морица была жена, служившая у хозяйки меблированных комнат в Буэнос-Айресе; детей у них не было.

Через три месяца «Санта-Фе» должен был доставить на Остров Штатов трех других сторожей, а Васкеца и двух его друзей отвезти обратно в Буэнос-Айрес, где они должны были отдохнуть в течение трех месяцев и потом снова вернуться — на смену маячной стражи.

Во второй раз им привилось бы провести на маяке три зимних месяца: июнь, июль и август. Первое пребывание на острове должно было быть сравнительно сносным, но по вторичном возвращении им пришлось бы испытать много неприятного. Однако это несколько не пугало их. Васкец и его товарищи уже настолько привыкли к переменам климата, что холод, бури и стужа антарктической зимы были им нипочем.

Точно с 10 декабря началась правильно организованная служба. Лампы горели каждую ночь под наблюдением дежурного сторожа, в то время как два других отдыхали. Днем они осматривали и чистили лампы, меняли светильни, и к закату солнца фонарь снова бросал вдаль сильный сноп лучей.

Время от времени, согласно инструкции, Васкец с одним из товарищей отправлялся пешком или в небольшой полупалубной парусной шлюпке в Эльгорскую бухту. Шлюпка эта стояла в маленькой бухточке, где высокие береговые утесы хорошо укрывали ее от восточных ветров — единственных, которые представляли здесь опасность.

Само собой разумеется, пока двое сторожей отправлялись к бухте или в ее окрестности, третий непременно оставался на верхней галерее маяка. Могло случиться, что какой-нибудь корабль, проходя мимо Острова Штатов, вздумал бы дать сигнал. Поэтому один сторож должен был оставаться неотлучно на посту. С террасы видно было море на востоке и на северо-востоке. Высокие прибрежные скалы закрывали вид в других направлениях. Таким образом, чтобы сигнализировать проходящим кораблям, нужно было непременно находиться в дежурном помещении.

Первые дни после ухода рассыльного судна прошли без всяких событий. Было довольно тепло, и стояла хорошая погода. Стоградусный термометр²³ показывал иногда десять градусов тепла. Днем ветер дул с моря, а к вечеру переходил в северо-западный и дул с равнин Патагонии и Огненной Земли.

В течение нескольких часов шел дождь, парило, и можно было даже ожидать грозы.

---

²³ стоградусный термометр — термометр Цельсия, имеющий точку кипения воды на 100 градусах

Под влиянием живительных солнечных лучей начала пробиваться растительность. Соседний с маяком луг сбросил с себя белый снежный покров и расцвел бледной зеленью. Так и манило прилечь под свежей листвой антарктической буковой роши. Вздувшийся от вешних вод ручей впадал в бухточку. У подножия деревьев, по склонам скал, показались мох, лишай, ложечная трава, известная своими целебными противочинготными²⁴ свойствами. Словом, на несколько недель на окраине Американского материка наступило лето, — весной это время года назвать нельзя, потому что в местности вблизи Магелланова пролива не знают, что такое весна.

День клонился к вечеру, но еще рано было зажигать огонь на маяке. Васкец, Фелипе и Мориц сидели на балконе, окружавшем фонарь, и болтали.

Главный сторож направлял разговор.

— Как вам нравится жизнь на маяке, братцы? — спросил он, набивая трубку.

— Ну, соскучиться-то и устать мы не успели! — отвечал Фелипе.

— Конечно, — подтвердил Мориц. — Да и все-то три месяца, я уверен, пройдут незаметно.

— Так, так, друг мой: пройдут, как корвет²⁵, несущийся под своими бом-крюйс-брамселями и лиселями²⁶.

— Однако мы не видели сегодня ни одного корабля, — заметил Фелипе.

— Будут и корабли, Фелипе, — возразил Васкец, смотря в кулак, словно в зрительную трубу. — Жаль было бы, если бы напрасно выстроили на Острове Штатов такой прекрасный маяк, освещающий море на расстоянии десяти миль.

— Еще никто не знает о его существовании, — сказал Мориц.

— Ну конечно! — откликнулся Васкец. — Еще не всем капитанам известно, что этот берег теперь освещен. Когда они узнают это, они охотно будут подходить к берегу. Впрочем, мало знать, что здесь есть маяк, надо еще знать, что он светится от заката до восхода солнца.

— Об этом узнают лишь тогда, когда «Санта-Фе» прибудет в Буэнос-Айрес, — заметил Фелипе.

— Правильно, — одобрил Васкец, — когда опубликуют донесение Лафайета, власти поспешат распространить его среди моряков всех стран света. Многие мореплаватели и теперь уже знают обо всем, что здесь произошло.

— «Санта-Фе» ушел три дня назад, — начал высчитывать Мориц, — в плавании он пробудет...

— Ну, что там считать! — прервал его Васкец. — Он пробудет в дороге еще с неделю. Погода дивная, море спокойно, ветер попутный. Корабль идет день и ночь на всех парусах и, наверно, делает девять — десять узлов в час.

— Я думаю, что он теперь уже вышел из Магелланова пролива и обогнул мыс Дев, — сказал Фелипе.

— Непременно, — согласился Васкец, — а теперь он бежит вдоль берегов Патагонии быстрее патагонских лошадей. Впрочем, кто знает, бегают ли люди и лошади в Патагонии так быстро, как фрегат²⁷ первого ранга под парусами!

Нет ничего удивительного, что оставшиеся на маяке люди все еще думали о «Санта-Фе». Ведь этот корабль был как бы последним клочком их страны, который от них теперь оторвался. И вот они мысленно следили за ним.

— Что ты сегодня наловил? — спросил Васкец у Фелипе.

— Улов был довольно хороший. Я поймал на удочку десять колбеней.

— Отлично. Ты не бойся, в заливе их еще много осталось. Говорят, что чем больше ловишь рыбы, тем ее больше делается в море. А нам это на руку. Питаясь рыбой, мы сбережем свой запас солонины и овощей.

— А я был в буковом лесу, — сообщил Мориц, — и открыл там кое-какие корни, которые сумею приготовить лучше, чем это делал наш корабельный кок²⁸. Увидите, как это будет вкусно!

— Очень приятно. Свежая дичь, рыба и зелень лучше всяких консервов, — сказал Васкец.

---

²⁴ цинга — болезнь, порождаемая однообразной и содержащей мало витаминов пищей. Выражается разрыхлением и кровоточивостью десен, появлением кровоподтеков на теле, общей слабостью

²⁵ корвет — трехмачтовый парусный корабль с открытой батареей и 20–30 орудиями

²⁶ бом-крюйс-брамсели, лисели и др. — названия парусов

²⁷ фрегат — трехмачтовый корабль с двумя батареями, закрытой и открытой

²⁸ кок — судовой повар

— Хорошо было бы, если бы к нам сюда забрели какие-нибудь жвачные животные, например парочка ланей! — вздохнул Фелипе.

— Я тоже не отказался бы от филе или окорока лани, — отвечал Васкец. — Хороший кусок дичины никому не вреден. Если дичь появится, мы постараемся подстрелить ее. Только одного не забывайте, братцы: в погоне за добычей не следует забираться далеко от маяка. Так и в инструкции сказано: удаляться от маяка можно только для того, чтобы наблюдать за Эльгорской бухтой да за морем между мысом Сан-Хуан и стрелкой Диегос.

— А если на расстоянии ружейного выстрела подвернется дичь? — спросил Мориц.

— На расстоянии одного, даже двух или трех выстрелов — еще туда-сюда, — сказал Васкец. — Но лань — пугливое животное, и едва ли нам придется увидеть пару ветвистых рогов вот там, на скалах, по соседству с буковым лесом.

Действительно, за все время производства работ вблизи Эльгорской бухты ни одно животное здесь не показывалось. Старший офицер с «Санта-Фе», страстный охотник, несколько раз пробовал охотиться на ланей. Он ходил за пять, за шесть миль и — напрасно.

Лани на острове хотя и водились, но не подпускали к себе на расстоянии выстрела. Может быть, охота была бы удачнее, если бы старший офицер перешел через горы, за пределы порта Парри, на другую сторону острова. Но в западной части острова высились остроконечные, почти неприступные утесы, и никто из экипажа «Санта-Фе» не ходил на рекогносцировку к мысу Сан-Бартелеми.

В ночь с 16-го на 17 декабря на башне между шестью и десятью часами вечера стоял на вахте Мориц. И вот в пяти или шести милях расстояния, в восточном направлении, на море показался сигнальный огонек корабля, первый со дня открытия маяка.

Мориц подумал, что это может интересовать товарищей, и пошел за ними. Они еще не спали.

Васкец и Фелипе поднялись вместе с ним на башню и стали наблюдать в зрительную трубу.

— Это белый огонь, — заметил Васкец.

Зеленые и красные огни зажигаются по правому и левому борту, белый огонь поднимается обыкновенно на штагах²⁹ фок-мачты³⁰. Очевидно вблизи острова находился пароход. Он держал курс на мыс Сан-Хуан. Маячные сторожа старались угадать, куда он повернет — в пролив Лемеера или на юг.

В течение получаса следили они за ходом приближавшегося судна и наконец поняли, куда оно идет.

Пароход направлялся на зюйд-зюйд-вест, к проливу, оставляя маяк с левого борта. После того как он миновал гавань Сан-Хуан, его красный огонек промелькнул и исчез в темноте.

— Это первый пароход, который прошел в виду «маяка на краю света»! — воскликнул Фелипе.

— Но не последний, — возразил Васкец.

На следующее утро Фелипе заметил на горизонте большое парусное судно. Легкий юго-восточный ветерок рассеял туман, и в прозрачном воздухе легко было разглядеть находившийся на расстоянии менее десяти миль корабль.

Васкец и Мориц пришли на зов товарища на верхнюю галерею маяка. Корабль виднелся за последними береговыми утесами, правее Эльгорской бухты, между стрелками Диегос и Севераль.

Он шел полным ходом, под всеми парусами, со скоростью двенадцати-тринадцати узлов в час; но так как держал курс прямо на остров, трудно было определить, собирается ли он пройти севернее или южнее острова.

Как настоящие моряки, Васкец, Фелипе и Мориц заинтересовались этим вопросом и поспорили.

Прав оказался Мориц, утверждавший, что корабль вовсе не собирается входить в пролив. В самом деле, подойдя на полторы мили к берегу, он придержался к ветру, чтобы обогнуть стрелку Севераль.

Это было большое трехмачтовое судно, не меньше тысячи восьмисот тонн вместимостью, очень напоминавшее американские быстроходные клипера³¹.

— Пусть моя зрительная труба превратится в зонтик, если этот пароход вышел не из верфей Новой Англии! — воскликнул Васкец.

— Может быть, он даст нам сигнал? — сказал Мориц.

— Он исполнит только свой долг, — отвечал главный сторож.

Когда клипер обогнул стрелку Севераль, он действительно подал сигнал. На гафеле³² выкинули ряд флагов, значение которых Васкец немедленно выяснил, заглянув в книгу, лежавшую в дежурной комнате.

²⁹ штаг — снасть, удерживающая мачту спереди

³⁰ фок-мачты — первая от носовой части мачта корабля

³¹ клипер — старинное парусное судно, по конструкции близкое к шхуне

Название корабля было «Монтанк», и шел он из Бостонского порта в Новой Англии, в Соединенных Штатах Америки. Сторожа выкинули в ответ аргентинский флаг и следили за кораблем, пока верхушки его мачт не исчезли за высотами Уэбстера на южном берегу острова.

— Счастливого пути, «Монтанк»! — воскликнул Васкец. — Благополучно миновать тебе мыс Горн!

В последующие дни море оставалось пустынным. Только с восточной стороны горизонта промелькнуло несколько парусов.

Проходившие на расстоянии десяти миль от Острова Штатов корабли, по-видимому, не старались приблизиться к берегу. По мнению Васкеца, это были китобойные суда, вышедшие на ловлю в Антарктику. Сторожа заметили также несколько дельфинов-великанов, которые зашли сюда с более северных широт. Они плыли в Тихий океан и не подходили к стрелке Севераль.

До 20 декабря в книгу, исключая метеорологических наблюдений, нечего было заносить. Погода стала переменная, и ветер дул то с норда³³, то с зюйд-оста³⁴. Несколько раз шли сильные дожди с градом, что свидетельствовало об известной насыщенности воздуха электричеством. Можно было ожидать гроз, обычно довольно сильных в это время года.

Утром 21-го Фелипе прохаживался взад и вперед по террасе, покуривая трубку. Вдруг на опушке букового леса показалась голова животного.

Фелипе принес зрительную трубу и стал смотреть. Животное оказалось крупной ланью. Представлялся хороший случай поохотиться.

На крик Фелипе на террасу прибежали Васкец и Мориц.

Посоветовавшись, они решили преследовать лань, мясо которой, в случае удачной охоты, могло послужить хорошим дополнением к имеющимся припасам.

Решено было, что Мориц, вооружившись винтовкой, попытается незаметно обойти лань, а потом погонит ее к бухте, где будет караулить ее Фелипе.

— Будьте только осторожны, братцы, — советовал Васкец. — У лани превосходный слух и обоняние. Если только она почует Морица, то побежит так стремительно, что ни подстрелить, ни обойти ее не удастся. Если это случится, пусть убегает, вы же не увлекайтесь охотой и не уходите далеко от башни. Слышите?

— Понимаем, — отвечал Мориц.

Васкец и Фелипе остались на площадке; посмотрев в зрительную трубу, они убедились, что лань стоит все на том же месте, и сосредоточили все свое внимание на Морице.

Мориц шел к буковому лесу. Под прикрытием деревьев ему должно было удаться дойти незаметно до скал и, вспугнув животное, погнать его по направлению к бухте.

Товарищи следили за Морицем, пока он не скрылся в лесу.

Прошло около получаса. Лань стояла неподвижно. Мориц давно уже должен был выстрелить в нее.

Васкец и Фелипе ждали, что вот-вот грянет выстрел, и животное упадет раненое или пустится со всех ног бежать.

Между тем выстрела все не было слышно, а лань, к величайшему удивлению Васкеца и Фелипе, вместо того, чтобы бежать, растянулась на скалах, как безжизненное тело.

Почти в тот же момент на скале появился Мориц. Он бросился к лани, наклонился над нею, ощупал ее и, поднявшись, махнул товарищам рукой, как бы призывая их на помощь.

— Что-то не ладно, — сказал Васкец. — Пойдем-ка, Фелипе.

Оба поспешно спустились с террасы и направились к буковому лесу.

Бежали они не больше десяти минут.

— Ну, что же лань? — спросил Васкец.

— Вот она! — сказал Мориц, указывая на лежавшее у его ног животное.

— Мертвая? — допрашивал Фелипе.

— Мертвая, — отвечал Мориц.

— От старости, что ли? — спросил Васкец.

— Нет, от ран.

— Так она ранена?

— Да, в бок, пулей.

— Пулей? — повторил Васкец. Действительно, раненая лань дотащилась до этого места и тут издохла.

— Значит, на острове есть охотники?.. — прошептал Васкец и озабоченно оглянулся кругом.

³² гафель — наклонный брус, упирающийся одним концом в мачту и служащий для крепления паруса

³³ норд — север

³⁴ зюйд-ост — юго-восток

Глава четвертая ШАЙКА КОНГРА

Если бы Васкец, Фелипе и Мориц побывали на западной окраине Острова Штатов, они увидели бы, что западный берег ничуть не походит на побережье острова между мысом Сан-Хуан и стрелкой Севераль. Береговые утесы в тридцать пять метров вышиной спускались здесь отвесной стеной в воду. Даже в тихую погоду у подножия их яростно бились волны прибоя.

Перед этими бесплодными береговыми утесами, в расщелинах, скважинах и трещинах которых ютились мириады морских птиц, тянулись гряды рифов. Некоторые из этих подводных камней имели до двух миль в ширину, как это видно было во время отлива. Между этими банками³⁵ проходили узкие извилистые каналы, доступные разве лишь для мелких судов. На высоком песчаном берегу кое-где виднелись тощие водоросли, да всюду валялись разбитые волнами раковины. В береговых утесах можно было встретить множество глубоких, мрачных сухих гротов с узкими отверстиями. Ни во время шквалов, ни при зыби, даже в страшное время равноденствия, когда морская вода поднимается на большую высоту, эти пещеры не затоплялись. Чтобы проникнуть в них, надо было взбираться по каменистым откосам и обвалившимся скалам. Перебираясь через трещины, еще можно было достигнуть гребня гор, но чтобы дойти до центрального плоскогорья острова, надо было подняться на вершину в девятьсот метров высотой. В общем, эта часть острова была более дикой и пустынной, чем противоположный берег у Эльгорской бухты.

Хотя горы Огненной Земли и Магелланова архипелага несколько защищают западную часть Острова Штатов от северо-западных ветров, море бушует здесь с такой же яростью, как и вблизи мыса Сан-Хуан, от стрелки Диегос до стрелки Севераль. Таким образом, кроме маяка, выстроенного со стороны Атлантического океана, было бы нелишним построить второй маяк и со стороны Тихого океана, — для судов, которые, обогнув мыс Горн, направляются в пролив Лемера. Может быть, правительство Чили последует со временем примеру Аргентинской республики.

Во всяком случае одновременное устройство маяков на двух концах Острова Штатов причинило бы много неудобств шайке разбойников, поселившихся близ мыса Сан-Бартелеми.

Грабители высадились в Эльгорской бухте несколько лет назад и приютились в глубокой пещере среди береговых утесов. Они чувствовали себя здесь в полной безопасности, потому что корабли никогда не заходили на Остров Штатов.

Шайка состояла из двенадцати человек; предводителем ее был некто по имени Конгр, а его правой рукой и помощником — Каркант.

Все они были уроженцы Южной Америки: пять — аргентинцев или чилийцев по происхождению, остальных, должно быть, Конгр завербовал среди жителей Огненной Земли; им пришлось только переехать пролив Лемера, чтобы очутиться на острове, хорошо знакомом им по рыбной ловле.

Каркант был чилиец родом, но никто не знал, в каком городе или какой деревне республики, в какой семье он родился. Ему было лет под сорок. Роста он был среднего, довольно худощавый, но с сильно развитыми мускулами. По характеру это был скрытный и жестокий человек, который не отступил бы ни перед каким злодейством или даже убийством.

Никому не было известно и прошлое атамана разбойничьей шайки. Сам он никогда не обмолвился о своем происхождении и национальности. Трудно сказать даже, действительно ли его звали Конгром.

Впрочем, имя его встречается довольно часто среди туземцев Магелланова архипелага и Огненной Земли. Когда капитан Дюмон-Дюрвиль³⁶ зашел во время плавания «Астролябии» и «Прилежного» в гавань Пеккет в Магеллановом проливе, к нему явился патагонец, которого звали Конгром. Но едва ли атаман Конгр принадлежал к этому племени. У патагонцев широкие челюсти, узкий лоб, продолговатые глаза, приплюснутый нос, и все они обычно высокого роста. Конгр не походил на этот тип, и в лице его не было и тени той кротости, которой отличаются представители этого племени.

Конгр был пылок и энергичен. Это можно было сказать при одном взгляде на суровые черты его лица, обросшего густой бородой, в которой уже начала пробиваться седина, хотя Конгру было не больше сорока лет. Это был типичный бандит, злодей; не было преступления, которым он не запятнал бы себя; ему ничего

---

³⁵ банки — возвышения морского дна, над которыми глубина воды не превышает четырех метров

³⁶ Дюмон-Дюрвиль (1790–1843 гг.) — французский мореплаватель и натуралист. В 1822–1825 годах совершил первое кругосветное путешествие, в 1826 году предпринял второе кругосветное путешествие, давшее как и первое, богатый материал по исследованию посещаемых им мест

не оставалось больше, как укрыться на этом необитаемом острове, у которого одно только побережье было до некоторой степени известно морякам.

Чем жил, однако, Конгр со своей шайкой с тех пор, как поселился на острове? Постараемся объяснить это в общих чертах.

Когда Конгр и Каркант, спасаясь от грозившей им за их преступления виселицы, бежали из Пунта-Аренас, главного порта Магелланова пролива, они направились на Огненную Землю, где трудно было бы их преследовать. Здесь они узнали от туземцев, что близ Острова Штатов, в то время еще не освещенного маяком, часто происходят кораблекрушения. Конечно, море должно было выбрасывать на берега острова груз погибших кораблей, иногда довольно ценный. Конгру и Карканту пришла мысль организовать банду для разграбления остатков погибших судов. К ним присоединились еще два-три бандита, которых они встретили на Огненной Земле, да человек десять туземцев. Они переправились на туземном судне через пролив Лемера. Конгр и Каркант были опытные моряки, — они много плавали в наиболее опасных местах Тихого океана, — но и им не удалось избежать катастрофы. Их судно отбросило на восток порывом ветра, и оно разбилось о скалы мыса Кольнег в то самое время, когда готовилось войти в тихие воды порта Парри.

Бандиты добрались в брод до Эльгорской бухты. Ожидания их оправдались. Песчаный берег между мысом Сан-Хуан и стрелкой Севераль был покрыт остатками давнишних и недавних кораблекрушений. Тут были целые тюки товаров, ящики со съестными припасами, которых им могло хватить на несколько месяцев, оружие, револьверы, ружья, металлические ящики с прекрасно сохранившимися патронами, ценные слитки золота и серебра, очевидно, остатки груза погибших австралийских кораблей, мебель, доски от обшивки судов, разнообразные обломки и несколько скелетов; но не было ни единого живого существа, спасшегося от кораблекрушения.

Моряки хорошо знают этот ужасный Остров Штатов. Стоило буре прибить корабль к этому берегу, чтобы он погиб безвозвратно со всем экипажем и грузом.

Конгр с товарищами поселился не в глубине самой бухты, а у входа в нее, чтобы удобнее было наблюдать за мысом Сан-Хуан. Случайно он открыл большую пещеру, вход в которую зарос густыми водорослями, ламинариями и фукусами, и расположился в ней со всей бандой. Прибрежные утесы защищали пещеру от морского ветра. Разбойники перенесли в свое новое жилище мебель, койки, одежду, съестные припасы, ящики с сухарями, бочонки с вином и водкой, — словом, все, что найдено было на берегу. Особенно ценные находки, например, золото, серебро, драгоценные камни, сложили в соседней пещере. Конгр надеялся когда-нибудь завлечь предательски какое-нибудь судно в бухту, захватить его, нагрузить драгоценной добычей и удалиться на один из островов Тихого океана, где он некогда совершал свои первые морские грабежи.

До сих пор такого случая не представилось, и пираты не могли покинуть Остров Штатов. Зато в течение двух лет богатство их увеличилось. За это время погибло несколько кораблей, и они награбили много добычи. По примеру живущих на некоторых побережьях Старого и Нового Света искателей выбрасываемых морем остатков после кораблекрушений, негодяи даже иногда завлекали суда в опасные места. Стоило показаться кораблю в виду берега ночью, когда свирепствовал восточный ветер — и разбойники тотчас зажигали костер в направлении подводных рифов. Если кому-нибудь из потерпевших крушение удавалось спастись, злодеи немедленно убивали его.

Так жила на острове разбойничья банда. Конгру удалось погубить несколько судов, но не удалось привлечь ни одного в Эльгорскую бухту и завладеть им. По доброй воле ни одно судно не заходило в эту мало известную морякам бухту; да если бы случайно и попало туда, экипаж корабля мог ведь справиться с пятнадцатью разбойниками.

Время шло, и пещера все больше и больше наполнялась ценными остатками грузов. Можно себе представить, какое нетерпение, какая ярость овладевали Конгром и его товарищами. Он и Каркант только об одном думали и говорили:

— Какая досада сидеть на этом острове с грузом, ценностью свыше ста тысяч пиастров!³⁷ — говорил Каркант.

— Надо во что бы то ни стало выбраться отсюда! — отвечал Конгр.

— Когда и как? — спрашивал Каркант, и вопрос этот оставался всегда без ответа.

— Наши припасы истощаются, — продолжал Каркант. — Пока нас еще выручает рыбная ловля; а вот охота скоро перестанет давать нам добычу! И что за суровые зимы придется нам переносить на этом острове! Неужели мы должны пережить еще несколько таких зим?

Что мог ответить на все это Конгр? По природе он был неразговорчив и необщителен; но гнев так и кипел в нем при сознании собственного бессилия!

---

³⁷ пиастр — серебряная испанская и мексиканская монета

Да, он был совершенно бессилен. Уж если шайка не может захватить корабль, то пусть бы какая-нибудь шлюпка с Огненной Земли пристала к берегу! Завладев ею, сам Конгр или Каркант с одним из чилийцев могли бы переплыть Магелланов пролив, а оттуда пробраться в Буэнос-Айрес или Вальпараисо. А там, — были бы лишь деньги, — всегда можно купить судно в полтораста или двести тонн, которое при помощи нескольких наемных матросов можно привести в Эльгорскую бухту. В бухте легко избавиться от экипажа... Затем вся банда со своими богатствами могла бы отправиться на корабле на Соломоновы острова³⁸ или на Новые Гебриды.

В таком положении было дело, когда вдруг произошло нечто неожиданное.

В начале октября 1858 года в виду острова показался пароход, на котором развевался аргентинский флаг. Он вошел в Эльгорскую бухту.

Конгр и другие разбойники тотчас же узнали, что это военный корабль, против которого они не могли ничего предпринять. Тщательно замаскировав вход в пещеру и уничтожив всякие следы своего присутствия, разбойники удалились в глубь острова, чтобы выждать, когда уйдет корабль.

Это был пришедший из Буэнос-Айреса «Санта-Фе», доставивший на Остров Штатов инженера, который должен был выбрать место для маяка.

Рассыльное судно оставалось в Эльгорской бухте всего несколько дней и ушло, не обнаружив места, где скрылись Конгр и его приверженцы.

Впрочем, Каркант успел пробраться к бухточке и узнать, с какой целью приходил «Санта-Фе» на Остров Штатов. В Эльгорской бухте хотят выстроить маяк! Но ведь это значит, что разбойничьей шайке остается одно — убраться подобру-поздорову! Разбойники непременно так и сделали бы, если бы могли. Но Конгр не мог покинуть остров, а потому решил перебраться в западную часть его, к мысу Сан-Бартеlemi, где тоже было много пещер. Рассыльное судно ушло, но оно должно было скоро вернуться с артелью рабочих, поэтому Конгр, не теряя времени, приказал перенести все необходимое в западную часть острова, в расчете на то, что, может быть, придется прожить там целый год. Он надеялся, что на таком расстоянии от мыса Сан-Хуан никто не откроет его. Перенести все, что было сложено в двух пещерах, не удалось. Пришлось ограничиться переноской съестных припасов, консервов, постельных принадлежностей, одежды и лишь некоторых драгоценных вещей. Все остальное оставили на произвол судьбы в пещерах, вход в которые старательно завалили камнями.

Через пять дней после того, как разбойники оставили старое пепелище, снова прибыл и стал на якорь в Эльгорской бухте «Санта-Фе». Он доставил на остров рабочих и материалы. Маяк решено было строить на террасе. Начались работы, которые, как известно, были благополучно доведены до конца.

Итак, разбойничья банда Контра приютилась близ мыса Сан-Бартеlemi. Тут протекал образовавшийся от таяния снегов ручеек, который доставлял им пресную воду. Рыбная ловля, а до некоторой степени и охота давали возможность приберегать захваченные при бегстве из Эльгорской бухты съестные припасы.

Конгр и Каркант ожидали с нетерпением, когда постройка маяка будет окончена, а «Санта-Фе» уйдет, чтобы вернуться не раньше трех месяцев с новой сменой сторожей.

Следует сказать, что Конгр и Каркант прекрасно знали все, что происходит в бухте. Подкрадываясь к маяку с южного или северного побережья или из внутренней части острова, или же наблюдая с высот, они составили себе понятие о ходе работ. Конгр ждал окончания работ и надеялся наконец осуществить свой давнишний план. Может быть, когда Эльгорская бухта будет освещена маяком, какой-нибудь корабль зайдет в нее, и тогда-то ему с товарищами удастся, истребив предварительно экипаж, захватить судно.

Конгра нисколько не беспокоило, что офицеры «Санта-Фе» могут отправиться исследовать западную часть острова. Никому не могла прийти охота, по крайней мере в этом году, пуститься на разведку к мысу Сан-Бартеlemi, по обнаженным плоскогорьям и почти неприступным оврагам. Это стоило бы невероятных усилий. Правда, у командира рассыльного судна могла явиться мысль обойти остров с моря; но едва ли даже в этом случае он решился бы высадиться на окруженный рифами берег. Во всяком случае, разбойники сумели бы вовремя укрыться.

Ничего подобного, однако, не случилось. Наступил декабрь, постройка маяка приближалась к концу; скоро там должны были остаться одни сторожа. Первые лучи, которыми маяк осветит ночной мрак, оповестят об этом Конгра.

В течение последних недель кто-нибудь из разбойников каждый вечер взбирался на одну из конусообразных вершин, с которых можно было за семь или восемь миль видеть маяк. Наблюдавший должен был тотчас же сообщить, как только на маяке в первый раз засветится огонь.

В ночь с 9-го на 10 декабря дежурил Каркант, и на его долю выпало принести эту весть на мыс Сан-Бартеlemi.

---

³⁸ Соломоновы острова — группа островов в Тихом океане к северо-востоку от Новой Каледонии

— Черт зажег огонь на маяке, пусть бы черт и загасил его! — сказал он Конгру, вернувшись в пещеру.

— Нам этот маяк не нужен! — отвечал Конгр, грозно потрясая кулаком по направлению востока.

Четыре дня спустя, в начале следующей недели, Каркант охотился в окрестностях порта Парри и подстрелил лань. Мы уже знаем, что животное убежало и упало на опушке букового леса, где его нашел Мориц. Узнав, что на острове есть жители, кроме них, Васкец и его товарищи стали бдительнее наблюдать за соседней с Эльгорской бухтой местностью.

Наконец Конгр пожелал возвратиться с мыса Сан-Бартелеми к мысу Сан-Хуан. Бандиты решили оставить все свое имущество в пещере. С собой они решили взять дня на три, на четыре съестных припасов, рассчитывая найти все остальное на маяке. В первый день они должны были пройти треть расстояния, так как знали кратчайшую тропинку через центральную часть острова. Пройдя десять миль по гористой местности, они думали отдохнуть в тени деревьев или в каком-нибудь гроте; на другой день они могли выйти до восхода солнца и пройти такое же расстояние, как накануне, а на третий день к вечеру должны были спуститься к берегу Эльгорской бухты. Конгр не знал, что на маяке три сторожа, и думал, что там только двое. Но это не имело значения. Васкец, Фелипе и Мориц едва ли могли оказать сопротивление целой шайке разбойников, о близости которых они не подозревали. Убив двух сторожей в сторожке, бандиты легко могли расправиться и с третьим, стоящим на вахте.

Завладев маяком, Конгр перенес бы с мыса Сан-Бартелеми все оставленное там имущество и снова спрятал бы его в пещере близ Эльгорской бухты.

Таковы были планы бандита. Замысел должен был удался, но что ожидало Конгра дальше — это было неизвестно.

Дальнейший ход дела зависел не от него. В Эльгорскую бухту может зайти какое-нибудь судно. С прибытием «Санта-Фе» в американский порт весть о новой якорной стоянке не замедлит распространиться среди моряков. Поэтому очень возможно, что судно, особенно небольшое, предпочтет зайти в освещенную новым маяком бухту, чем идти в бурю в пролив или огибать остров с южной стороны. Конгр решил завладеть таким судном, и бежать на нем в Тихий океан, где никто не станет преследовать его за совершенные им преступления.

Все это, однако, должно было произойти до возвращения «Санта-Фе». Если разбойники не успеют бежать до этого времени, Конгр и его товарищи должны будут вернуться на мыс Сан-Бартелеми.

А тогда уже дело будет плохо. Узнав об исчезновении трех сторожей, командир Лафайет, конечно, догадается, что их увели или убили. Начнут разыскивать их по всему острову. «Санта-Фе» уйдет не раньше чем исследовав остров вдоль и поперек. Как избежать тогда преследования, как изыскивать средства к существованию? Ведь в случае надобности аргентинское правительство пошлет сюда и другие корабли. Даже если Конгру посчастливится захватить туземную шлюпку, — а это маловероятно, — пролив будут охранять так зорко, что едва ли удастся бежать на Огненную Землю. Или, может быть, счастье улыбнется бандитам и представится возможность покинуть остров, пока еще не поздно?

Вечером 22 декабря Конгр и Каркант беседовали, гуляя у мыса Сан-Бартелеми и, по свойственной морякам привычке, поглядывая то на небо, то на море.

День был серенький. На горизонте всплывали облачка. Дул сильный норд-ост.

Было половина седьмого вечера. Конгр и товарищи собирались уже на покой.

— Так, значит, мы оставим все свое имущество на мысе Сан-Бартелеми? — спросил вдруг Каркант.

— Да, — отвечал Конгр. — Когда мы будем хозяевами на маяке, мы перенесем все туда...

Он не закончил фразы. Взор его скользнул по морю.

— Посмотри-ка туда, Каркант, — сказал он. Каркант взглянул по указанному направлению.

— О, это корабль! — воскликнул он. — Я не ошибаюсь.

— И, кажется, он приближается к нашему острову! — заметил Конгр.

В самом деле, милях в двух от мыса Сан-Бартелеми, лавируя, шел под парусами корабль.

Несмотря на противный ветер, судно продвигалось вперед и к вечеру могло войти в пролив, если только оно направлялось именно туда.

— Это шхуна, — сказал Каркант.

— Да, шхуна в полтораста-двести тонн вместимостью, — подтвердил Конгр.

Было очевидно, что шхуна старалась войти в пролив и вовсе не собиралась огибать мыс Сан-Бартелеми. Интересно было знать, очутится ли она с наступлением ночи на высоте мыса и не рискует ли под напором ветра разбиться о подводные рифы.

Вся банда столпилась на стрелке мыса.

Уже не впервые за время своего пребывания на Острове Штатов разбойники видели на таком близком расстоянии от берега корабль. Известно, что в подобных случаях они даже умышленно завлекали судно на подводные камни.

Кто-то предложил зажечь костер и на этот раз.

— Нет, — отвечал Конгр, — постараемся захватить эту шхуну целой и невредимой. Ветер и течение встречные. Скоро совсем стемнеет. Шхуна не будет в состоянии войти в пролив. Завтра она будет еще стоять в виду мыса, и мы тогда увидим, что можно предпринять.

Час спустя непроницаемая тьма окутала шхуну, на которой не было даже зажжено огней.

Ночью ветер переменял направление и подул с зюйд-веста.

На следующее утро, когда Конгр и его товарищи вышли на берег, они увидели, что шхуна потерпела крушение у рифов мыса Сан-Бартелеми.

Глава пятая ШХУНА «МОЛ»

Был ли Конгр когда-нибудь моряком? Каким судном и в каких морях командовал он? Об этом знал только Каркант, бывший при нем старшим офицером во время его разбойничьих подвигов. Чин этот он сохранил и теперь, на Острове Штатов.

Этих двух негодяев смело можно было назвать пиратами. Чем, если не пиратством, занимались они вблизи Соломоновых островов и Новых Гебрид? Спасаясь от крейсеров, высланных для их поимки Англией, Францией и Америкой, пираты удалились сначала в Магелланов пролив, потом на Остров Штатов, где превратились в простых грабителей остатков кораблекрушений.

Пятеро или шестеро товарищей Карканта и Конгра тоже были когда-то матросами на рыболовных или коммерческих судах и привыкли к морю. Туземцы Огненной Земли могли дополнить состав экипажа в случае, если шайке удастся захватить шхуну.

Судя по корпусу и рангоуту³⁹, шхуна имела не больше ста пятидесяти — двухсот тонн водоизмещения. Западный порыв ветра отбросил ее ночью на песчаную отмель, усеянную скалами, о которые она и разбилась. Но, по-видимому, корпус ее уцелел. Накренившись на левый борт, с покосившимся форштевнем⁴⁰, шхуна была обращена правым бортом к морю. При таком положении шхуны было нетрудно разглядеть всю ее палубу от бака до шканцев⁴¹.

Грот⁴² и фок-мачты, бушприт⁴³ со снастями, с наполовину взятыми на гитовы⁴⁴ парусами, с закрепленным фоком, малым бом-брамселем⁴⁵ и флагштоком были в порядке; словом, весь рангоут уцелел.

Накануне вечером, когда шхуна показалась в виду мыса Сан-Бартелеми, она боролась с довольно сильным норд-остом и, повернув на правый галс⁴⁶, старалась пройти в пролив Лемера. Когда шхуна скрылась в ночном мраке от наблюдавших за нею Конгра с товарищами, ветер начал стихать, и судно уже не могло идти с прежней скоростью. Вероятно, ночью ему пришлось повернуть через фордевинд⁴⁷, и сильным течением его прибило к рифам. Брасопка рей⁴⁸ доказывала, что экипаж всячески старался перенять ветер. Но, должно быть, это было сделано слишком поздно, и шхуна села на мель.

Об участи капитана и экипажа можно было только строить догадки. Вероятно заметив, что шхуну относит течением и ветром к опасному, усеянному рифами берегу, они спустили на море шлюпку, чтобы не быть разбитыми вместе с кораблем о подводные камни. Это была несчастная мысль. Останься экипаж на

³⁹ рангоут — название всех деревянных частей корабля, несущих на себе мачты, реи и пр.

⁴⁰ форштевень — продольный брус в передней части корабля, служащий скреплением для бортов и волнореза

⁴¹ шканцы — средняя часть верхней палубы, от грот-мачты до бизань-мачты

⁴² грот-мачта — средняя мачта трехмачтового судна

⁴³ бушприт — наклонный брус в носовой части корабля, служащий для спуска и подъема якоря

⁴⁴ гитовы — снасти, служащие для уборки парусов

⁴⁵ названия парусов

⁴⁶ галс — положение судна относительно ветра

⁴⁷ фордевинд — направление судна, когда оно идет по ветру

⁴⁸ брасопка рей — поворачивание рей — поперечных брусьев, к которым прикрепляются паруса особыми снастями — брасами

корабле, он уцелел бы. Теперь же все, от капитана до последнего матроса, должно быть, погибли, а шлюпка плавала килем вверх, в двух милях на северо-восток, и ветром ее прибило к бухте Франклина.

Добраться до шхуны во время отлива было нетрудно. Прыгая со скалы на скалу, можно было дойти до мыса Сан-Бартелеми до самого места крушения. Конгр, Каркант и еще два пирата так и сделали. Остальные остались на берегу наблюдать, не покажется ли где-нибудь спасшийся от гибели моряк.

Когда Конгр со своими спутниками достиг шхуны, он увидел что она лежит почти на суше. С приливом, однако, вода должна была подняться на два-три метра, и, если только шхуна не была повреждена в носовой части, ее должно было поднять волнами.

Конгр не ошибся: судно было в сто шестьдесят тонн водоизмещения. Обойдя шхуну, он прочитал на корме ее надпись: «Мол», Вальпараисо.

Итак, в ночь с 22-го на 23 декабря вблизи Острова Штатов потерпел крушение чилийский корабль.

— Вот так находка! — сказал Каркант.

— Если только в борту шхуны нет пробоины, — заметил один из сопровождавших его людей.

— Повреждения можно починить, — отвечал Конгр. Он осмотрел подводную часть шхуны со стороны моря.

Обшивка, по-видимому, нигде не пострадала. Вонзившийся в песок форштевень, так же как и ахтерштевень⁴⁹, и руль оказались в исправности. О состоянии того борта, на котором лежало судно, трудно было судить; надо было дожидаться, чтобы шхуну подняло приливом.

— На судно! — скомандовал Конгр. Взобраться на шхуну с накренившегося левого борта было очень легко; но ходить по палубе оказалось почти невозможно — приходилось продвигаться ползком, удерживаясь за абордажные сетки⁵⁰. Конгр и его спутники шли, опираясь на руслени⁵¹ грот-мачты. За исключением нескольких не ошвартованных⁵² шестов, все осталось на своем месте. Так как шхуна обладала слишком острым килем⁵³ и отвесными флортимберсами⁵⁴, она должна была быстро подняться с приливом, если бы только не наполнилась водой вследствие пробоины в подводной части.

Конгр прежде всего пробрался в рубку⁵⁵, дверь которой открывалась с трудом. Потом вошел в капитанскую каюту, вынул из ящика судового шкафа документы и вышел на палубу, где его ожидал Каркант.

Они вместе просмотрели бумаги и узнали, что шхуна «Мол», в сто пятьдесят семь тонн водоизмещения, вышла 23 ноября из порта Вальпараисо в Чили, под командой капитана Палья, по направлению Фолклендских островов, и что на ней было шесть человек матросов.

Благополучно обогнув мыс Горн, «Мол» готовился войти в пролив Лемера, но потерпел крушение у Острова Штатов. Капитан и матросы, по-видимому, погибли в море; если бы уцелел хоть один из них, он оказался бы на мысе Сан-Бартелеми, между тем уже рассвело, а никого не было видно.

Шхуна шла без груза. Но Конгру важно было то, что он может завладеть судном и, взяв с собою награбленное, уйти на нем с острова, если только удастся сняться с мели.

Чтобы осмотреть трюм, надо было освободить его от балласта, состоявшего из старого железного лома. Но на это потребовалось бы слишком много времени, а шхуна подвергалась слишком большой опасности в том случае, если ветер станет свежее. Прежде всего необходимо было снять ее с мели, как только ее станет поднимать волной прилива. До прилива оставалось всего несколько часов.

— Надо все приготовить, чтобы сдвинуть шхуну с мели, когда под килем будет достаточно воды, — сказал Конгр. — Может быть, у нее нет повреждений и течи.

— А вот сейчас узнаем, — отвечал Каркант, — начинается прилив. А потом, что нам делать, Конгр?

---

⁴⁹ ахтерштевень — продольный брус в задней части корабля, служащий скреплением бортов

⁵⁰ абордажные сетки — сетки на бортах корабля, применяющиеся в случае абордажной схватки (борт-о-борт) с неприятельским кораблем

⁵¹ руслени — площадки снаружи судна, по бортам, к которым прикреплены ванты — снасти, укрепляющие мачту с боков

⁵² ошвартованный — закрепленный

⁵³ киль — продольный брус, идущий в нижней, подводной части корабля

⁵⁴ флортимберсы — одна из составных частей корпуса судна

⁵⁵ рубка — застекленная башенка на верхней палубе, в которой сосредотачивается все управление кораблем

— Сдвинем шхуну с мели, отведем ее в бухту Пингвинов и поставим перед пещерами. Так как она сидит в воде всего на два метра, то там она не сядет на мель даже во время отлива.

— А потом?

— Потом мы нагрузим на нее все, что захватили с собой из Эльгорской бухты.

— А потом? — продолжал допрашивать Каркант.

— Потом увидим, что делать, — отвечал Конгр. Чтобы не пропустить время прилива, они немедленно принялись за дело.

К полудню надо было во что бы то ни стало отвести шхуну в бухту, где она была бы в безопасности на случай бури и где вода была довольно глубока.

Прежде всего Конгр велел снять якорь с кран-балка правого борта и укрепить его вдали от банки, во всю длину якорной цепи. Таким способом, лишь только киль поднимет волной, шхуну можно было буксировать на более глубокое место. Разбойники успели бы достигнуть бухты раньше, чем начнется отлив, и тогда в тот же день смогли бы осмотреть трюм шхуны.

К тому времени, когда прилив могучей волной должен был покрыть всю отмель, все приготовления были окончены.

Конгр, Каркант и человек шесть разбойников взобрались на шхуну, остальные возвратились к береговому утесам.

Теперь оставалось одно — ждать. Часто ветер свежее с приливом, а этого следовало опасаться больше всего, так как шхуну могло отнести еще дальше на мель, тянущуюся по направлению к берегу. Тут же была самая низкая вода во время отливов, и шхуне ни за что не удалось бы сняться с мели, если бы ее прибило хоть на полкабельтова к берегу.

Но случай благоприятствовал планам Контра. Ветер подул на юг и даже способствовал снятию судна с мели.

Конгр и остальные бандиты стояли на носу, так как передняя часть шхуны должна была очутиться на воде раньше, чем остальная ее часть.

Если шхуна начнет вертеться на шпиле, то форштевень скоро очутится в воде, и тогда можно будет вытянуть шхуну на буксире на глубокое место.

Между тем уровень воды повышался, Корпус корабля начал вздрагивать под влиянием прилива. Волн не было, чувствовалась только зыбь. Более благоприятных обстоятельств трудно было ожидать.

Конгр уже был уверен, что ему удастся снять шхуну с мели и отвести ее в безопасную бухту Франклина. Но одно обстоятельство смущало его. Что если левая сторона шхуны пробита?

Осмотреть ее было нельзя, потому что судно лежало на ней, а потом, если бы в ней оказалась пробоина, на последнюю некогда было бы наложить пластырь; шхуна наполнится водой, и ее придется оставить на мели, где первая же буря окончательно разобьет ее.

С волнением ожидали Конгр и его товарищи полного прилива. Если где-нибудь пробита обшивка или выпала конопатка, — вода зальет трюм, и шхуна не встанет.

Но мало-помалу они успокоились. Корпус шхуны погружался все больше и больше. Вода поднималась, но не заливала судна. Очевидно, оно не имело пробоин, и палуба начинала принимать горизонтальное положение.

— Течи нет! — воскликнул Каркант.

— Смотри за шпилем! — скомандовал Конгр.

Люди ожидали только приказа, чтобы привести шпиль в движение.

Наклонившись над кранбалком, Конгр наблюдал за прибывавшей уже в течение двух с половиной часов водой. Форштевень уже поднялся, и киль не касался больше дна, но ахтерштевень и руль еще не были свободны. Через полчаса, впрочем, должна была подняться на воде и корма.

Чтобы поскорее снять шхуну с мели, Конгр скомандовал ходить в шпиле.

Шпиль завертелся. Цепь натянулась, но форштевень не повернулся к морю.

— Осторожно! — закричал Конгр.

Он боялся, как бы якорь не отцепился от грунта, укрепить же его вторично было бы трудно.

Шхуна совсем поднялась, и, осмотрев трюм, Каркант убедился, что вода не проникала в него. Итак, если даже и были в шхуне повреждения, то обшивка все же везде целая. Можно было надеяться, что «Мол» не пострадал ни во время посадившего его на мель шторма, ни в течение проведенных на банке двенадцати часов. При таких условиях можно было быстро доставить шхуну в бухту Пингвинов. Днем ее можно было нагрузить, а на следующий день она могла бы уже выйти в море. Но надо было спешить, пока дует попутный ветер, чтобы «Мол» мог войти в пролив Лемера или обогнуть южный берег Острова Штатов и выйти в Атлантический океан.

В это время года приливы довольно слабы, и в девять часов вечера вода достигла самого высокого уровня. К счастью, шхуна была плоскодонная, и можно было рассчитывать, что ее легко будет снять с мели.

Действительно, около половины девятого поднялась и корма. Шхуна стала бить по грунту задней частью киля, не рискуя получить повреждения.

Конгр решил, что настал благоприятный момент для буксировки. По его приказанию матросы опять заходили в шпиле. Когда наvertели на шпиль несколько метров цепи, «Мол» повернулся носом к морю. Якорь не отделялся от грунта; он крепко зацепился за скалу, и скорее сломался бы, чем уступил тяге шпиля.

— Смелей, ребята! — крикнул Конгр.

Все, не исключая и Карканта, налегли на ручки шпиля, а Конгр, нагнувшись над гакабортом⁵⁶, наблюдал за кормой.

Был момент, когда всеми овладел страх: до конца прилива оставалось всего двадцать минут, а между тем задняя часть киля все еще продолжала бить о грунт. Если не удастся сейчас же снять шхуну с мели, она останется стоять на месте до следующего прилива. Между тем в следующие дни прилив будет еще слабее и усилится лишь через двое суток.

Еще одно, последнее усилие! Люди приходили в ярость от сознания своего бессилия. Быть на корабле, которого они так долго ждали, зная, что от него зависит их свобода и спасение, — и не быть в силах снять его с песчаной отмели!..

Посыпались ругательства, проклятия. Матросы тяжело дышали, налегая грудью на шпиль. Только бы не сломался и не отделился от грунта якорь! А то придется ждать до вечера и бросить снова якорь, и уже не один. Кто знает, что будет через двадцать четыре часа! Не переменится ли погода!..

На северо-востоке уже показались тучи. Правда, отмель была защищена высокими прибрежными утесами, но, если море взволнуется, зыбь легко может разбить севшее накануне на мель судно.

К тому же даже слабый норд-ост мог помешать шхуне войти в пролив. Вместо того чтобы идти полным ходом, «Молу» несколько дней придется лежать в бейдевинд⁵⁷, а в плавании опасна всякая задержка.

Море поднялось до высшего уровня; через несколько минут должен был начаться отлив. Вся банка покрылась водой. Только кое-где виднелись верхушки рифов. Исчезла под водой и стрелка мыса Сан-Бартелеми. Волны прилива омыли песчаный берег и отступили. Начинался отлив. Скоро должны были выступить из-под воды и окружающие отмель камни.

Снова посыпались проклятья. Запыхавшиеся, утомленные люди готовы были бросить бесцельный труд.

Но Конгр, со сверкающими от бешенства глазами, с топором в руках, бросился к ним, угрожая раскроить череп первому, кто оставит свое место у шпиля. Все знали, что он не задумается исполнить угрозу.

Матросы снова навалились на ручки шпиля. Цепь натянулась так, что вот-вот готова была разорваться, и сорвала медную обшивку клюза⁵⁸.

Но вот послышался стук. Зубец шпиля вошел в свою вырубку. Шхуна слегка повернула к морю. Руль задвигался и освободился из грунта.

— Ура!.. Ура!.. — закричали все, почувствовав, что шхуна сдвинулась с мели.

Быстрее заходили матросы в шпиле, и несколько минут спустя вытянутое за якорь судно вышло на глубокое место.

Конгр бросился к колесу. Отдали цепь, отделили якорь от грунта и подняли его на кранбалк. Оставалось только осторожно пройти между рифами и войти в бухту Франклина.

Конгр приказал поднять фок. Глубина вокруг была вполне достаточна. Через полчаса, обойдя последние подводные камни у побережья, шхуна стала на якорь в бухте Пингвинов, в двух милях от мыса Сан-Бартелеми.

Глава шестая БУХТА ЭЛЬГОР

Итак, шхуну удалось снять с мели. Но это было еще не все. Надо было еще уберечь шхуну в небольшой бухте соседнего с мысом Сан-Сан-Бартелеми побережья от морского волнения и северо-западных ветров. В период равноденствия приливы очень сильны, и шхуна не могла без риска простоять и суток в этой гавани.

Конгр знал это и хотел выйти из бухты со следующим отливом, которым рассчитывал воспользоваться, чтобы войти в пролив Лемера.

⁵⁶ гакаборт — кормовой борт на верхней палубе

⁵⁷ лежать в бейдевинд — стоять в таком направлении к ветру, чтобы он дул навстречу под некоторым углом

⁵⁸ клюзы — обделанные металлическими муфтами отверстия в бортах для якорных канатов

Надо было, однако, еще раз тщательно осмотреть корабль снаружи и внутри. Плавание предстояло дальнее, и хотя Конгр и думал, что в шхуне нет течи, все же, если не обшивка, то набор ее мог быть поврежден, и необходимо было починить все это.

По приказанию атамана люди стали выгружать из трюма наполнявший его до флортимберса правого и левого борта балласт. Чтобы не терять времени и трудов, — особенно дорого было время, — балласт не стали переносить на берег.

Состоявший из старого железа балласт перетащили сначала с передней на кормовую часть трюма и осмотрели внутреннюю обшивку носовой части.

Конгр лично производил осмотр судна. Ему помогали Каркант и один чилиец, по имени Варгас, бывший когда-то плотником на корабельной верфи в Вальпараисо и хорошо знавший свое дело.

Никаких повреждений не было во всей части от форштевня до степса⁵⁹ фок-мачты. Флортимберс, набор, обшивка — все было в исправности. Заклепанные медными нагелями⁶⁰ части ничуть не пострадали от крушения.

Затем перенесли балласт в носовую часть и осмотрели корпус судна от Фок — до грот-мачты, — здесь тоже все оказалось в исправности: пиллерсы⁶¹ не погнулись, лестница осталась на своем месте.

Осмотрели и последнюю часть трюма до самого ахтерштевня.

Тут оказалось довольно серьезное повреждение. Правда, течи не было, но набор левого борта вогнулся на протяжении полутора метров. Вероятно, шхуна ударилась левым боком о скалу. Обшивка и ворса⁶² уцелели и помешали воде проникнуть в трюм, но все же повреждение принадлежало к числу серьезных, и моряки должны были исправить его.

Починку надо было начать тотчас же, до выхода в море, и даже при наличии всех материалов и инструментов ее нельзя было окончить раньше недели.

Восторженное настроение, овладевшее Конгром и его товарищами, когда они сняли шхуну с мели, омрачилось, едва они выяснили настоящее положение дел. Снова раздались проклятия, на этот раз основательные. Неужели нельзя будет воспользоваться шхуну? Неужели не удастся бежать с Острова Штатов?

— Повреждение, правда, серьезное, — сказал Конгр. — В таком состоянии шхуна может дать трещину при первой же буре, а до Тихого океана — сотни миль! Отправляться так — значило бы пойти вскоре ко дну. Но судно можно починить, и мы его починим!

— Где? — озабоченно спросил один из чилийцев.

— Надеюсь, не здесь? — сказал другой.

— Нет, в бухте Эльгор, — решительно отвечал Конгр.

Действительно, шхуна могла дойти до бухты в сорок восемь часов. Она могла обойти остров или с южной или с северной стороны. В пещере, где сложена была награбленная добыча, плотник, которому была поручена починка шхуны, мог найти все нужные материалы и инструменты. Если бы понадобилось, шхуна могла бы оставаться в бухте две, даже три недели.

Впереди оставалось еще два летних месяца, и Конгр с товарищами имел возможность покинуть Остров Штатов на хорошо исправленном корабле.

Конгр всегда мечтал уйти с мыса Сан-Бартелеми и прожить некоторое время в Эльгорской бухте. Ни в каком случае он не желал потерять богатую добычу, сложенную в пещере и брошенную во время бегства на другой конец острова. Теперь планы его изменились лишь в вопросе о продолжительности стоянки. Он понял, что ему придется пробыть в бухте дольше, чем он рассчитывал.

Мало-помалу разбойники успокоились и стали готовиться к отплытию с наступлением завтрашнего отлива.

Присутствие на маяке сторожей ничуть не смущало пиратов. Вот что сказал Конгр по этому поводу Кар-канту, когда они остались вдвоем:

— До появления шхуны я хотел завладеть Эльгорской бухтой, не изменяю своего намерения и теперь. Но, вместо того чтобы подойти незаметно с суши, мы открыто придем с моря. Шхуна станет в бухточке на якорь. Нас примут, ничего не подозревая... и...

---

⁵⁹ степс — выемка, в которую входит мачта

⁶⁰ нагель — металлический стержень

⁶¹ пиллерсы — стойки на судах, поддерживающие палубы. Расположены в трюме.

⁶² ворса — старая пеньковая снасть, которой конопатят корпус судна

Конгр закончил свою мысль жестом, смысл которого Каркант хорошо понял.

Счастье, казалось, улыбалось негодяю. Только случайность могла спасти Васкеца, Фелипе и Морица от угрожавшей им гибели.

Приготовления к отъезду продолжались целый день. Конгр приказал положить балласт на прежнее место и нагрузить шхуну припасами, оружием и всем, что было в распоряжении пиратов на мысе Сан-Бартелеми.

Погрузка потребовала мало времени. Прошло уже больше года с тех пор, как Конгр с товарищами бежали из Эльгорской бухты. Все это время они питались исключительно принесенными с собой съестными припасами. Их оставалось немного, и пираты сложили их в баталер-камере⁶³. Койки, платье, домашняя утварь, золото, серебро были размещены в жилой палубе, рубке и трюме; сюда же рассчитывали погрузить и скрытую в пещере добычу.

К четырем часам дня шхуна была нагружена. Можно было бы выйти в море сейчас же, но Конгр не хотел предпринимать плавания вдоль усеянного рифами побережья ночью. Он еще не решил, пойдет ли он проливом Лемера, чтобы достигнуть мыса Сан-Хуан. Это будет зависеть от направления ветра. Если ветер подует южный, можно будет пройти проливом, если свежий северный — это окажется невозможным. В последнем случае безопаснее будет обогнуть остров с юга, под прикрытием берега. Но и в том и другом случае идти придется не больше тридцати часов.

Наступил вечер, а никаких перемен в погоде не произошло. Солнце зашло при совершенно чистом небе. В момент, когда солнечный диск скрылся на горизонте, между небом и водой скользнул зеленоватый луч⁶⁴.

Можно было ожидать, что ночь будет спокойная, и это ожидание оправдалось. Почти все матросы провели эту ночь на шхуне, кто в жилой палубе, кто в трюме. Конгр занял капитанскую каюту, Каркант — каюту старшего офицера.

Несколько раз выходили они на палубу, чтобы посмотреть на небо и море и удостовериться, что даже во время полного отлива шхуне не угрожает опасность и что завтра можно будет сняться с якоря.

Утром солнце взошло во всем своем великолепии. На этой широте редко приходится видеть его на таком безоблачном горизонте.

Чуть свет Конгр сел в шлюпку и пробрался по узкому каналу до прибрежных скал, находившихся почти у самого мыса Сан-Бартелеми.

С этой возвышенности он мог окинуть взглядом большую часть моря. Только на востоке, между мысами Сан-Антуан и Кемпе, виднелись горы.

На юге море было спокойно, но у входа в канал оно уже волновалось, потому что ветер свежел.

В открытом море не было видно ни паруса, ни парового дыма. Можно было надеяться, что на пути к мысу Сан-Хуан шхуна не встретит ни одного судна.

Конгр быстро принял решение. Опасаясь сильного ветра и не желая подвергнуть шхуну опасности, он решил войти в Эльгорскую бухту, обогнув мыс Кемпе, Уэбстер, Севераль и Диегос. Обходить остров с северной или с южной стороны безразлично — расстояние было одинаково.

Спустившись со скалы, Конгр пошел к пещере и посмотрел, не забыли ли в ней чего-нибудь, что могло изобличить присутствие людей в западной части Острова Штатов.

В восьмом часу вечера начался отлив, которым следовало воспользоваться, чтобы выйти из бухточки.

Якорь подняли на кранбалк. Подняли клипер и штормовой латинский парус: этого было достаточно для того, чтобы северо-восточный ветер мог вывести шхуну из района отмелей.

Конгр стоял у руля, Каркант — на носу. Через десять минут шхуна вышла из архипелага подводных камней. Стала ощущаться килевая и боковая качка.

По приказанию Конгра подняли фок, бригантину, наконец марсель⁶⁵. Под этими парусами «Мол» взял курс на юго-запад с целью обогнуть стрелку Сан-Бартелеми.

Через полчаса «Мол» обошел скалы мыса и круто придержался к ветру. Южный берег оставался в трех милях.

Конгр и Каркант убедились, что судно легко идет под всеми парусами. На нем можно было смело пуститься в летние месяцы по Атлантическому океану, оставив за собой последние острова Магелланова архипелага.

---

⁶³ баталер-камера — каюта, служащая складом боеприпасов

⁶⁴ любопытных особенностей этого луча Жюль Верн подробно касается в своей повести «Зеленый луч»

⁶⁵ фок, бригантина, марсель — названия парусов

Конгр мог бы войти в Эльгорскую бухту в тот же вечер, но он предпочитал остановиться где-нибудь у побережья, пока солнце не зашло за горизонт. Вот почему он не поднял брамсея на фок-мачте и довольствовался тем, что шхуна делает от пяти до шести миль в час.

В первый день «Мол» не встретил ни одного судна. Уже смеркалось, когда ой, пройдя почти половину расстояния, стал на якорь на восток от мыса Уэбстера.

В этом месте были самые высокие береговые утесы и множество громадных скал. Шхуна встала в расстоянии одного кабельтова от берега, в защищенной косою бухте. Даже в гавани судно не могло быть лучше защищено. Правда, если бы ветер был южный, было бы небезопасно и тут, так как волнуемое полярной бурей море здесь так же грозно, как и вблизи мыса Горн.

Но погода благоприятствовала Конгру и его товарищам: ветер продолжал дуть с северо-востока.

Ночь с 25-го на 26 декабря была одной из самых спокойных. К десяти часам вечера ветер утих и начался снова с четырех часов утра.

Лишь только забрезжила заря, Конгр стал готовиться к отплытию. Снова подняли паруса, завертелся, вытягивая якорь, шпиль, и «Мол» двинулся в путь.

Мыс Уэбстер вдается в море на протяжении четырех или пяти миль, и шхуне пришлось вернуться к берегу, который тянется на расстоянии двадцати миль на восток к стрелке Севераль.

Подойдя к берегу, шхуна под прикрытием высоких береговых утесов вошла в спокойную полосу моря. Берег пролива был ужасен. Огромные каменные глыбы усеивали скалистое побережье вплоть до места, до которого доходят волны прилива. Между подводными рифами не могла бы пройти и пристать к берегу даже лодка, не только небольшое судно. Ни одной доступной бухточки, ни одной песчаной отмели, где можно было бы высадиться!

Шхуна вала средним ходом в трех милях от берега. Не зная этого побережья, Конгр избегал приближаться к суше, но в то же время он не хотел уходить и в открытое море, а старался держаться в спокойной полосе.

В десять часов шхуна дошла до бухты Блоссом и все-таки попала в район зыби. Ветер вздымал длинные волны, под напором которых шхуна стонала.

Обогнув длинную косу, заграждавшую бухту с восточной стороны, шхуна придержалась к ветру, потом повернулась левым бортом к открытому морю.

Конгр сам встал у руля. Натянув все шкоты⁶⁶, он старался держаться как можно круче. Около четырех часов пополудни он стал держать курс прямо на Эльгорскую бухту, оставляя стрелку Севераль в четырех милях расстояния на северо-запад.

С этого пункта весь берег до самого мыса Сан-Хуан открывался как на ладони.

С противоположной стороны мыса Диегос показалась башня «маяка на краю света», которую Конгр видел впервые. В найденную в каюте капитана Палья зрительную трубу он разглядел даже стоявшего на галерее и смотревшего на море сторожа. До заката солнца оставалось еще три часа, так что шхуна могла дойти до якорной стоянки засветло.

Приближение шхуны к Острову Штатов не могло пройти незамеченным. Пока шхуна поднималась к ветру, Васкец и его товарищи думали, что она направляется к Мальвинским островам, но когда она пошла правым галсом, поняли, что она идет в бухту.

Конгру было совсем не важно, что шхуну его заметили, что намерение его стать на якорь в бухте — не тайна. Это не меняло его планов.

Плавание заканчивалось при благоприятных условиях. Ветер дул с востока. Держась к ветру, шхуна могла подняться, не поворачивая на другой галс, и обогнуть мыс Диегос. В противном случае неизвестно, выдержала ли бы поврежденная шхуна многочисленные повороты при лавировании, и не открылась ли бы в ней течь раньше, чем она вошла в бухту.

Без этого, впрочем, не обошлось даже и при наличии создавшихся благоприятных условий. Шхуна находилась всего в двух милях от бухты, как вдруг спустившийся в трюм матрос выбежал на палубу, крича, что вода проникает в щель обшивки.

Набор корабля пострадал от удара о скалы именно в этой части корпуса, и уцелевшая до сих пор обшивка дала трещину в несколько сантиметров длиной.

Повреждение было не особенно серьезное. Переместив балласт, Варгас без особенного труда законопатил трещину.

Но, само собой разумеется, шхуну надо было починить тщательно. В том виде, в каком она оказалась после крушения, она не могла бы пойти в воды Тихого океана.

---

⁶⁶ шкоты — снасти, растягивающие подветренную сторону паруса

В шесть часов шхуна оказалась как раз против Эльгорской бухты, в полутора милях от нее. Конгр отдал приказ закрепить верхние паруса, без которых уже можно было обойтись. Остались только марсель, кливер и бригантина. Под этими парусами и под командой Конгра, знавшего путь лучше всякого лоцмана, шхуна могла спокойно войти в бухту и стать на якорь.

Около половины седьмого на море упал яркий сноп лучей. На маяке зажгли огонь, и первое судно, которому маяк освещал путь в бухту, оказалось чилийской, попавшей в руки пиратов шхуной.

В семь часов, когда солнце скрылось за высокими вершинами гор Острова Штатов, «Мол», оставив направо мыс Сан-Хуан, входил в бухту с попутным ветром.

Когда шхуна проходила мимо пещер, Конгр и Каркант убедились, что замаскированные растениями и засыпанные камнями отверстия остались нетронутыми. Значит, никто не заметил их присутствия на острове, и они должны были найти свою добычу там, где они ее оставили.

— Дела наши идут недурно! — сказал Каркант Конгру, стоявшему рядом с ним на корме.

— А скоро пойдут и еще лучше! — отвечал тот. До бухты, в которой пираты рассчитывали встать на якорь, оставалось каких-нибудь двадцать минут хода, как вдруг с песчаного берега шхуну «опросили» два человека.

Это были Фелипе и Мориц. Они спустили шлюпку, готовясь подойти к шхуне.

Васкец остался на вахте.

Шхуна находилась уже посреди бухты. Бригантина и марсель были взяты на гитовы: Каркант спускал и кливер.

Шхуна стала на якорь, и Мориц с Фелипе взошли на палубу «Мола».

По данному Конгром знаку Морица ударили топором по голове, а Фелипе упал почти в тот же миг рядом с товарищем, сраженный двумя пулями из револьвера. Смерть настигла обоих мгновенно.

Васкец со своего поста слышал выстрелы и видел, как убили его товарищей.

Та же участь ожидала и третьего сторожа, если им удастся захватить его. От убийц нечего было ждать пощады. Бедный Фелипе! Бедный Мориц! Он не мог спасти их. Он стоял наверху, на башне, охваченный ужасом при виде этого злодеяния.

Когда прошел первый момент ошеломляющего ужаса, Васкец пригнул в себя и начал лихорадочно обдумывать свое положение. Надо было как-нибудь спастись от этих злодеев. Возможно, что они и не подозревают о его существовании. Но после того как они поставят судно на якорь, некоторые из них, вероятно, придут на маяк, чтобы загасить огонь и сделать залив недоступным для других судов, по крайней мере до утра.

Васкец вышел из дежурной комнаты и сбежал по лестнице вниз.

Нельзя было терять ни минуты. Слышен был уже всплеск отчаливавшей от шхуны шлюпки, на которой направлялись на берег несколько человек.

Васкец поспешно заткнул за пояс два револьвера, положил в ягдташ немного провизии, вышел из своего жилища, быстро спустился по склону и, никем не замеченный, исчез в темноте.

Глава седьмая ПЕЩЕРА

Ужасную ночь пережил Васкец! Несчастных товарищей его убили и выбросили за борт, и теперь отлив уносит их трупы в море! Васкец забывал, что, не будь он случайно на вахте, та же участь постигла бы и его, — он думал только о своих погибших друзьях.

— Бедный Мориц, бедный Фелипе! — мысленно восклицал он. — Они доверчиво вывали навстречу этим негодяям, а им ответили револьверными выстрелами! Я не увижу их больше! Не увидят и они своей родины и семьи! А жена-то Морица ожидала, что он вернется через два месяца! Что только будет с ней, когда она узнает о его смерти.

Горе Васкеца было глубоко. Он искренно любил своих двух товарищей. Знал он их давно. По его совету их взяли на должность сторожей маяка... А теперь вот он остался один-одинешенек!

Откуда появилась эта шхуна? Что за разбойничий на ней экипаж? Под каким флагом плавает она и почему зашла в Эльгорскую бухту? Значит, пираты знают эту бухту? Зачем они сюда пришли?.. Зачем погасили огонь на маяке? Или они хотят помешать другим кораблям заходить в бухту?..

Все эти вопросы возникали в голове Васкеца, но ответа на них он не находил. Он даже забыл про опасность, которая ему угрожала. Между тем злодеи должны же были заметить, что на маяке было трое сторожей. Они станут разыскивать третьего и, конечно, найдут его...

С того места, где Васкец укрылся, на берегу бухты, он видел, как в двухстах шагах от малой бухточки замелькали фонари на самой шхуне, на маяке, в окнах жилища сторожей. Он слышал даже, как эти люди

перекликались на его родном языке. Кто же они: соотечественники или же чилийцы, перуанцы, боливийцы, мексиканцы, бразильцы, так как все эти народы говорят по-испански?

Около десяти часов вечера огни потухли, и ни малейший шум не нарушал ночной тишины.

Оставаться там, где он укрылся, Васкецу было невозможно. Настанет утро, и его увидят. Бандиты не пощадят его; следовательно, надо было спастись подальше.

Куда идти, однако? В глубь острова, где все-таки спокойнее? Или не лучше ли выйти поближе к бухте, в надежде, что его возьмет какой-нибудь проходящий в виду берега корабль? Но внутри ли острова или на берегу питаться чем-нибудь надо до той поры, пока не подоспеет помощь. Припасы почти все уже вышли. Через двое суток не останется ничего. А как пополнить их? Даже рыболовных снастей он не захватил! Да и огня как добыть? Придется, пожалуй, питаться моллюсками и ракушками!

Но природная энергия взяла в нем верх. Надо было на что-нибудь решиться. Он решил, что доберется до мыса Сан-Хуан и там проведет ночь, а утром будет виднее, что предпринять.

Васкец ушел с места, откуда он наблюдал за шхуной. Огни на судне погасли, и там царило молчание. Разбойники чувствовали себя в полной безопасности и не выставили даже часовых.

Васкец пошел у подножия прибрежных утесов по северному берегу. Слышны были только всплески отлива, да по временам доносился унылый крик запоздалой птицы, возвращавшейся в свое гнездо.

Было одиннадцать часов, когда Васкец остановился у стрелки мыса. На песчаном берегу он не нашел никакого пристанища и приютился до утра в какой-то ложбине.

Раньше чем солнце осветило горизонт, Васкец спустился к самому берегу моря и осмотрел, не видно ли кого близ маяка или близ мыса Сан-Хуан.

Но все побережье по обе стороны бухты было пустынно. Не видно было также и лодок, а между тем в распоряжении экипажа шхуны, кроме собственной шлюпки, была еще и шлюпка сторожей маяка.

В открытом море тоже не было видно ни одного судна.

Васкец невольно подумал о том, как опасно будет теперь плавание для кораблей вблизи Острова Штатов, раз маяк не действует. Приходя со стороны открытого моря, корабли не будут знать своего положения. Надеюсь, что огонь нового маяка предостережет их, они без опасения пойдут на запад и разобьются об утесы между мысами Сан-Хуан и Севераль.

«Негодяи погасили огонь на маяке и, конечно, не зажгут его вновь — это в их интересах!» — подумал Васкец.

В самом деле, то обстоятельство, что маяк больше не светился, могло иметь печальные последствия: крушения кораблей, из чего злодеи могли извлечь пользу для себя, были неизбежны. Теперь незачем было привлекать суда кострами; корабли, уверенные, что где-то поблизости есть маяк, который предупредит их об опасности, сами придут к побережью. Васкец сидел на обломке скалы и раздумывал обо всем происшедшем. Он смотрел, не прибьет ли где-нибудь волной тела несчастных товарищей. Но нет, отлив сделал свое дело: трупы были погребены на дне морском! Действительность предстала перед ним во всем своем ужасе. Что делать? Ничего, только ждать возвращения «Санта-Фе». Но до прибытия рассыльного судна в Эльгорскую бухту оставалось еще долгих два месяца. Положим, что Васкецу даже удастся избежать встречи с пиратами. Но где он будет жить и чем питаться? Укрыться еще всегда можно в какой-нибудь прибрежной пещере в утесах; к тому же теперь время летнее.

Зимой было бы хуже. Морозы доходят здесь иногда до тридцати и сорока градусов, и беглец погиб бы, конечно, от стужи даже скорее, чем от голода.

Васкец принялся прежде всего искать пристанище. Вероятно, судя по внутреннему устройству жилища сторожей, разбойники догадались, что на маяке было три сторожа. Желая отделаться от третьего, спасшегося от них, они, наверно, станут разыскивать его в окрестностях.

Васкец почувствовал новый прилив энергии. Этому человеку с железной волей отчаяние было незнакомо.

После непродолжительных поисков он нашел узкую впадину и за ней вход в пещеру, всего в три метра глубиной и около двух метров шириной, у самого мыса Сан-Хуан. Пол пещеры был покрыт мелким песком. Сюда не доходили ни волны прилива, ни резкие морские ветры. Васкец вполз в грот и спрятал в нем немного провизии и все то, что успел захватить, убегая из дома. Воду для питья всегда можно было зачерпнуть из небольшого ручья, образовавшегося от таяния снегов.

Васкец съел сухарь и кусочек сушеного мяса и хотел было пойти к ручью напиться, как вдруг услышал вблизи какой-то шум.

— «Они!» — подумал Васкец.

Он лег в пещере, прижавшись к стене, так, чтобы можно было все видеть, не будучи замеченным, и стал смотреть по направлению бухты.

По течению скользила шлюпка. В ней сидели четверо: двое — на носу, двое — на корме, причем один из них правил рулем.

Это была шлюпка шхуны, а не та, что принадлежала сторожам маяка.

«Зачем пришли они сюда? — подумал Васкец. — Уж не меня ли ищут? Судя по уверенности, с которой шхуна вошла в бухту, негодяи хорошо знают здешние берега и являются на остров не впервые. Вот и сейчас они пришли сюда, уж конечно, не для того, чтобы исследовать побережье, а скорее всего с целью разыскать меня...»

Васкец внимательно взгляделся в лица этих людей. Того из них, который сидел у руля, он принял за капитана шхуны. Его национальности он определить не мог, зато товарищи его были по типу похожи на южных американцев.

По знаку рулевого шлюпка остановилась и, притянутая багром, ловко причалила к берегу. Все четверо вышли на берег.

Вот что вслед за тем услышал Васкец.

— Наверно, в этом месте?

— Да. Пещера здесь. Двадцать шагов до береговых утесов.

— Вот счастье-то, что сторожа, бывшие на маяке, не напали на нее!

— Что сторожа! Еще легче могли найти эту пещеру рабочие, которые в течение пятнадцати месяцев строили маяк!

— Они были слишком заняты своими работами в бухте.

— Да и отверстие так хорошо завалено нами, что его не видно.

— Идем, — сказал капитан и вместе с двумя товарищами направился к подножию прибрежных утесов.

Васкец из своей засады следил за малейшим их движением, прислушивался к каждому слову, всеянный раковинами песок хрустел у них под ногами. Но скоро шум шагов замолк, и Васкец видел только ходившего назад и вперед человека, оставшегося сторожить лодку.

«У них есть в этих местах какая-то пещера!» — подумал Васкец.

У него не оставалось больше никакого сомнения, что на шхуне прибыла шайка морских разбойников, поселившихся на Острове Штатов еще до начала работ. Вероятно, они спрятали свою добычу в какой-нибудь пещере, а теперь хотят ее перенести на шхуну.

В то же время у него мелькнула мысль, что где-нибудь поблизости есть склад съестных припасов, которым можно воспользоваться. Впереди забрезжил луч надежды. Пусть только шлюпка уйдет, он выйдет из засады, отыщет пещеру, проникнет туда и найдет все необходимое, чтобы иметь возможность дожидаться возвращения «Санта-Фе»!..

После того как он найдет средства просуществовать эти несколько недель, у него останется лишь одно пламенное желание — чтобы негодяи не ушли с острова до прибытия корабля.

«Да, да, пусть они только останутся здесь до тех пор, пока придет «Санта-Фе»; пусть командир Лафайет судит их по всей строгости законов».

Возможно ли, однако, чтобы это желание исполнилось? Подумав хорошенько, Васкец решил, что шхуна зашла в Эльгорскую бухту, пожалуй, всего на два-три дня, чтобы взять спрятанный в пещере груз, а потом она навсегда покинет Остров Штатов.

Впрочем, скоро Васкец оказался осведомленным насчет планов пиратов.

Пробыв в пещере около часа, три бандита вышли и стали прохаживаться по берегу.

Они говорили громко, и Васкец мог слышать из своей засады все от слова до слова.

— Эти молодцы, оказывается, не ограбили нас в наше отсутствие!

— И шхуна выйдет из бухты с полным грузом.

— Хорошо также и то, что съестных припасов нам хватит на все плавание.

— Да, с теми припасами, которые оказались на шхуне, мы не дошли бы до островов Тихого океана!

— Дурачье! В течение пятнадцати месяцев они не сумели найти наши сокровища и ни разу не явились к нам на мыс Сан-Бартеlemi!

— Да здравствуют недогадливые люди! Не будь таких на свете, мы потеряли бы все, что добыли, устраивая крушения кораблей у рифов острова. Пропали бы наши труды!

Негодяи захохотали во все горло. Васкец, вне себя от гнева, готов был броситься на разбойников с револьвером и перестрелять их, но вовремя сдержался. Полезнее было выслушать разговор до конца. Он узнал, каким чудовищным ремеслом занимались злодеи, живя в этой части острова, и не удивился, когда услышал следующее:

— А что касается «маяка на краю света», пусть-ка судовые командиры поищут его теперь! Пусть идут, как слепые!

— Уж именно, как слепые. Они будут направляться на остров и терпеть крушение.

— Надеюсь, что раньше, чем мы оставим остров, еще несколько корабликов разобьются о скалы мыса Сан-Хуан! Шхуна должна быть нагружена до отказа.

— Нам везет!.. К мысу Сан-Бартелеми пришла шхуна, да еще вдобавок и с экипажем не пришлось возиться: на судне не оказалось ни капитана, ни матросов...

Таким образом Васкец узнал, как шхуна «Мол» попала в руки бандитов на западном берегу острова.

— Что же нам теперь делать, Конгр? — спросил один из трех достойных друзей.

— Возвратимся на шхуну, Карконт, — отвечал Конгр, в котором Васкец справедливо признал разбойничьего атамана.

— Не начать ли нам выгружать то, что сложено в пещере?

— Нет, сначала надо исправить повреждения, а на это потребуется несколько недель...

— Тогда захватим с собой кое-какие инструменты!

— Пожалуй! Варгас найдет здесь почти все, что ему нужно для починки шхуны.

— Скорее! — заторопил Карконт. — Сейчас начнется прилив, мы им воспользуемся.

— Разумеется, — сказал Конгр, — когда шхуна будет исправлена, мы перенесем на нее весь груз.

Нечего опасаться, что его украдут.

— Не следует забывать, Конгр, что на маяке было три сторожа, и один из них бежал.

— Это меня ничуть не беспокоит, Карконт. Дня через два он умрет от голода. Кроме мха да раковин, ему питаться нечем... Впрочем, мы опять завалим вход в пещеру.

— Все-таки жалко, что нам надо чинить повреждения, — заметил Карконт. — Не будь этого, мы могли бы завтра же выйти в море. Впрочем, за время нашей стоянки какой-нибудь корабль может выброситься на берег, даже без всякой попытки с нашей стороны завлечь его. И то, что принесет гибель экипажу, даст нам возможность пожить.

Конгр и его приятели вынесли из пещеры инструменты, части корабельной обшивки, дерево для починки набора корабля. Тщательно завалив вход в пещеру, они сели в шлюпку и отплыли в тот момент, когда в бухте начался прилив.

Несколько взмахов весел — и шлюпка исчезла за соседним мысом.

Рассчитывая, что никто уже не увидит его, Васкец вышел на песчаный берег. Теперь он знал все, что ему было нужно. Прежде всего ему было известно, где добыть съестные припасы; затем, что у шхуны есть повреждения, которые придется исправлять в течение двух недель, а то и дольше, хотя, конечно, едва ли для этого потребуются столько времени, сколько остается до прибытия «Санта-Фе».

Васкец, конечно, не мог и помышлять о том, чтобы задержать уже исправленную шхуну в бухте. Вот если бы какое-нибудь судно прошло на небольшом расстоянии от мыса Сан-Хуан! Тогда он подал бы ему сигнал, а если нужно, то бросился бы в море, чтобы добраться до него вплавь. Его возьмут на корабль, и он расскажет все капитану, а если у капитана окажется под командой многочисленный экипаж, можно будет войти в бухту и завладеть шхуной. Злодеи, вероятно, скроются в центральной части острова. Убежать им будет некуда. А когда придет «Санта-Фе», командир Лафайет сумеет переловить и уничтожить их всех до последнего человека. Придет ли, однако, когда-нибудь корабль к мысу Сан-Хуан? А если и подойдет, заметит ли сигналы Васкеца?..

Что касается самого Васкеца, то, хотя Конгр и знал о его присутствии на острове, за себя мужественный сторож не боялся. Прежде всего надо было разузнать, хватит ли ему съестных припасов до прибытия «Санта-Фе», и он отправился к пещере.

Глава восьмая **ИСПРАВЛЕНИЕ ПОВРЕЖДЕНИЙ ШХУНЫ**

Конгр и его товарищи немедленно принялись за исправление повреждений шхуны. После починки судна надо было нагрузить его всем, что было спрятано в пещере, и поскорее выйти в море.

Исправление повреждений в корпусе корабля — дело серьезное. Но Варгас был опытным плотником, все необходимые материалы и инструменты имелись у него под руками, и ничто не должно было затормозить работу.

Пришлось выгружать из шхуны балласт, втащить ее на берег и положить на правый борт так, чтобы можно было произвести необходимые исправления снаружи и заменить поврежденные набор, обшивку и паруса новыми.

Все это должно было потребовать немало времени, но у Конгра его было достаточно: лето должно было продлиться еще два месяца.

Конгр был хорошо осведомлен и насчет прибытия новой смены сторожей. Из найденной на маяке книги он узнал, что смена сторожей должна производиться через каждые три месяца, следовательно, рассылное судно «Санта-Фе» придет в Эльгорскую бухту не раньше первых чисел марта, а теперь был только еще конец декабря.

Из книги же он узнал, что трех сторожей звали Мориц, Фелипе и Васкец. По одному убранству жилища сторожей можно было судить, что их было трое.

Итак, один из них бежал. Куда? Конгр, как мы знаем, мало об этом беспокоился. Одиноким, без средств к существованию, беглец должен был погибнуть от холода и голода.

Хотя времени для починки шхуны и было достаточно, надо было все-таки рассчитывать на возможное запоздание. Уже в самом начале пришлось приостановить начатые работы.

Шхуну только что разгрузили, и Конгр собирался на следующий день перевернуть ее подводной частью вверх, как вдруг в ночь с 3-го на 4 января погода неожиданно переменилась.

Масса облаков скопилась в эту ночь на южной части горизонта. Термометр показывал шестнадцать градусов тепла, а барометр предвещал бурю. В небе то и дело вспыхивали молнии, сопровождавшиеся раскатами грома. Ветер яростно ревел, море бешено вздымалось, волны перекатывались через рифы и разбивались о прибрежные скалы. Хорошо, что шхуна стояла в защищенной от юго-восточного ветра Эльгорской бухте! В такую бурю даже большое парусное или паровое судно могло быть прибито к берегу, о таком же судне, как шхуна, и говорить не приходится.

Как отзвук яростного шквала и сильного волнения в море, в бухточке поднялась зыбь. Волны прилива покрыли весь песчаный берег, достигали подножия береговых утесов и бушевали у самого маяка; их брызги доносились до маленькой буковой рощи, находившейся в полумиле от башни.

Конгр и его товарищи употребляли все усилия, чтобы удержать шхуну на месте. Несколько раз она срывалась с якоря, так что пришлось бросить второй якорь. Несколько раз ей угрожала неминуемая гибель.

Не переставая наблюдать за шхуной, разбойники переселились сами в жилище сторожей, где им нечего было опасаться шторма. Они перенесли туда койки с корабля, и места хватило для всех пятнадцати человек. За все время пребывания на Острове Штатов им не приходилось еще жить с таким комфортом.

О пище заботиться было нечего. В складах при маяке съестных припасов было вдоволь; их хватило бы и на тридцать человек. В случае же нехватки можно было взять из припасов, хранившихся в пещере. Продовольствия должно было хватить и на все плавание по Тихому океану.

Буря продолжалась до 12 января и стихла только в ночь с 12-го на 13-е число. Целая неделя пропала даром, так как работать было невозможно. Конгр даже распорядился, чтобы часть балласта снова перенесли на судно, которое так и бросало во все стороны. Немало труда стоило отвести шхуну от прибрежных скал, о которые она могла разбиться так же легко, как при входе в Эльгорскую бухту.

Ночью ветер внезапно переменился и подул с вест-зюйд-веста. Особенно яростно дул он и волновал море у мыса Сан-Бартелеми. Если бы шхуна была там, ей бы несдобровать.

В течение всей этой недели в виду острова прошел только один корабль.

Это было днем, а потому с корабля, конечно, не могли заметить, что маяк не освещался по ночам. На корабле развевался французский флаг. Судно шло с северо-востока и направлялось в пролив Лемера.

Впрочем, корабль шел в расстоянии трех миль от берега, и его можно было разглядеть только в зрительную трубу. Разумеется, никто не увидел с корабля сигналов Васкеца, иначе французский капитан спустил бы в море шлюпку и послал ее за потерпевшим крушение.

Утром 13 января пираты снова выгрузили балласт и сложили его на песке. Плотник нашел повреждения более серьезными, чем ожидал. Шхуне, очевидно, пришлось выдержать не одну бурю. В корме ее тоже открылась течь. Непременно надо было заменить новыми поврежденные флортимберсы, шпангоуты⁶⁷, и обшивку на протяжении двух метров.

Прежде всего, шхуну нужно было вытащить на берег и положить на правый борт. За неимением рычагов и других приспособлений это можно было сделать лишь во время прилива. До сильного прилива в новолуние оставалось два дня. Надо было дожидаться этого момента и перетащить шхуну подальше на берег, где она могла бы лежать на суше целый месяц.

Конгр и Каркант воспользовались этой отсрочкой и отправились в пещеру. На этот раз они плыли в шлюпке сторожей маяка, которая была больше шлюпки шхуны. Они хотели перевезти и спрятать в кладовых маяка часть награбленного золота, серебра, самоцветных камней и других драгоценностей.

Это было 14 января, утром.

Два часа тому назад начался отлив, и разбойники рассчитывали вернуться после полудня.

Погода стояла хорошая. Легкий ветерок гнал с юга облака, и лучи солнца пробивались между тучами.

Прежде чем пуститься в путь, Каркант поднялся на галерею маяка, как он это делал ежедневно, чтобы осмотреть горизонт. Нигде на однообразной поверхности моря не видно было ни одного корабля, ни даже рыболовного судна жителей Огненной Земли.

Так же безлюден и пустынен, как море, был и остров.

---

⁶⁷ шпангоуты — поперечные брусья, изогнутые по форме судна и образующие его основу, осто

Шлюпка шла по течению, а Конгр внимательно осматривал берег бухты. Куда девался третий сторож, спасшийся от пиратов? Хотя мысль о нем и не особенно беспокоила атамана шайки, но все-таки лучше было бы избавиться и от него.

На берегу, как и в заливе, не было ни души. Только мириады птиц оживляли его своим криком.

В одиннадцать часов шлюпка, увлекаемая отливом и подгоняемая ветром, причалила к берегу против самой пещеры.

Оставив двух товарищей сторожить шлюпку, Конгр и Каркант вышли на берег, отправились в пещеру и возвратились через полчаса.

Им казалось, что все осталось на своем месте. Впрочем, в пещере была такая масса всевозможных вещей, что если бы некоторые из них и пропали, трудно было бы заметить это.

Конгр с товарищами принесли два тщательно закупоренных ящика, найденных пиратами после крушения английского трехмачтового судна и заключавших в себе на крупную сумму золота и драгоценных камней. Они поставили ящик в шлюпку и уже собирались отвалить от берега, как вдруг Контру пришла мысль дойти до мыса Сан-Хуан, откуда виден был весь южный и весь северный берег.

Каркант и Конгр взобрались на береговые утесы и дошли до самой стрелки мыса. Все побережье до самого пролива Лемера, на расстоянии двух миль в одну сторону и до стрелки Севераль в другую, лежало как на ладони.

— Ни души! — сказал Каркант.

— Никого! — отвечал Конгр.

После этого они возвратились к шлюпке и три часа спустя были снова в Эльгорской бухте.

16 января утром Конгр и его друзья приступили к постановке шхуны на мель. В одиннадцать часов ожидали прилива и потому сделали все необходимые приготовления. На берег отнесли швартов, при помощи которого рассчитывали притянуть шхуну.

В сущности, дело было очень простое и легкое и зависело почти всецело от прилива.

Когда прилив достиг полной высоты, разбойники взялись за кабельтов и потянули «Мол» бечевою как можно дальше на берег.

Оставалось дожидаться отлива. Около часа верхушки ближайших береговых утесов выступили из воды, и киль «Мола» опустился на песок. В три часа судно лежало уже совсем на суше, на правом борту.

Можно было приняться за работу. Так как шхуну не удалось дотянуть до самого подножия береговых утесов, работу надо было прерывать каждый день на несколько часов-на время прилива. Впрочем, с каждым днем приливы должны были становиться слабее, а потому и перерывы в работе-короче, и в течение двух недель после новолуния работать можно было почти непрерывно.

Плотник взялся за дело. Патагонцы не могли помочь ему, но зато Контр, Каркант и остальные члены разбойничьей шайки принялись помогать кто чем мог.

Сняв медную и деревянную обшивку, плотник обнажил флортимберс и шпангоут, которые надо было заменить новыми. Досок и кусков дерева нашлось в пещере столько, что не понадобилось рубить лес и пилить его на доски, что значительно облегчило дело.

В следующие две недели Варгас и его помощники работали, не зная устали. Труднее всего было удалить флортимберсы и поврежденные части набора. Эти части были плотно сколочены медными гвоздями или нагелями. Очевидно, шхуна строилась на лучших верфях Вальпараисо. Варгасу эта часть работы далась не без труда, и, не оказавшись в пещере столько полезных инструментов, дело совсем не пошло бы на лад.

Но мало-помалу приливы стали слабеть, вода перестала доходить до первых отлогостей песчаного берега, киль корабля оставался на суше, и можно было работать как внутри, так и снаружи корпуса. Надо было, однако, спешить заменить по крайней мере хоть обшивку раньше, чем начнутся сильные приливы.

Из предосторожности Контр заставил осмотреть и починить все пазы шхуны ниже ватерлинии⁶⁸. Их заново проконопатили смоленой паклей, оказавшейся тоже среди сложенных в пещере припасов.

Так работа шла почти непрерывно до конца января. Погода ей благоприятствовала. Правда, прошло несколько сильных ливней, но они были непродолжительны.

За все это время вблизи Острова Штатов появились только два корабля.

Первый оказался английским паровым судном; оно шло из Тихого океана и, пройдя проливом Лемера, направилось на северо-восток; вероятно, оно шло в один из европейских портов. Пароход прошел мимо мыса Сан-Хуан днем. Его заметили после восхода солнца, а к закату он скрылся уже из вида. Командир судна не мог, таким образом, заметить, что на маяке нет больше огня по ночам.

Другой корабль был большой трехмачтовик, национальность владельца которого издали нельзя было определить. Уже смеркалось, когда он показался около мыса Сан-Хуан и стал огибать восточный берег

---

⁶⁸ ватерлиния — линия, до которой судно погружено в воду

острова до стрелки Севераль. Каркант, стоявший на вышке маяка, увидел только зеленый огонь на правом борту судна. Но если корабль находился в плавании несколько месяцев, капитан и экипаж могли и не знать, что маяк уже выстроен.

Это трехмачтовое судно прошло достаточно близко от берега, чтобы экипаж его мог заметить сигналы, хотя бы, например, огонь костра, разложенного на краю мыса. Отчего же Васкец не попытался привлечь внимание моряков? Как бы то ни было, корабль с восходом солнца удалился на юг.

Видны были на горизонте и другие парусные и паровые суда, направлявшиеся к Мальвинским островам, но они, кажется, даже не подозревали о существовании Острова Штатов.

В последний день января, во время самых сильных приливов периода новолуния, погода сразу переменилась. Восточный ветер подул прямо в Эльгорскую бухту.

К счастью, хотя шхуна и не была совершенно исправлена, новые флортимберсы, обшивка, шпангоуты делали ее корпус непроницаемым для воды. Нечего было опасаться, что вода проникнет в трюм.

Между тем вода поднималась в течение двух суток все выше и выше; наконец шхуна выпрямилась, продолжая стоять килем на песке.

Конгр и его товарищи должны были принять большие предосторожности, чтобы шхуна не получила новых повреждений, которые могли задержать их здесь еще дольше. Благодаря счастливой случайности шхуна теперь твердо сидела килем в песке. Ее покачивало довольно сильно с боку на бок, но все-таки она не ударялась о скалы.

Впрочем, начиная со второго февраля приливы стали слабее, и шхуна снова стояла неподвижно. Тогда начали конопатить верхнюю часть корпуса, и с утра до вечера слышен был стук мушкетеля.

Одновременно производилась погрузка. Шлюпка то и дело сновала между шхуной и берегом. Те из разбойников, которые не работали вместе с Варгасом, переправлялись в пещеру то с Конгром, то с Каркантом.

Каждый раз шлюпка доставляла часть предметов, которые предполагалось сложить в трюм шхуны, а пока временно складывали в кладовые маяка. Таким образом, нагрузка должна была идти правильнее и легче, чем если бы шхуна грузилась перед пещерой, у входа в бухту, где могло помешать волнение. На всем побережье, со стороны мыса Сан-Хуан, кроме небольшой бухточки у подножия маяка, не было другого места, где можно было бы укрыться от непогоды.

Через несколько дней шхуна, окончательно исправленная, нагруженная, могла уже выйти в море.

Действительно, к 12 февраля последние пазы палубы были законопачены. Среди запасов, найденных на потерпевших крушение кораблях, оказалось несколько горшков краски, и Варгас окрасил заново нос и корму судна. Конгр воспользовался случаем, чтобы изменить название шхуны, и назвал ее в честь своего старшего офицера — «Каркант». Осмотрели также такелаж и починили паруса; впрочем, последние оказались в хорошем состоянии и были, вероятно, новыми, когда шхуна вышла из порта Вальпараисо.

1 февраля шхуна была готова, и ее можно было бы уже нагрузить, если бы, к великому огорчению Конгра и его товарищей, жаждавших уйти поскорее с Острова Штатов, не надо было ожидать следующего полнолуния, чтобы воспользоваться сильным приливом и снять шхуну с мели.

Прилив этот начался 14 февраля. Вода окончательно подмыла и подняла киль, и шхуна свободно сошла с мели. Оставалось только нагрузить ее.

Итак, если не случится ничего непредвиденного, «Каркант» через несколько дней сможет выйти из Эльгорской бухты, пройти проливом Лемера и на всех парусах держать курс на юго-запад, в Тихий океан.

Глава девятая

ВАСКЕЦ

С самого появления шхуны в Эльгорской бухте Васкец безотлучно оставался на побережье, у мыса Сан-Хуан. Он караулил, не зайдет ли в бухту какое-нибудь судно, чтобы сигналами привлечь к себе внимание экипажа.

Его примут, думал он, на корабль, он предупредит капитана об опасности приближения к маяку, расскажет, что маяком овладела шайка злодеев, и, если экипаж корабля недостаточно силен, чтобы напасть на пиратов и прогнать их в глубь острова, корабль по крайней мере успеет благополучно уйти в открытое море.

Но было очень мало шансов на то, что какое-либо судно по доброй воле заглянет в эту мало известную мореплавателям бухту.

А между тем, если бы корабль отправился на Мальвинские острова, до которых было всего несколько дней плавания, он мог бы известить английские власти о разыгравшейся на Острове Штатов драме. Военное судно могло бы тогда явиться в Эльгорскую бухту раньше, чем шхуна «Каркант» успеет сняться с якоря, захватить Конгра со всей его бандой и восстановить деятельность маяка.

— Неужели же придется ждать возвращения «Санта-Фе»? — размышлял Васкец.

— К тому времени шхуна уйдет далеко. Иди ищи ее потом у островов Тихого океана.

Васкец думал не столько о себе, сколько о своих безжалостно убитых товарищах, о безнаказанности совершенного злодеями преступления и об опасности, угрожавшей близ этого побережья судоходству с тех пор, как погас огонь на «маяке на краю света».

За свою судьбу Васкецу нечего было опасаться, так как он нашел хранившиеся в пещере съестные припасы. Лишь бы пираты не накрыли его!

Пещера эта глубоко вдавалась в береговые утесы. В ней в течение нескольких лет укрывалась вся шайка пиратов. Тут же была сложена вся выброшенная морем добыча, — золото, серебро, драгоценности и различные припасы.

Васкец взял из пещеры лишь самое необходимое, так что Конгр и его товарищи ничего не могли заметить, — небольшой ящик морских сухарей, бочонок солонины, жаровню для согревания пищи, котел, чашку, шерстяное одеяло, рубашку, чулки, непромокаемый плащ, два револьвера, штук двадцать патронов, огниво, трут и фонарь. Захватил он также два фунта табаку для своей трубки. Зная, что шхуну будут чинить еще несколько недель, он рассчитывал прийти за припасами, если понадобится, вторично.

Находя, что узкий грот, в котором он приютился сначала, небезопасен ввиду его близости к пещере, он приискал себе другое жилище, в пятистах шагах от прежнего, за мысом Сан-Хуан. Этот грот находился между двумя скалами, и входа в него вовсе не было видно. Проникнуть в него было можно, только пробравшись ползком через едва заметную среди обвалившихся камней трещину. Во время прилива вода подходила до подножия утесов, но никогда не заливала пещеру, пол которой был покрыт чистым, сухим песком.

Можно было пройти сто раз мимо этого грота, не заметив его. Васкец открыл его случайно.

Он перенес туда все взятое в пещере.

Конгр, Карконт и остальные разбойники редко приходили на эту часть побережья. Они зашли сюда только раз, когда вторично посетили свою пещеру. Васкец стоял в трещине, чтобы его не заметили, и видел, как они остановились у мыса Сан-Хуан.

Выходил он больше вечером и всегда с большими предосторожностями, особенно когда шел в пещеру. Остановившись за угловым утесом, при входе в бухту, он долго смотрел, не стоит ли где-нибудь у берега шляпка.

Время тянулось для Васкеца мучительно долго, и его угнетали печальные воспоминания. Сцена убийства Фелипе и Морица стояла у него перед глазами. Как хотелось ему встретить атамана этой разбойничьей шайки и собственноручно отомстить ему за смерть несчастных товарищей!

— Нет!.. Нет!.. — говорил он. — Когда-нибудь они будут наказаны! Они заплатят за преступление собственной кровью.

Он забывал, какой опасности он сам подвергался, пока шхуна не покинула Эльгорской бухты.

— Ах, если бы эти негодяи не успели уйти до возвращения «Санта-Фе»! Если бы что-нибудь задержало их, — повторял он.

Суждено ли было исполниться этому пожеланию? До возвращения рассыльного корабля оставалось всего три недели.

Васкеца даже удивляло, что судно стоит в бухте так долго. Неужели повреждения его настолько значительны, что для исправления их оказалось мало месяца? Конгр должен был знать из хранившейся на маяке книги, когда прибудет вторая смена сторожей. Не мог он не знать и того, что ожидает его, если шхуна не выйдет в море раньше первых чисел марта.

Наступило 16 февраля. Васкец сгорал от нетерпения узнать, что происходит.

Когда солнце село, он пошел по северному берегу, в направлении бухты и маяка.

Несмотря на темноту, он мог встретить кого-нибудь из пиратов, а потому шел около самой стены береговых утесов, осторожно вглядываясь во мрак, останавливаясь, прислушиваясь при малейшем шорохе.

До бухты оставалось три мили. Васкец шел как раз той дорогой, по которой бежал с маяка в день убийства товарищей. В этот вечер, как и тогда, его никто не заметил.

Часов в девять вечера он был в двухстах шагах от маяка и увидел в окнах своего бывшего жилища свет. Гнев душил его при мысли, что бандиты поселились в доме убитых ими, в его доме!

С места, где он стоял, Васкец не мог видеть утопавшую во мраке шхуну. Он подошел шагов на сто ближе, думая, что вся шайка собралась дома и что никто из бандитов не выйдет на улицу.

Он пробрался до песчаного берега малой бухточки. Шхуна была снята с мели накануне и теперь слегка покачивалась, стоя на якоре.

Если бы он только мог, если бы это от него зависело, — он с радостью пробил бы корпус и потопил судно в бухте.

Итак, повреждения были исправлены. Васкец заметил, однако, что шхуна не слишком глубоко сидит в воде, ее подводная часть видна была по крайней мере на три четверти метра ниже ватерлинии. Очевидно, в ней еще не было ни балласта, ни груза. Таким образом, могло случиться, что отплытие отложат еще на несколько дней. Но, конечно, это будет уже последняя задержка. Через двое суток «Мол» снимется с якоря, обогнет мыс Сан-Хуан и навсегда исчезнет с горизонта.

Так как у Васкеца съестные припасы были на исходе, то на следующий день он решил отправиться в пещеру за новым запасом.

Еще не рассвело, когда он, опасаясь, чтобы шлюпка не перевезла днем всех припасов на шхуну, направился туда, соблюдая всяческие предосторожности.

Обойдя угол утеса, Васкец увидел, что шлюпки нет и берег безлюден.

Он вошел в пещеру.

В ней оставалось еще много предметов, но сухарей и мяса уже не оказалось!

Пираты унесли все съестные припасы, а оставшихся у него могло хватить не больше чем на двое суток!

Не успел он прийти в себя, как послышался плеск весел. К берегу подходила шлюпка, а в ней сидели Каркант и два других бандита.

Васкец быстро подбежал к выходу пещеры и стал смотреть.

Шлюпка причалила. Он едва успел отскочить назад и спрятаться в самом темном углу пещеры, за кучей парусов и шестов, которые должны были остаться здесь, так как их не взяли на шхуну.

Васкец решил дорого продать свою жизнь, если его накроют, и собирался пустить в дело револьвер, с которым он не расставался; но все-таки их было трое против одного.

В пещеру вошли только двое, Каркант и плотник Варгас. Конгра с ними не было.

Каркант нес зажженный факел и стал отбирать вместе с Варгасом разные предметы, которыми пираты хотели пополнить груз шхуны.

Они разговаривали между собой:

— Вот и семнадцатое февраля, пора сниматься с якоря.

— Ну и снимемся, — отвечал Каркант.

— Завтра?

— Я думаю, завтра. Ведь все готово.

— Еще какая-то будет погода! — заметил Варгас.

— Да. Сегодня серенький день. Впрочем, пожалуй, тучи разойдутся.

— Только бы погода не задержала нас дней на десять, на восемь...

— Да, — сказал Каркант, — тогда мы, чего доброго, встретимся с крейсером.

— Ни за что... ни... ни! — воскликнул Варгас. — Мы не можем справиться с военным судном.

— Но оно-то с нами справится! — возразил ему Каркант и подкрепил свою речь выразительным проклятием.

— Как бы мне хотелось поскорее быть милях в ста отсюда, в открытом море! — сказал товарищ.

— Говорю тебе — завтра выйдем в море. Останемся разве лишь в том случае, если ветер будет такой, что снес бы рога с головы лани.

Васкец слушал, едва переводя дух. Каркант и Варгас прохаживались взад и вперед по пещере с факелами в руках. Они разбирали вещи, откладывали некоторые из них в сторону. Иногда они подходили так близко, что Васкец, протянув руку, мог бы выстрелить в грудь одному из них почти в упор.

Они оставались в пещере с полчаса. Наконец Каркант позвал оставшегося у шлюпки товарища и с его помощью перетащил тюк.

Затем он заглянул в последний раз в пещеру.

— Жалко оставлять так много! — сказал Варгас.

— Ничего не поделаешь, — отвечал Каркант. — Ах, если бы шхуна была вместимостью триста тонн!.. Но мы взяли все наиболее ценное. Я уверен, что нас и в будущем ожидает богатая добыча...

С этими словами они вышли из пещеры, и шлюпка скоро скрылась за стрелкой берега.

Тогда вышел и Васкец и пошел в свое убежище.

Итак, через двое суток он останется вовсе без съестных припасов. Разбойники, уезжая, наверно, возьмут с собой и все припасы, хранившиеся в складах маяка, и Васкец ничего не найдет и там. До прихода рассыльного судна остается еще две недели. Как протянуть это время?

Положение было не из завидных. Ни храбрость, ни энергия тут не могли помочь. Оставалось одно: откапывать в буковом лесу коренья или ловить в заливе рыбу. Но и на это можно было решиться только тогда, когда уйдет шхуна. Если же она останется близ Острова Штатов еще несколько дней, Васкец свалится от голода в своем гроте у мыса Сан-Хуан.

Между тем тучи все надвигались. На востоке небо заволочлось темными багровыми облаками. Ветер усиливался и превращался в шквал, поднявший на поверхности моря огромные волны с пенящимися гребнями. Волны эти вот-вот готовы были разбиться о скалы мыса.

Если буря не стихнет, шхуна не сможет выйти завтра утром...

Наступил вечер, а погода не переменилась. Шторм, пожалуй, даже усилился. Это была не гроза. Грозы хороши тем, что продолжаются всего несколько часов. Цвет неба и моря, быстро несущиеся под напором ветра облака, шум вздымаемых против течения и разбивающихся о рифы волн — все предвещало сильную бурю. Васкец был опытный моряк; он не мог ошибаться. Барометр в помещении маяка наверно предсказывал бурю.

Несмотря на яростный ветер, Васкец не остался в своем гроте. Он ходил по берегу и пытливо всматривался во все более и более покрывавшийся тучами горизонт. Вдруг при последних лучах заходящего солнца Васкец заметил в открытом море какую-то двигавшуюся черную массу.

— Корабль! — воскликнул он. — Корабль, который, кажется, идет к острову!

Действительно, с востока шел корабль, намереваясь войти в пролив или обогнуть остров с южной стороны.

Шторм между тем разыгрался вовсю. Это был уже не простой порыв ветра, а один из тех ураганов, во время которых гибнут самые крупные суда: если ветер застигнет их не в открытом море, а вблизи берега, им редко удается спастись, и они разбиваются о скалы.

— Эти негодяи не зажигают огня на маяке! — пробормотал Васкец. — Очевидно, капитан знает о существовании маяка, но не видит его! Он не видит, что берег всего в расстоянии нескольких миль, и корабль разобьется о подводные скалы.

Да! По вине Конгра и его товарищей судну угрожало крушение. С верхушки маяка, конечно, заметили корабль, который не мог привести парусов к ветру, а должен был убегать от волны. Не видя маяка, который он безнадежно искал на западе, капитан не мог ни войти в пролив Лемера, ни обогнуть мыса Севераль и обойти остров с южной стороны. Самое большое через полчаса корабль должен был разбиться о подводные скалы у входа в Эльгорскую бухту...

Буря все свирепела. Ночь и весь следующий день обещали быть ужасными, так как шторм не мог успокоиться в один сутки.

Васкец и не думал о возвращении в свой грот. Взгляд его не мог оторваться от горизонта. В темноте уже нельзя было различить самый корабль, и лишь иногда меж валами виднелись его сигнальные огни. Управлять рулем при таком бешеном ходе было невысказано. Может быть, у судна не уцелели даже мачты. Паруса, конечно, были закреплены; при таком ветре самое большее можно было оставить фор-стенга-стаксель. Судя по тому, что на судне были только красные и зеленые огни, Васкец заключил, что оно парусное; если бы это был пароход, на стакселе фока был бы зажжен белый огонь. Без машины же бороться с ветром еще труднее.

Васкец в отчаянии ходил по берегу взад и вперед, не зная, как предупредить кораблекрушение. Надо было бы зажечь огонь на маяке. Васкец обращался к Эльгорской бухте, тщетно простирая руки к маяку. Но на маяке не было огня вот уже скоро два месяца, не зажгут его и сегодня, и корабль погибнет с пассажирами и грузом у скал мыса Сан-Хуан.

Вдруг Васкеца осенила мысль. Может быть, судно еще можно избежать гибели, если капитан заметит близость берега. Даже если не удастся привести судно к ветру, можно хоть немного изменить курс и не наскочить на берег, вся длина которого от мыса Сан-Хуан до стрелки Севераль не более восьми миль. А там — впереди уже будет открытое море...

На берегу валяется много выброшенных морем обломков погибших кораблей. Можно сложить их в костер, набросать туда сухих водорослей и зажечь, а ветер раздует пламя. Если корабль будет даже в расстоянии всего одной мили от берега, то, увидев огонь, он еще успеет уберечься.

Васкец поспешно начал таскать на конец мыса обломки дерева и сухие водоросли. Вот костер готов. Сейчас он запыхает...

Но уже было поздно... Во мраке появилась вдруг какая-то громада. Высоко взлетев на исполинских волнах, она неудержимо стремилась вперед. Не успел Васкец даже вскрикнуть, как масса на всем ходу налетела на гряды рифов.

Раздался страшный треск, послышалось несколько отчаянных криков, потом все смолкло... Слышен был только свист ветра да рев бьющихся о берег волн.

Глава десятая ПОСЛЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ

Буря продолжала бушевать и на следующее утро. Море, насколько охватывал глаз, было все покрыто пеной. У мыса белые гребни волн вздымались на высоту семи метров, и ветер переносил их брызги через прибрежные утесы. Порывы ветра и волны отлива сталкивались в Эльгорской бухте со страшной силой. Никакое судно не могло бы войти в бухту или выйти из нее при таких условиях. Хмурое небо предвещало мало хорошего; шторм мог затянуться на несколько дней; вблизи Магелланова пролива такие бури не редкость.

Шхуна не могла, конечно, сняться с якоря. Легко представить себе злобу, овладевшую Каркантом и его бандой.

Вот какая картина представилась глазам Васкеца, когда он проснулся среди целого вихря песку.

Потерпевший корабль лежал шагах в двухстах на северном откосе мыса. Это было трехмачтовое судно тонн пятьсот водоизмещением. Неизвестно, вынужден ли был сам капитан снять мачты или они сломались во время крушения, только рангоута как не бывало. На поверхности моря не было видно никаких обломков, но силой ветра их могло отбросить в глубь Эльгорской бухты; в таком случае Контр уже знал, что какое-то судно разбилось о рифы мыса Сан-Хуан.

Васкец шел вперед, осторожно осматриваясь, нет ли кого-нибудь из разбойников у входа в бухту.

Скоро он достиг места катастрофы; обошел разбившееся судно и прочел на корме надпись: «Столетие» («Century»), Мобил.

Итак, это было американское парусное судно, вышедшее из столицы штата Алабама, на берегу Мексиканского залива.

Экипаж и груз «Столетия» погибли безвозвратно, а от корабля остался лишь один остов. Киль распался на две части. Волны разбросали весь груз. На выступивших из-под воды рифах валялись обломки корабельной обшивки, набора, шестов, рей. На берегу лежали ящики, тюки, бочонки.

Остов «Столетия» покоился на берегу, и Васкец без труда пробрался в него.

Тут глазам его представилась картина полного разрушения. Волны разбили палубу, каюты, бак, шканцы, рубку. Удар корабля о подводные рифы довершил разрушение.

Из экипажа не спасся, по-видимому, никто, — не офицеры, ни матросы.

Васкец громко крикнул, но ответа не получил. Он прошел в трюм, но не нашел там ни одного трупа. Несчастных или унесло волнами, или они утонули в тот момент, когда «Столетие» разбилось о скалы.

Васкец снова вышел на берег, убедился, что ни Конгр, ни кто-либо из его товарищей не приближаются к месту кораблекрушения, и дошел, несмотря на порывы ветра, до конца мыса Сан-Хуан.

— Возможно, — говорил он себе, — что я отыщу и спасу кого-нибудь из экипажа «Столетия».

Однако он никого не нашел и, вернувшись на побережье, стал внимательно осматривать выброшенные волнами обломки корабля.

«Может быть, найду хоть ящик с консервами, которые обеспечат мне существование на две-три недели», — думал он.

Действительно, он нашел выброшенные морем на берег бочонок и ящик. На них сохранились надписи, из которых видно было, что в ящике — сухари, а в бочонке — солонина. Итак, Васкец был обеспечен по крайней мере на два месяца хлебом и мясом.

Он перенес в свой грот сначала ящик, затем бочонок, потом снова побежал на мыс, чтобы осмотреть бухту. Контр не мог не знать о кораблекрушении. Накануне ночью он должен был заметить с башни маяка, что какое-то судно идет к берегу. Так как шхуна не могла еще выйти в море, то пираты, конечно, должны были явиться в Эльгорскую бухту поживиться добычей. Не упустят же они, в самом деле, такого случая: ведь среди обломков могут найтись ценные предметы.

Ветер чуть не свалил Васкеца с ног, когда он дошел до угловых береговых утесов.

При таком сильном встречном ветре шхуна не могла уйти дальше мыса Сан-Хуан и лишена была возможности выйти в море.

Вдруг в короткий момент затишья до слуха Васкеца донесся крик, скорее даже слабый стон, призыв о помощи.

Васкец побежал на крик к той неглубокой пещере, где он приютился в первый раз.

Едва он сделал пятьдесят шагов, как заметил у подножия скалы человека. Несчастный лежал и только шевелил рукой, как бы прося помощи.

Васкец вмиг очутился около него.

Лежавшему на песке человеку можно было дать лет тридцать-тридцать пять. Он был крепкого телосложения, и на нем был костюм моряка. Лежал он на правом боку, с закрытыми глазами, тяжело дыша и по временам вздрагивая. Ран как будто у него не было, и на платье не заметно было пятен крови.

— Человек, — вероятно, единственный, уцелевший из экипажа «Столетия», — не слышал, как к нему подошел Васкец. Бывший сторож наклонился над ним, положил на грудь руку. Больной сделал усилие, чтобы приподняться, и снова беспомощно упал на песок. Он только открыл глаза и успел еще раз сказать:

— Помогите!..

Васкец опустился рядом с ним на колени, осторожно прислонил его к скале и повторил:

— Я здесь, здесь, друг мой... Взгляните на меня!.. Я вас спасу...

Несчастный протянул было ему руку, но от слабости снова лишился сознания.

Надо было как можно скорее оказать ему помощь.

«Только бы не поздно», — думал Васкец.

Прежде всего надо было перенести его в грот. Разбойники могли явиться сюда каждую минуту на шлюпке, морем, или пешком, по берегу.

Он взвалил бесчувственное тело себе на спину, прошел метров двести до ущелья, проник в пещеру, положил там больного на одеяло, а под голову ему подложил свернутую одежду.

Потерпевший крушение еще не успел прийти в себя, но дыхание его стало уже ровнее. Васкец опасался, нет ли у него перелома рук или ног, ведь это было очень возможно, так как его, вероятно, ударило о рифы. Что тогда делать, как помочь? Васкец ощупал его члены, но переломов, к счастью, не обнаружил.

Переодев его в сухое платье, найденное в пещере пиратов, Васкец влил ему в рот воды с несколькими каплями водки и растер ему грудь.

Больше он ничего не мог сделать.

Наконец больной пришел в себя, даже приподнялся и, взглянув на поддерживавшего его Васкеца, попросил уже несколько более твердым голосом:

— Пить... пить...

Васкец протянул ему чашку с водой и водкой.

— Ну что, лучше? — спросил Васкец.

— Да! Да! — отвечал пострадавший.

Потом, словно что-то смутно припоминая, он спросил, слабо пожимая руку своего спасителя, по-английски:

— Вы... здесь?.. Где я?..

— Вы здесь в безопасности, — отвечал ему Васкец на том же языке. — Я вас нашел на берегу, после крушения «Столетия».

— Ах да, помню, «Столетие»!..

— Как ваше имя?

— Дэвис... Джон Дэвис...

— Капитан трехмачтового судна?

— Нет, старший офицер!.. А другие?..

— Все погибли, — отвечал Васкец. — Вы единственный, спасшийся при кораблекрушении!

— Все?..

— Все?..

Это сообщение подействовало на Дэвиса угнетающим образом. Как? Он один остался в живых? Каким образом это случилось? Он понял, что обязан своим спасением вот этому заботливо склонившемуся над ним незнакомцу.

— Благодарю!.. — сказал он, и на глазах у него навернулись слезы.

— Вы голодны?.. Хотите поесть?.. Съешьте немного мяса и сухарей! — предложил Васкец.

— Нет, нет, дайте мне еще пить!

Вода с примесью водки освежила Джона Дэвиса, и он стал отвечать на все вопросы.

Вот что он рассказал вкратце.

Двадцать дней назад трехмачтовое судно «Столетие», пятьсот пятьдесят тонн водоизмещением, вышло из американского порта Мобил. Экипаж состоял из капитана Гарри Стюарта, старшего офицера Джона Дэвиса, десяти человек матросов, юнги и кока. Груз состоял из никеля и мелких товаров, предназначенных для Мельбурна, в Австралии. До пятидесяти пятого градуса южной широты плавание по Атлантическому океану шло благополучно; но тут корабль был настигнут бурей. Чуть ли не первым порывом ветра сломало бизань-мачту⁶⁹, и сорвало паруса. Вслед за тем огромная волна, прокатившись по палубе, снесла ют и увлекла в море двух матросов, которых так и не удалось спасти.

---

⁶⁹ бизань-мачта — задняя мачта

Капитан Стюарт рассчитывал укрыться за Островом Штатов, в проливе Лемера. Он был уверен, что находится вблизи него, так как днем определил местонахождение судна по карте. Этот путь казался ему наилучшим для того, чтобы обогнуть мыс Горн и повернуть затем к берегам Австралии.

Ночью порывы ветра усилились. Закрепили все паруса, кроме фока и фор-марселя, и судно стало убегать от бури.

Капитан думал, что он еще в двадцати милях от острова и, рассчитывая на маяк, не видел опасности. Он надеялся, что успеет уклониться в сторону и войти в пролив Лемера, не разбившись о рифы мыса Сан-Хуан.

Итак, «Столетие» шло с попутным ветром. Гарри Стюарт был уверен, что увидит маяк за час до приближения к нему, так как он должен освещать море на пространстве десяти миль.

Но он так и не увидел света маяка. Он думал, что находится еще далеко от острова, а между тем корабль ударился вдруг со страшной силой о скалу. Три матроса, работавшие у рангоута, исчезли вместе с грот — и фок-мачтами. Корпус корабля дал трещину; капитана, старшего офицера и оставшихся еще в живых матросов выбросило за борт, и их поглотило море.

Так погибло вместе со всем грузом и экипажем «Столетие». Только старший офицер, Джон Дэвис, спасся благодаря Васкецу.

Дэвис не мог понять, у какого побережья разбилось его судно.

— Где мы находимся? — спросил он у Васкеца.

— На Острове Штатов.

— На Острове Штатов? — удивился Джон Дэвис.

— Да, на Острове Штатов, — продолжал Васкец, — у входа в Эльгорскую бухту.

— А маяк?

— Не был зажжен.

Пораженный этим сообщением, Джон Дэвис ожидал объяснения от Васкеца, но тот вдруг встал и прислушался. Ему почудился шум, и он хотел узнать, не разбойники ли это пришли.

Он пробрался ползком между скал и окинул взглядом все побережье до мыса Сан-Хуан.

Крутом все было пусто. Ветер продолжал яростно дуть. Волны бешено бились. Грозные тучи заволакивали и без того мрачный горизонт.

Шум, который слышал Васкец, произошел от разрушения «Столетия». Корма остова перевернулась под напором ветра. Проникнув внутрь, ветер покатило судно дальше по берегу. Оно катилось, как огромная бочка с проломанным дном, и разбилось вконец о береговые утесы. На покрытом обломками месте крушения остались лишь вторая половина трехмачтового судна.

Васкец вернулся в грот и лег рядом с Джоном Дэвисом. Старший офицер «Столетия» мало-помалу приходил в себя. Он собирался даже встать и, опираясь на руку товарища, выйти на берег, но Васкец отговорил его. Тогда Джон Дэвис опять спросил, почему в прошлую ночь не было огня на маяке.

Васкец рассказал ему, что произошло в Эльгорской бухте семь недель назад. Недели две после ухода «Санта-Фе» все шло благополучно; он, Васкец, и его товарищи, Фелипе и Мориц, которым была поручена охрана маяка, правильно поддерживали огонь по ночам. Несколько кораблей прошли за это время мимо острова, сигнализировали и получили ответ на свои сигналы.

Но 26 декабря, около восьми часов вечера, у входа в бухту появилась шхуна. Васкец, наблюдая за нею с верхней галереи маяка, видел, как она вошла в бухту. Шхуна направлялась уверенно, и не могло быть сомнения, что дорога хорошо известна капитану...

Войдя в малую бухточку, она стала на якорь у подножия маяка.

Тогда Фелипе и Мориц вышли навстречу, чтобы предложить свои услуги капитану, и, беззащитные, были предательски убиты бандитами.

— Несчастные! — воскликнул Джон Дэвис...

— Да!.. Бедные, бедные друзья! — повторил Васкец, горе которого при этом воспоминании воскресло с новой силой.

— А вы, Васкец? — спросил Джон Дэвис.

— Стоя на галерее, я слышал крики товарищей... Я понял что произошло, понял, что шхуна принадлежит пиратам... Нас было только трое. Двоих разбойники убили, о третьем, думал я, они беспокоиться не станут.

— Как вам удалось спастись? — спросил Джон Дэвис.

— Я быстро спустился по лестнице маяка, — отвечал Васкец, — взял из своей комнаты немного съестных припасов и кое-какие вещи, убежал раньше, чем экипаж шхуны успел высадиться на берег, и спрятался в этой части побережья...

— Негодяи... негодяи!.. — повторял Джон Дэвис. — Значит, они завладев маяком, нарочно не зажигают огня? Они — виновники гибели «Столетия», моего капитана и товарищей!

— Да, они хозяйничают на маяке, — сказал Васкец. — Случайно я подслушал разговор атамана с одним из них, и мне известны их планы.

Джон Дэвис узнал, что эти грабители, уже несколько лет назад поселившиеся на Острове Штатов, заманивали на скалы корабли, убивали моряков, которым удавалось спастись, а ценные части груза, выкинутого морем, складывали в пещере, в ожидании, что Конгр захватит какое-нибудь судно. Но вот начали строить маяк. Шайка вынуждена была оставить Эльгорскую бухту и спастись на мысе Сан-Бартелеми, на другом конце Острова Штатов, спрятавшись так, чтобы никто не подозревал о ее существовании.

Полтора месяца назад, когда работы были окончены, она вернулась уже на шхуне, которую бурей прибило к мысу Сан-Бартелеми и экипаж которой погиб.

— А почему шхуна до сих пор не ушла вместе с пиратами? — спросил Дэвис.

— Потому что у нее были серьезные повреждения, которые пришлось исправлять. Но я знаю наверно, Дэвис, что теперь все повреждения исправлены, шхуна нагружена и должна была выйти сегодня утром.

— В каком направлении?

— В направлении Тихоокеанских островов, где бандиты рассчитывают безнаказанно продолжать свои подвиги.

— Шхуна не может выйти, пока не утихнет шторм...

— Разумеется, — согласился Васкец, — а между тем буря может продолжаться неделю и задержит ее.

— А пока пираты здесь, не будет огня на маяке?

— Не будет, Дэвис.

— И другие корабли могут погибнуть, как погибло «Столетие»?

— К сожалению, да.

— Разве нет способа подать кораблям сигнал, что они приближаются к берегу?

— Можно зажечь костер на краю мыса Сан-Хуан. Я сделал эту попытку, чтобы спасти «Столетие», Дэвис, попробовал развести костер из сухих обломков и водорослей. Но ветер был так силен, что это не удалось мне.

— Вам не удалось, Васкец, но теперь мы вдвоем сделаем это, — решительно сказал Джон Дэвис. — Корабельных обломков здесь много, среди них — увы! — обломки и моего бедного «Столетия». Ведь если шхуна не уйдет, проходящие суда не будут видеть огня на маяке Острова Штатов и тоже могут потерпеть крушение.

— Во всяком случае, — заметил Васкец, — Конгр и его банда не заживутся на острове долго. Шхуна снимется с якоря, лишь только погода переменится к лучшему.

— Почему вы так думаете? — спросил Джон Дэвис.

— Пираты знают, что скоро должна прибыть вторая смена сторожей.

— Вторая смена?

— Да, сегодня восемнадцатое февраля, а они должны прибыть в начале марта.

— Сюда придет корабль?

— Да, рассылное судно «Санта-Фе» должно прийти из Буэнос-Айреса около десятого марта, а может быть, и раньше.

Тут Дэвис высказал ту же мысль, которая все время была у Васкеца.

— Ах, тогда дело меняется! — воскликнул он. — Пусть бы буря продолжалась подольше, чтобы эти негодяи не успели уйти из Эльгорской бухты до прибытия «Санта-Фе».

Глава одиннадцатая

ГРАБИТЕЛИ ВЫБРОШЕННЫХ МОРЕМ ОСТАТКОВ КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ

Их было человек двенадцать, с Конгром и Каркантом во главе. Хищный инстинкт привел их на розыски добычи.

Накануне, незадолго до захода солнца, Каркант заметил с высоты маяка идущее с востока трехмачтовое судно. Контр предполагал, что оно идет с попутным ветром в пролив Лемера или ищет прикрытия за западным берегом острова. Пока было светло, он следил за движением корабля, а когда стемнело, различал его огни. Он заметил, что судно потеряло почти все свои мачты и, вероятно, скоро должно было разбиться окончательно. Если бы Конгр зажег огонь на маяке, всякая опасность для судна исчезла бы. Он этого, конечно, не сделал, и когда фонари «Столетия» погасли, он решил, что судно погибло с грузом и экипажем между мысами Сан-Хуан и Севераль.

На следующий день буря продолжала неистовствовать. Нечего было и думать о выходе шхуны в море: опять предстояла задержка, на этот раз небезопасная, потому что тем временем могла прибыть вторая смена. Как ни досадно было Конгру, а приходилось ждать. Впрочем, было еще только 19 февраля. До конца месяца

оставалось еще достаточно времени, и буря могла к тому времени уняться. При первом же затишье Каркант должен был сняться с якоря и выйти в море.

Так как буря прибила к берегу судно, надо было воспользоваться случаем и поискать, нет ли среди обломков чего-нибудь ценного, и увеличить, если можно, груз шхуны. По крайней мере, не даром шхуна будет стоять в бухте! Никто не оспаривал его предложения. Вся эта стая хищных птиц встрепенулась и полетела как по приказу.

Приготовили шлюпку. В ней поместились двенадцать человек и атаман. Грести пришлось против ветра и против течения. До последних береговых утесов шли полтора часа. Идти обратно должно было быть легче, потому что можно было идти под парусами.

Шлюпка причалила к северному берегу бухты, как раз против пещеры. Все вышли из лодки и побежали на место кораблекрушения.

Это и был тот момент, когда разговор Джона Дэвиса и Васкеца был нарушен каким-то шумом.

Васкец подполз к отверстию грота, стараясь спрятаться так, чтобы его не могли видеть.

Скоро к нему подкрался и Джон Дэвис.

— Вы-то зачем здесь! — сказал ему Васкец. — Оставьте меня одного и ступайте отдыхать.

— Ничего, — отвечал Джон Дэвис, — мне теперь лучше. Я тоже хочу видеть бандитов.

Старший офицер «Столетия» был, очевидно, не менее энергичен, чем Васкец. Это был американец с железным темпераментом. Даже при кораблекрушении «не вышибло дух из его крепко сколоченного тела», как говорят в просторечье.

Дэвис был опытный моряк. Прежде чем поступить на коммерческое судно, он служил во флоте Соединенных Штатов. По возвращении «Столетия» в Мобил Гарри Стюарт должен был выйти в отставку, и судохозяева хотели поручить командование судном Дэвису.

Последнее обстоятельство еще больше возбуждало в нем гнев и ненависть. От корабля, которым он должен был командовать, остались одни обломки, да и теми собирается завладеть шайка грабителей.

По энергии и храбрости Дэвис был достойный товарищ Васкеца.

Но что значила их храбрость, когда им приходилось иметь дело с целой шайкой пиратов!

Притаившись за скалами, Васкец и Джон Дэвис осторожно осмотрели побережье до самого мыса Сан-Хуан.

Конгр, Каркант и остальные разбойники стояли у кучи обломков, образовавшейся от разбитой ветром об угол утеса части «Столетия».

Бандиты были всего в двухстах шагах от грота, откуда ясно можно было различить их лица. На них были клеенчатые, туго подвязанные у пояса дождевики с капюшонами. Им, видимо, трудно было бороться с ветром. Подчас им приходилось опираться о скалу или часть остова корабля, чтобы не упасть.

Васкец назвал Джону Дэвису тех пиратов, которых видел, когда они в первый раз приходили в пещеру.

— Вот тот высокий, что стоит у форштевня, — говорил он, — это Конгр.

— Атаман?

— Да, атаман.

— А с кем это он разговаривает?

— Со старшим офицером Каркантом. Это один из убийц моих товарищей. Я хорошо видел с галереи маяка, как он наносил удар.

— Вы, я думаю, охотно проломили бы ему череп? — сказал Дэвис.

— Я убил бы их обоих, его и атамана, как бешеных собак! — отвечал Васкец.

Разбойники целый час осматривали остатки корпуса корабля. Они обшарили все уголки. Никель, которым был нагружен корабль, им не был нужен, и они оставили его на берегу, но три ящика и три тюка с мелкими товарами перенесли в шлюпку, надеясь найти в них что-нибудь полезное.

— Если эти негодяи ищут золота, серебра и драгоценностей или пиастров, напрасно они трудятся, — заметил Джон Дэвис.

— О, конечно, это им было бы приятнее всего, — ответил Васкец. — В пещере было много драгоценностей; должно быть, все это было добыто с потерпевших крушение кораблей. На шхуне пиратов немало ценного груза, Дэвис.

— И я отлично понимаю, что им хочется отвезти его в безопасное место! — воскликнул Дэвис. — Надеюсь, однако, что это им не удастся.

— Для этого надо было бы, чтобы буря продолжалась две недели, — с сомнением сказал Васкец.

— Или же мы должны что-нибудь придумать... Джон Дэвис не досказал своей мысли до конца.

В самом деле, как могут они задержать шхуну, если буря утихнет и море успокоится?

Между тем пираты, оставив эту часть корабля, перешли к другой, на самое место крушения, у мыса.

Васкец и Джон Дэвис могли еще видеть их, хотя и на большом расстоянии.

Был отлив, и подводные рифы обнажились, так что дойти до остова трехмачтового судна было довольно легко.

Конгр и с ним человека три пиратов вошли внутрь. Джон Дэвис сказал Васкецу, что в кормовой части корабля, под ютом находится баталер-камера.

Вероятно, волны порядком опустошили ее, но все же в ней могли уцелеть кое-какие припасы.

Действительно, скоро разбойники вышли оттуда, таща к шлюпке ящики с консервами и бочонки. Из развалин юта вытащили целые узлы платья и перенесли их туда же.

Поиски продолжались часа два. После этого Каркант и два товарища его, вооруженные топорами, принялись разрушать гакаборт⁷⁰.

— К чему это? — удивился Васкец. — Разве корабль еще недостаточно разрушен?

— Догадываюсь, что им нужно, — отвечал Джон Дэвис, — они не хотят, чтобы кто-нибудь мог узнать имя и место постоянной стоянки судна, погибшего в этой области Америки!

Дэвис не ошибся. Скоро Конгр вышел из юта с американским флагом, который нашел в каюте капитана, и разорвал его на клочки.

Когда шлюпка была наполнена награбленным добром, Конгр и Каркант спустились к подножию береговых утесов. Раза три прошли они мимо ущелья, где находился грот Васкеца и Дэвиса, которые могли хорошо слышать их разговор.

— Опять не удастся уйти завтра.

— Да, боюсь даже, чтобы непогода не затянулась на несколько дней.

— Ничего. Оставшись здесь, мы не прогадали.

— Конечно. Впрочем, я ожидал, что американское судно такой вместимости нагружено чем-нибудь более ценным. В последнем корабле, который мы заманили на рифы, оказалось пятьдесят тысяч долларов.

— Раз на раз не приходится, — рассудил Каркант. — Сегодня мы имеем дело с нищенским кораблем.

В гневе Джон Дэвис схватил револьвер и, не помня себя, собирался уже разmozжить выстрелом голову атаману, но Васкец удержал его.

— Вы правы, — пробормотал Джон Дэвис. — Но я никак не могу примириться с мыслью, что эти злодеи не будут наказаны. А между тем иди ищи, преследуй их, если шхуна выйдет в море.

— Буря бушует по-прежнему, — возразил Васкец. — Даже если утихнет ветер, море успокоится не сразу. Им не выйти из бухты, поверьте мне!

— Правда, Васкец; но рассылное судно придет не раньше начала следующего месяца.

— А может быть, и раньше, Дэвис!

— Хорошо бы!..

Во всяком случае, шторм продолжал неистовствовать, а под этой широтой даже в летнее время такие бури продолжаются иногда по две недели. Если ветер подует с юга, он пригонит сюда холодные испарения Антарктического моря, где скоро начнется зима. Китобойные суда уже подумывают, должно быть, о том, чтобы уйти из полярных областей, так как с марта там уже начинают образовываться новые льды.

Можно было, впрочем, опасаться, что дней через пять наступит затишье, которым шхуна воспользуется и выйдет в море.

В четыре часа Конгр и его товарищи сели в шлюпку, подняли парус и через несколько минут исчезли в северной части бухты.

К вечеру ветер стал еще сильнее, порывистее. С юго-востока надвинулись тучи и полил холодный, обильный дождь.

Васкец и Джон Дэвис не могли выйти из грота. Стало довольно холодно, и, чтобы согреться, они разложили в глубине узкого ущелья огонь. На берегу не было ни души. Смеркалось. Опасаться было нечего.

Ночь была ужасная. Море билось у подножия береговых утесов, словно речное течение столкнулось с морским приливом или внезапно поднявшийся морской прилив затопил восточный берег острова. Могучая зыбь неминуемо грозила проникнуть в бухту, и Конгру стоило немалого труда удержать шхуну «Каркант» на якоре.

— Ах, если бы шхуну разбило, а щепки разметало приливом! — говорил Джон Дэвис.

Что касается корпуса «Столетия», от него скоро должны были остаться лишь занесенные между скал или разбросанные на берегу обломки.

На следующее утро Васкец и его товарищ поспешили удостовериться, достиг ли шторм наибольшей силы.

Трудно себе представить что-либо подобное воцарившемуся на берегу хаосу. Казалось, море смешалось с облаками. Так продолжалось целый день и всю следующую ночь. Ни один корабль не показывался в виду

---

⁷⁰ гакаборт — верхняя часть борта на корме

острова за эти двое суток. Суда всячески старались держаться подальше от опасных Магеллановых островов, близ которых бушевала буря. От такого шквала не укрыться ни в Магеллановом проливе, ни в проливе Лемера. Спасение было в бегстве, и суда искали простора, открытого моря.

Как предвидели Джон Дэвис и Васкец, корпус «Столетия» был окончательно разрушен, и берег до самого подножия утесов покрылся бесчисленными обломками.

К счастью, Васкецу и его товарищу не надо было заботиться о пище. Найденных на «Столетии» консервов им могло хватить на месяц и даже больше. А между тем дней через двенадцать должна была прийти «Санта-Фе». Буря к тому времени успокоится, и рассыльное судно не побоятся подойти к мысу Сан-Хуан.

Чаще всего разговор касался прибытия этого желанного корабля.

— Пусть буря продолжается подольше, чтобы шхуна не могла выйти в море, и утихнет только к прибытию «Санта-Фе»! — наивно восклицал Васкец.

— Ах! — отвечал Джон Дэвис, — если бы мы могли повелевать ветрами!

21-го и 22-го положение почти не изменилось. Ветер как будто перешел на северо-восток, но, поколебавшись с час, стал дуть по-прежнему страшными порывами.

Ни Конгр, ни кто-либо из банды не появлялись больше на берегу, — у них было немало хлопот со шхуной, которую надо было уберечь от повреждений в переполненной до краев бухточке.

Утром 23-го погода как будто стала немного лучше. Ветер подул с норд-норд-оста. На юге небо мало-помалу расчистилось.

Дождь перестал, и все еще сильный ветер начал рассеивать тучи. Море продолжало бушевать, и волны с яростью разбивались о берег. Выход из бухты был не безопасен, и шхуна не могла бы выйти ни в этот, ни в следующий день.

Контр и Каркант, воспользовавшись временным затишьем, могли прийти посмотреть на море с мыса Сан-Хуан. Надо было поэтому соблюдать осторожность.

Впрочем, так рано они едва ли могли прийти, и Джон Дэвис с Васкецом решились выйти из грота, в котором безвыходно просидели двое суток.

— А ведь ветер, пожалуй, установится, — сказал Васкец.

— Боюсь, что да, — отвечал Джон Дэвис, которого никогда не обманывало его чутье моряка. — Надо было бы, чтобы буря продолжалась еще дней десять! А этому не бывать.

Скрестив на груди руки, он посматривал то на небо, то на море.

Васкец отошел на несколько шагов. Дэвис последовал за ним вдоль стены прибрежных утесов.

Вдруг ему под ноги попал какой-то наполовину зарывшийся в песок твердый металлический предмет. Он наклонился и увидел жестяной ящик с порохом, который держали на «Столетии» для четырех сигнальных каронад⁷¹, а также для ружей экипажа.

— Нам этот порох ни к чему, — сказал он. — Ах, если бы можно было поджечь его в трюме шхуны бандитов и взорвать ее!

— Об этом нечего и думать, — отвечал, тряхнув головой, Васкец. — На обратном пути я все-таки захвачу на всякий случай этот ящик с порохом, и спрячу его в гроте.

Они пошли дальше к мысу, но не могли дойти до стрелки его: слишком яростно там бились волны. Когда они поравнялись с рифами, Васкец увидел в углублении скалы одно из артиллерийских орудий, откатившееся сюда вместе с лафетом при кораблекрушении «Столетия».

— Вот и оружие с вашего судна, — сказал он Джону Дэвису, — и даже несколько ядер.

— Они нам не нужны, — повторил опять Джон Дэвис.

— Кто знает! — возразил Васкец. — Раз есть чем зарядить каронаду, может быть, мы и воспользуемся ею когда-нибудь.

— Сомневаюсь, — отвечал его товарищ.

— Отчего бы и нет, Дэвис? Так как на маяке нет огня по ночам, мы можем подать сигнал пушечным выстрелом в случае, если какое-либо судно приблизится к острову, как это было со «Столетием».

Джон Дэвис вдруг пристально взглянул на товарища. Казалось, ему пришла совсем иная мысль, но он ограничился тем, что сказал:

— Вы думаете, Васкец?

— Да, Дэвис, и мне кажется, что моя мысль недурная. Правда, в бухте услышат выстрел и узнают о нашем присутствии на острове. Бандиты станут искать и, может быть, найдут нас. Это будет стоить нам жизни, но зато скольких людей мы спасем от гибели. И исполним в то же время свой долг!

---

⁷¹ каронада — небольшая пушка

— Есть еще способ исполнить наш долг! — прошептал Джон Дэвис, но не захотел объяснять свою мысль подробнее.

Он не стал спорить с Васкецом, и они вместе перетащили каронаду в грот. Туда же они перенесли лафет, ядра и ящик с порохом. Эта работа была довольно трудная и потребовала много времени. Солнце стояло довольно высоко, было, вероятно, уже около десяти часов, и Васкец с Джоном Дэвисом пошли завтракать.

Едва успели они уйти, как из-за угла береговых утесов показались Контр, Каркант и плотник Варгас. Идти против ветра и течения на шлюпке было слишком трудно, и они пришли пешком. На этот раз они явились не за добычей.

Пираты после перемены погоды, как предчувствовал Васкец, пришли посмотреть на небо и море. Конечно, они должны были видеть, что шхуна «Каркант» не может сейчас выйти в море и бороться с такими сильными волнами. Она рисковала удариться о мыс Сан-Хуан раньше, чем успеет войти в пролив или повернуть на запад.

Так думали Контр и Каркант. Они стояли на месте крушения «Столетия», где валялись лишь небольшие обломки кормы, и оживленно разговаривали, жестикулируя, указывая на горизонт и порою отскакивая, когда увенчанная белым гребнем волна с шумом разбивалась о мыс.

Бандиты пробыли на берегу с полчаса, и ни Васкец, ни его товарищ не спускали с них глаз. Наконец они пошли и, оглянувшись несколько раз, скрылись за утесом, по направлению к маяку.

— Ушли, — сказал Васкец. — Пусть бы они походили сюда еще несколько дней любоваться морем!

Джон Дэвис покачал головой. Он видел, что через двое суток шторм окончится. К тому времени зыбь успокоится если не совсем, то хоть настолько, что шхуна будет в состоянии обогнуть мыс Сан-Хуан.

Васкец и Джон Дэвис провели весь день на берегу. Погода все прояснялась. Дул постоянный норд-норд-ост. Судно могло бы отдать рифы фока и марселя и выйти в пролив Лемера.

Вечером Васкец и Дэвис возвратились в грот, утолили голод сухарями и солониной, а жажду — водой с водкой. Васкец уже собирался завернуться в одеяло и лечь, как вдруг товарищ сказал ему:

— Раньше чем заснуть, выслушайте, что я хочу сказать, Васкец.

— Говорите, Дэвис.

— Вы спасли мне жизнь, Васкец, и я ничего не хочу предпринять без вашего согласия. Мне пришла в голову одна мысль, прошу вас выслушать и сказать ваше мнение.

— Я слушаю вас, Дэвис.

— Погода переменялась. Буря успокоилась. Через двое суток шхуна может сняться с якоря.

— Все это, к сожалению, так, — отвечал Васкец и сделал рукой жест, как бы означавший: «Мы тут ни при чем!»

— Да, через два дня она выйдет из бухты, — продолжал Дэвис, — обогнет мыс, исчезнет на западе, пройдет проливом, и только мы ее и видели. Мне не удастся отомстить за смерть капитана и моих товарищей со «Столетия»!

Васкец опустил голову. Потом поднял ее и взглянул на Джона Дэвиса, на лицо которого падал свет догорающего костра.

— Есть, однако, способ помешать отплытию шхуны или, по крайней мере, задержать ее до возвращения «Санта-Фе», — продолжал Дэвис. — Авария могла бы заставить шхуну вернуться в бухту. У нас есть пушка, порох, снаряды. Поставим пушку на лафет у углового утеса, зарядим ее и выстрелим в корму шхуны, когда она будет проходить мимо нас. Пусть даже судно не затонет, все же пираты не решатся пуститься в такое плавание на шхуне с пробоиной. Негодяи вынуждены будут вернуться и снова чинить шхуну. Опять придется разгружать ее, на это потребуются целая неделя, а тем временем прибудет и «Санта-Фе»...

Джон Дэвис замолчал; он схватил руку товарища и пожал ее.

Васкец не колебался ни минуты. Он ответил ему одним только словом:

— Делайте!

Глава двенадцатая ВЫХОД ИЗ БУХТЫ

25 февраля горизонт, как часто бывает после бури, был застлан туманом. Ветер стих, и все признаки перемены погоды к лучшему были налицо.

Контр решил, что шхуна выйдет в море, и отдал приказ, чтобы к полудню все было приготовлено к отплытию. К тому времени солнце могло рассеять туман. Шхуна должна была отплыть в шесть часов вечера, воспользовавшись отливом. Часов около семи она будет у мыса Сан-Хуан и обогнет его до наступления ночи.

Если бы не туман, она вышла бы еще с утренним отливом. На судне все было готово, — груз и съестные припасы, как снятые со «Столетия», так и те, которые были в складах маяка. Не желая перегружать и без того

полный трюм, Конгр оставил мебель и утварь в жилище сторожей. Хотя разбойники и выбросили часть балласта, шхуна сидела в воде на несколько сантиметров глубже своей ватерлинии; нагружать ее больше было бы рискованно.

В полдень Каркант и Конгр прогуливались у подножия маяка.

— Туман рассеивается, — сказал Каркант, — скоро мы увидим море. Такие туманы обыкновенно предвещают затишье.

— Надеюсь, на этот раз ничто не помешает нам убраться отсюда. До пролива мы дойдем беспрепятственно...

— Почему бы и не дальше, Конгр. Вот только ночь будет темная. Месяц только еще в первой своей четверти и спрячется почти одновременно с солнцем...

— Ничего, Каркант. Чтобы обогнуть остров, мне не нужно ни звезд, ни месяца! Северное побережье я знаю как свои пять пальцев. Я далеко обойду острова Нью-Ир и мыс Кольнет, чтобы не натолкнуться на рифы!..

— С этим северо-восточным ветром мы завтра далеко уйдем, Конгр.

— Завтра исчезнет из виду мыс Сан-Бартелеми, а к вечеру Остров Штатов останется у нас в двадцати милях за кормой.

— Давно пора! Довольно мы тут посидели.

— Тебе не жалко расставаться с островом, Каркант?

— Нет. Теперь мы разбогатели, имеем в своем распоряжении хороший корабль, на котором увезем свои богатства! Чего же нам еще? А я уже думал, что все пропало, когда мы открыли течь в шхуне! Если бы нам не удалось починить пробойну, кто знает, сколько времени нам пришлось бы пробыть еще на острове. А с прибытием рассылного судна мы должны были бы опять скрыться на мысе Сан-Бартелеми... Ох и надоел же мне этот мыс!

— Да, — отвечал Конгр, нахмурившись. — Тогда дело было бы плохо! Не найдя на маяке сторожей, командир «Санта-Фе» принял бы меры. Он обыскал бы весь остров и, может быть, нашел нас. Возможно, что уцелел и третий сторож, который спасся от нас!

— Ну, этого нечего бояться, Конгр. Мы ни разу не напали на его след. Да и как бы он мог прожить столько времени без всяких средств пропитания? Ведь шхуна уже стоит два месяца в Эльгорской бухте. Все это время сторож мог питаться только сырой рыбой да корнями.

— Мы уходим, однако, до возвращения рассылного судна, и это очень хорошо, — сказал Конгр.

— Судя по записям в книге маяка, оно должно прийти через неделю.

— А через неделю мы будем уже за мысом Горн, на пути к Соломоновым островам.

— Конечно, Конгр! Поднимусь-ка я еще раз на галерею, посмотрю на море, не видно ли где-нибудь корабля...

— Э, не все ли нам равно! — отвечал, пожимая плечами, Конгр. — Атлантический и Тихий океан не являются ничьей собственностью. У шхуны «Каркант» все бумаги в порядке. Я сделал все, что было нужно, можешь на меня положиться. Если даже «Санта-Фе» повстречается с нами у входа в пролив, он ответит салютом на наш салют: вежливость прежде всего!

Как видно, Конгр не сомневался в успешном выполнении своих планов. Казалось, счастье улыбалось ему.

Капитан пошел к бухточке, а Каркант поднялся по лестнице на галерею и простоял там целый час.

Небо было совершенно ясное, кругом видно было на двенадцать миль в окружности. Море продолжало еще слегка волноваться, но на волнах уже не было гребней, и зыбь не мешала плаванию шхуны. Стоило, впрочем, войти в пролив, как под прикрытием острова и при попутном ветре плавание оказалось бы спокойным, как по реке.

В открытом море виднелось только трехмачтовое судно, показавшееся около двух часов дня на востоке, на таком далеком расстоянии, что Каркант и не увидел бы его без зрительной трубы. Оно шло на север, следовательно, не в Тихий океан, и скоро исчезло.

Час спустя на норд-норд-осте показался дымок парохода, направлявшегося к острову Штатов или к Огненной Земле. Это обеспокоило Карканта, и он решил переговорить по этому поводу с Конгром.

«Уж не рассылное ли это судно!» — подумал он.

Было 25 февраля, а «Санта-Фе» должен был прибыть в начале марта. Уж не вышел ли он из порта раньше! Если это он, то через два часа он ляжет в дрейф у мыса Сан-Хуан... Тогда все пропало... Неужели же накануне освобождения придется отказаться от мечты о свободе и снова возвратиться на мыс Сан-Бартелеми?

А внизу, у подножия маяка, грациозно покачивалась на волнах, как бы поддразнивая Карканта, готовая сняться с якоря шхуна. Но прилив и противный ветер не позволили ей выйти раньше, как через два с половиной часа, когда уровень воды понизится.

Итак, выйти в открытое море до прихода парохода было немыслимо. А что если это рассыльное судно!..

У Карканта вырвалось проклятие. Конгра, занятого последними приготовлениями, он решил не беспокоить раньше, чем убедится в справедливости своего предположения, поэтому он остался один на своем наблюдательном посту.

Благодаря попутному ветру и течению судно быстро приближалось. Оно шло на всех парях; из трубы валили густые клубы дыма. Паруса были поставлены, и корабль сильно накренился на правый борт. При таком быстром ходе он должен был скоро лечь в дрейф у мыса Сан-Хуан.

Каркант не отрывался от зрительной трубы. Волнение его росло по мере того, как уменьшалось отделявшее его от парохода расстояние.

Вот судно всего уже в нескольких милях. Каркант мог уже различить его корпус.

Страх Карканта достиг невероятных размеров, но вдруг внезапно рассеялся.

Пароход неожиданно придержал к ветру: это было признаком того, что он собирается войти в пролив. При этом маневре Каркант увидел весь его такелаж.

Это было паровое судно в тысячу двести — тысячу пятьсот тонн, не имевшее ничего общего с «Санта-Фе».

Каркант, Конгр и другие пираты смогли хорошо ознакомиться с рассыльным судном за время его продолжительной стоянки в Эльгорской бухте. Они знали, что у «Санта-Фе» оснастка как у шхуны, а приближавшийся пароход был трехмачтовым судном.

У Карканта отлегло от сердца. Он был рад, что не напугал понапрасну всю банду. Он простоял на галерее еще с час, видел, как пароход прошел в трех или четырех милях на север от острова, то есть слишком далеко, чтобы сигнализировать; впрочем, сигналы его все равно остались бы без ответа.

Через сорок минут пароход этот, делавший узлов двенадцать в час, исчез в открытом море за мысом Кольнет.

Убедившись, что на горизонте не видно другого корабля, Каркант спустился с вышки.

Наконец наступил момент отплытия шхуны. Все было готово. Оставалось только поставить паруса. Стоило лишь натянуть шкот у парусов, последние наполнились бы дующим с ост-зюйд-оста ветром, и корабль пошел полным ходом.

В шесть часов Конгр и вся команда были в сборе. Шлюпка доставила пиратов, которые оставались на берегу, и затем ее подняли на борт.

Медленно начинался отлив. Вот уже обнажилось место, на котором лежала шхуна во время починки. По ту сторону бухточки показались острые вершины скал.

Настал час отплытия. Конгр отдал команду ходить в шпиле. Вот натянулась, заскрипела в клюзе цепь, а когда якорь показался, его подняли на кранбалк и взяли на фиш⁷² ввиду предстоящего дальнего плавания.

Паруса поставили по ветру, и шхуна под фоком, марселем, брамселем и кливером с правой стороны быстро направилась в открытое море.

При дувшем с ост-зюйд-оста ветре «Карканту» легко было обогнуть мыс Сан-Хуан. Путь вдоль крутого берега не представлял никакой опасности.

Конгр это знал. Бухта была ему хорошо знакома, и он уверенно управлял рулем, стараясь увеличить скорость хода.

«Каркант» шел очень неравномерно, то замедляя, то ускоряя ход, в зависимости от силы ветра.

В половине седьмого шхуна была всего на расстоянии мили от стрелки мыса. Далеко на горизонте расстилалось море. Скоро солнце закатилось, и на потемневшем небе загорелись звезды.

— Ну, вот мы, наконец, выйдем из бухты, — сказал Каркант, подходя к Конгру.

— Да, через двадцать минут, — отвечал Конгр, — я велю ослабить паруса и обогну мыс Сан-Хуан...

— Разве придется поворачивать на другой галс, когда войдем в пролив?

— Не думаю, — отвечал Конгр, — обогнув мыс Сан-Хуан, мы повернем на левый галс, но потом так и дойдем до мыса Горн. Настанет зима, и, кажется, можно рассчитывать, что восточные ветры будут постоянными, так что нам не придется лавировать.

Если, как надеялся Конгр, можно будет обойтись без лавирования, шхуна выиграет много времени. Можно будет спустить все паруса, кроме бригаантины и фока.

— Вперед смотреть!.. — закричал вдруг стоявший у кранбалка матрос.

— Что такое? — спросил Конгр.

Каркант подбежал к борту и наклонился над абордажной сеткой.

— Сюда! — позвал он Конгра.

Шхуна легла в это время в дрейф к пещере, в которой так долго жили пираты.

---

⁷² взять на фиш (якорь) — закрепить в гнездах

В этой части залива плыла по течению часть кили «Столетия». Отлив уносил ее в море. Столкновение с нею могло иметь неприятные последствия, а избежать встречи было уже поздно.

Конгр направил шхуну левее, и она прошла почти рядом с килем, слегка задев его подводной частью.

Вследствие этого поворота «Каркант» приблизился немного к северному берегу, но Конгр тотчас же придал ему прежнее направление. До угла береговых утесов оставалось всего метров пятьдесят, а там можно было взять курс на север и не управлять больше рулем.

Вдруг раздался выстрел. В воздухе что-то просвистело. Корпус шхуны содрогнулся.

В то же время на берегу показался белый дымок, тотчас же рассеянный ветром.

— Что это? — воскликнул Конгр.

— В нас выстрелили! — отвечал Каркант.

— К рулю! — скомандовал Конгр.

Сам он бросился к левому борту, перегнулся через абордажную сетку и увидел в корпусе корабля, на полметра выше ватерлинии, пробоину.

Весь экипаж вмиг сбежался на переднюю часть шхуны.

С берега кто-то стрелял!.. В тот момент, когда «Каркант» собирался выйти из бухты, в него попало ядро. Если бы оно попало немного ниже, шхуна пошла ко дну. Неожиданное нападение испугало и удивило пиратов. Конгр и его товарищи не знали что делать. Спустить шлюпку, сесть в нее, высадиться на берег в том месте, где был виден дымок, схватить и убить тех, кто выпустил снаряд? Однако неприятель мог быть более многочисленным, чем пираты. Не лучше ли поэтому отойти подальше от берега и внимательно осмотреть пробоину?

Последнее, действительно, было самым разумным, так как каронада выстрелила еще раз. Дым за клубился в том же месте. Шхуна снова вздрогнула. Второе ядро ударило немного позади первой пробоины. Конгр начал спешно давать приказания и побежал на корму, где Каркант уже исполнял команду.

Шхуна, послушная рулю, придержалась к ветру и накренилась на левый борт. Через пять минут она отделилась от берега и ушла из-под обстрела направленного на нее орудия.

Выстрелов больше не было. Берег до самой стрелки мыса был пустынен. Можно было думать, что нападения больше не будет.

Надо было поторопиться осмотреть корпус шхуны. Изнутри это сделать было невозможно, потому что пришлось бы перемещать груз. Одно было несомненно: два ядра проббили обшивку и проникли в трюм.

Спустили шлюпку. «Каркант» лег в дрейф и покачивался на волнах отлива.

Конгр и плотник спустились в шлюпку и осмотрели корпус, чтобы узнать, можно ли исправить аварию на месте.

Они увидели, что два четырехдюймовых ядра попали в шхуну и проббили обшивку. Обе пробоины находились у самой ватерлинии, у основания обшивки. Будь они несколькими сантиметрами ниже, образовалась бы течь, которую не удалось заделать. Трюм наполнился бы водой, и «Каркант» пошел ко дну у самого входа в бухту.

Конечно, Конгр и его товарищи могли добраться до берега в шлюпке, но шхуна погибла бы.

Хотя повреждение и не было особенно значительным, все же оно мешало «Карканту» выйти в открытое море. При самом незначительном крене на левый борт вода могла проникнуть внутрь. Поэтому раньше, чем пуститься в путь, надо было заделать пробоины.

— Какой мерзавец сделал это? — то и дело повторял Каркант.

— Может быть, тот из трех сторожей, который спасся! — отвечал Варгас. — А, может быть, этот сторож спас кого-нибудь из пассажиров «Столетия»? Однако ведь ядра-то пушечные! Не с луны же они свалились! На берегу должна быть пушка.

— Очевидно, — согласился Каркант. — Должно быть, это орудие с трехмачтовой шхуны. Жаль, что мы не нашли его среди обломков.

— Черт с нею, с этой пушкой! — резко прервал Конгр. — Нам теперь только бы поскорее починиться.

В самом деле, не время было толковать о том, как случилось нападение; надо было исправлять повреждение шхуны. В конце концов ее можно было отвести к противоположному берегу бухты, к мысу Сан-Диего. На это довольно было и часа времени. Но этот берег до самого мыса Севераль слишком мало защищен от ветра, который при первой же буре мог разбить шхуну о рифы. Поэтому Конгр решил возвратиться в тот же вечер в Эльгорскую бухту, где можно было быстро и в полной безопасности сделать необходимые исправления.

В это время, однако, начинался отлив, и шхуна не могла идти против течения. Пришлось ждать прилива, который должен был начаться через три часа.

Зыбь начала уже порядком покачивать шхуну, и ее могло унести отливом до мыса Севераль, причем она могла бы зачерпнуть воды. При каждом покачивании слышно было, как в отверстия корпуса вливается вода.

Конгр вынужден был бросить якорь в нескольких кабельтовых от мыса Сан-Диего.

Положение было не из завидных. Наступала ночь. Уже совсем смеркалось. Только уверенность Конгра и знание местности могли спасти шхуну от крушения на одном из многочисленных рифов, делающих берег неприступным.

Наконец, около десяти часов начался прилив. Шхуна снялась с якоря и раньше полуночи, поминутно подвергаясь страшной опасности, возвратилась на свою стоянку в Эльгорскую бухту.

Глава тринадцатая ТРИ ДНЯ

Нетрудно представить себе отчаяние Конгра, Карканта и остальных пиратов. Только было вышли в море, и вдруг новое препятствие!.. А через четыре или пять дней в Эльгорскую бухту могло прийти рассыльное судно! Если бы пробоины были менее серьезны, Конгр выбрал бы другую стоянку, например в бухте Сан-Хуан, по ту сторону мыса, на северном берегу острова. Но при настоящем состоянии судна предпринимать такой дальний переход было бы безумием. Шхуна на полдороге пошла бы ко дну. При кормовом ветре и боковой качке она непременно зачерпнула бы воды. В лучшем случае пришлось бы потерять весь груз.

Таким образом, возвращение в бухту маяка было неизбежным и, решив вернуться, Конгр поступил вполне благоразумно.

Никто не спал в эту ночь на шхуне. Часовые стояли на вахте. Ведь можно ожидать и нового нападения. Возможно, что недавно на острове высадился целый полк. В Буэнос-Айресе могли узнать о шайке пиратов, и аргентинское правительство, может быть, выслало отряд для их поимки.

Обо всем этом рассуждали Конгр и Каркант, сидя на корме. Вернее, впрочем, говорил один Каркант; Конгр был мрачен и задумчив и отвечал односложно.

Карканту первому пришла мысль о возможной высадке на Острове Штатов солдат — для преследования шайки Конгра. Однако едва ли регулярное войско поступило бы таким образом. Оно открыто атаковало бы пиратов на острове или, если бы не сумело этого сделать, выслало ко входу в бухту несколько судов, которые взяли бы в тот же вечер шхуну на бордаж или повредили ее настолько, что она не в состоянии была бы продолжать путь. Во всяком случае, оно не ограничилось бы одной стычкой, как этот неведомый враг, чрезмерная осторожность которого служила признаком слабости.

Поэтому Каркант нашел свое первое предположение малоправдоподобным и склонился скорее к мысли Варгаса, думавшего, что единственной целью неприятеля было желание помешать шхуне уйти. Вероятнее всего, что несколько человек из экипажа «Столетия» спаслись и встретили на острове сторожа, который сообщил им об отплытии шхуны и скором прибытии «Санта-Фе». Пушка найдена была ими среди обломков корабля.

— Рассыльное судно еще не пришло, — сказал Конгр, задыхаясь от гнева. — Шхуна успеет уйти до его прибытия.

Действительно, трудно было ожидать, что в такую бурю с погибшего «Столетия» спаслось больше трех человек. Если к ним присоединить еще и сторожа маяка, то, конечно, этой горстке людей не справиться с целой шайкой хорошо вооруженных пиратов. После починки шхуны надо будет держаться вдали от берета, идти посередине бухты; тогда покушение не повторится.

Вопрос в том только, сколько дней продлится исправление пробоин.

Ночь прошла спокойно, а утром экипаж принялся за работу.

Прежде всего перенесли груз из трюма на палубу, к левому борту. На это употребили половину дня. Разгружать шхуну и отводить ее оказалось излишним. Так как пробоины находились немного выше ватерлинии, то их можно было чинить со шлюпки, причаленной к шхуне. К счастью, корабельный набор вовсе не пострадал от снарядов.

Конгр спустился с плотниками в трюм, и вот что он увидел.

Оба ядра пробили только обшивку. Переместив груз, нашли две пробоины почти на одной высоте. Шпангоуты оказались лишь слетка задетыми. Края расположенных на расстоянии около метра одна от другой пробоин были ровные, словно выпиленные, так что их можно было легко заделать, прикрепив к ним деревянные доски и прикрыв металлической обшивкой.

В общем, повреждения были пустячные. Корпус уцелел, а пробоины можно было быстро зачинить.

— Когда все будет готово? — спросил Конгр.

— Я положу поперечные брусы для скрепления сегодня вечером, — отвечал Варгас.

— А затычки?

— Приготовлю завтра утром; к вечеру вся работа будет окончена.

— Так что вечером можно будет перенести груз в трюм, а послезавтра сняться с якоря?

— Непременно, — отвечал плотник.

Таким образом, на исправление пробоин должно было пойти всего шестьдесят часов, и шхуна «Каркант» могла отплыть лишь двумя днями позже, чем предполагалось.

Каркант спросил Контра, не соберется ли он утром или днем на мыс Сан-Хуан узнать, что там происходит?

— К чему? — отвечал Конгр. — Мы не знаем своего врага. Нам пришлось бы ехать на берег десятерым и оставить только двух-трех человек для охраны шхуны, а между тем, кто знает, что может случиться в наше отсутствие...

— Правда, — согласился Каркант, — да и какая выгода? Пусть кто-нибудь другой взыщет с тех, кто в нас стрелял. Нам теперь нужно как можно скорее покинуть остров.

— Послезавтра мы выйдем в море, — сказал Конгр.

Таким образом, все шансы были за то, что рассыльное судно, которое должно прийти через несколько дней, все же не застанет шхуну в бухте.

Впрочем, если бы Конгр с товарищами пришли на мыс Сан-Хуан, они не нашли бы там большее и следа Васкеца и Джона Дэвиса.

Вот что произошло.

Накануне они до самого вечера были заняты приготовлениями. Пушку, по предложению Джона Дэвиса поставили на самый угол прибрежного утеса. Лафет Джон Дэвис и Васкец установили без труда, но орудие оказалось очень тяжелым. Тащить его сначала по прибрежному песку, а затем через скалы было нелегко. Понадобились рычаги, так что на это ушло немало времени.

Около шести часов вечера каронада уже стояла на лафете, и ее можно было навести на вход в гавань.

Тогда Джон Дэвис принялся заряжать пушку, вложил сильный заряд, забил его пыжом из сухих водорослей, а сверху положил ядро. Теперь оставалось только зажечь фитиль и выстрелить.

— Я хорошо обдумал план действий, — сказал Дэвис Васкецу. — Топить шхуну нам невыгодно: пираты выберутся на берег, и нам тогда не спастись. Достаточно повредить ее настолько, чтобы она возвратилась в бухту и простояла там некоторое время для починки повреждений.

— Конечно, — согласился Васкец. — Но ведь сделанную ядром пробоину можно починить в один день.

— Не так скоро, потому что им придется разгружать судно. На это потребуется не меньше двух суток, а между тем сегодня уже 28 февраля.

— А что если рассыльное судно придет только через неделю? — сказал Васкец. — Уж не лучше ли выстрелить не в корпус, а в рангоут?

— Это было бы, конечно, лучше, Васкец. Лишившись фок- или грот-мачты, шхуна осталась бы в бухте, потому что этих мачт нечем заменить. Но в мачту труднее попасть, чем в корпус, а мы не можем давать промаха при стрельбе.

— Правда твоя, — отвечал Васкец, — тем более что, если эти негодяи выйдут из гавани с вечерним отливом, как это очень вероятно, то будет уже темно. Итак, поступайте как хотите, Дэвис.

Все было готово. Васкец и его товарищ стояли рядом с орудием и выжидали момента, когда шхуна пройдет мимо.

Мы уже знаем, каковы были результаты стрельбы и при каких условиях шхуна «Каркант» вынуждена была возвратиться на свою старую якорную стоянку. Джон Дэвис и Васкец оставались на том месте, откуда стреляли, пока не убедились, что шхуна вернулась в бухту.

Из предосторожности необходимо было спрятаться в какой-нибудь другой части острова.

Васкец был прав. Контр мог явиться на остров с частью своей банды для преследования стрелявших в шхуну.

Друзья решили оставить грот, в котором было приютились, и приискать себе в одной или двух милях расстояния новое жилище, расположенное так, чтобы видно было каждое приближающееся с севера судно. Лишь только вдали покажется «Санта-Фе», они поспешат на мыс Сан-Хуан и станут подавать сигналы.

Командир Лафайет вышлет за ними шлюпку, примет их на крейсер, и они расскажут ему о положении дела, если только шхуна еще будет в бухте. К несчастью, шхуна к тому времени могла и уйти.

— Только бы она не ушла! — твердили в волнении Джон Дэвис и Васкец.

Ночью они забрали съестные припасы, оружие, порох и пошли по берегу. Они прошли около шести миль, миновали бухту Сан-Хуан и, наконец, нашли на противоположной стороне залива пещеру, в которой можно было укрыться до возвращения рассыльного судна.

Если бы шхуна ушла до прибытия «Санта-Фе», они могли бы возвратиться в грот.

Васкец и Джон Дэвис целый день не сводили глаз со шхуны. Пока продолжался прилив, они знали, что шхуна не может сняться с якоря, и не беспокоились. Но когда начался отлив, их стало мучить опасение, что разбойникам удастся заделать пробоины в течение одной ночи. Как только повреждения будут исправлены, Конгр не станет медлить ни часу. Ведь если Васкец и Дэвис с нетерпением ожидают прибытия «Санта-Фе», то пираты должны думать о нем с ужасом.

С своей стороны Конгр и Каркант наблюдали за побережьем, но сами на берег не выходили. Они решили, что не стоит терять времени на поиски, которые к тому же могут оказаться бесполезными. Главное, надо было спешить починить судно. Деревянные клинья уже были вбиты плотником Варгасом в набор корабля, а наутро пробоины должны были быть заложены затычками и окончательно заделаны.

Таким образом, ничто не нарушило покоя Васкеца и Джона Дэвиса в течение 1 марта, — дня, показавшегося им мучительно долгим.

Вечером они еще раз убедились, что шхуна стоит на якоре, и пошли в пещеру отдохнуть. Сон был им необходим.

Наутро они проснулись чуть свет, и первой их мыслью было взглянуть на море. Ни «Санта-Фе», ни какого-либо другого судна они, однако, не увидели.

Выйдет ли шхуна в море с утренним отливом, который уже начался? Если она воспользуется отливом, то через час она уже обогнет мыс Сан-Хуан.

Нечего было и думать повторить вчерашнее нападение на шхуну. Конгр, наверно, примет меры, чтобы ядра не достигли судна.

Легко понять чувства, которые волновали Джона Дэвиса и Васкеца до самого конца отлива.

Наконец, около семи часов вечера начался прилив. Теперь шхуна не могла выйти до следующего дня. День был ясный. Дул легкий северо-восточный ветер. Море успокоилось после недавней бури. Солнце сияло между туч, стоявших почти неподвижно, так как в верхних слоях атмосферы вовсе не было ветра.

Опять день показался Джону Дэвису и Васкецу нестерпимо длинным, но, как и накануне, он прошел без тревоги. Все пираты оставались в бухточке, и казалось маловероятным, чтобы кто-нибудь из них отлучился со шхуны утром или после полудня.

— Очевидно, негодяи не на шутку принялись за починку! — ворчал Васкец.

— Да, торопятся, — отвечал Джон Дэвис. — Вот заделают пробоины, и тогда ничто не удержит их больше в бухте.

— Может быть, они пустятся в путь еще сегодня вечером! — продолжал Васкец. — Правда, будет темно, но они хорошо знают бухту и найдут дорогу без огня. Вошли же они в бухту вчера ночью, ночью же могут и уйти. Ужасно жаль, что мы не сорвали со шхуны мачты!

— Мы сделали что могли, Васкец, — отвечал Дэвис.

Джон Дэвис задумался. Устремив взор на север, он молча ходил взад и вперед по берегу. Но на горизонте не было ничего.

Вдруг он подошел к товарищу.

— Васкец, — сказал он, — не сходить ли нам туда посмотреть, что они делают?

— В глубине бухты, Дэвис?

— Да, надо узнать, готова ли шхуна к отплытию.

— Какая нам от этого польза?

— Это нужно сделать, Васкец! — вскричал Джон Дэвис. — Я больше не могу оставаться в неведении, я сгораю от нетерпения!

Старший офицер «Столетия» действительно начинал терять самообладание.

— Далеко ли отсюда до маяка, Васкец? — спросил он.

— Мили три, не больше, если идти прямой дорогой, через холмы.

— Так часа в четыре я пойду, Васкец. К шести часам я буду там и постараюсь подойти поближе. Будет еще светло, и я все увижу, а меня никто не заметит!

Васкец не пытался отговаривать Джона Дэвиса; это было бы бесполезно.

— Оставайтесь здесь и наблюдайте, а я пойду один и вернусь сегодня же вечером, — продолжал Дэвис.

— Я тоже пойду с вами, — отвечал Васкец, у которого, по-видимому, были свои соображения. — Я тоже не прочь пройти в сторону маяка.

Прежде чем пуститься в путь, Васкец оставил товарища на берегу, а сам пошел в пещеру и занялся там какими-то таинственными приготовлениями.

Когда старший офицер «Столетия» входил в грот, он застал его один раз оттачивающим большой нож, а в другой раз — разрывающим рубашку; он рвал ее на полоски, а затем сплетал из них веревки.

На вопросы Дэвиса Васкец отвечал уклончиво, говоря, что объяснит все вечером. Джон Дэвис не стал настаивать.

В четыре часа они съели по сухарю и по куску солонины и, захватив с собой револьверы, отправились.

Пройдя по узкой лощине, они довольно легко достигли гребня холмов.

Там взорам их представилось обширное плоскогорье, на котором не было никакой растительности, кроме кустов барбариса. Нигде ни деревца. Стаи крикливых морских птиц неслись на юг.

Относительно дороги к Эльгорской бухте не могло быть никакого сомнения.

— Вот куда надо идти! — указывал Васкец на возвышавшийся в расстоянии двух миль маяк.

— Пойдем! — отвечал Джон Дэвис.

До самой бухты незачем было принимать мер предосторожности. Васкец и Дэвис шли скорым шагом. Через полчаса они остановились, запыхавшись от быстрой ходьбы, но совсем не усталые.

До маяка оставалось еще полмили. Надо было поостеречься, на случай, если Конгр или кто-нибудь из его шайки стоит на верхней галерее. На таком близком расстоянии они могли заметить приближающихся.

День был ясный, и можно было различить, что на галерее никого нет. Но кто-нибудь из пиратов мог наблюдать из дежурной комнаты маяка, узкие оконца которой выходили на все четыре стороны и позволяли видеть всю окрестную часть острова.

Джон Дэвис и Васкец начали прятаться за разбросанные всюду в беспорядке скалы, перебежали от одной к другой, по открытой местности прокрадывались даже ползком и продвигались теперь гораздо медленнее.

В шесть часов они достигли последних отрогов обрамлявших бухту холмов.

Здесь их никто не мог видеть, если только кто-нибудь из пиратов не перешел через холм. Даже с вышки маяка их трудно было бы заметить среди окружающих скал.

Они взглянули вниз. Шхуна по-прежнему покачивалась на якоре. Ее мачты, реи, снасти были в исправности. Экипаж был занят уборкой груза в трюм. Шлюпка привязана была у кормы, а не стояла у левого борта — признак, что работа окончена и пробоины заделаны.

— Они уже исправили повреждения! — прошептал Джон Дэвис, едва сдерживая душивший его гнев.

— И, пожалуй, снимутся до отлива, часа через два-три.

— А мы не можем им помешать! — с отчаяньем прошептал Джон Дэвис.

Плотник Варгас, действительно, сдержал свое слово. Повреждения были окончательно исправлены всего в каких-нибудь два дня. Груз с палубы был водворен на свое место в трюм. «Каркант» мог смело выйти в море.

Однако время все шло да шло. Солнце склонилось к горизонту. Уже вечерело. А шхуна все еще стояла на якоре. Васкец и Джон Дэвис, притаившись, прислушивались к малейшему шороху на шхуне. Оттуда доносились смех, крики, ругань, шум перетаскиваемых по палубе тюков.

Около десяти часов вечера они услышали, как были захлопнуты люки, потом все замолкло.

Сердца Васкеца и Джона Дэвиса сжались. Вероятно, на шхуне все было готово, и она сейчас должна была сняться с якоря. Но нет, шхуна по-прежнему покачивалась на якоре, а паруса были взяты га гитовы.

Так прошел час. Старший офицер «Столетия» схватил Васкеца за руку:

— Начинается прилив, — сказал он.

— Не уйдут они!

— Не сегодня, так завтра, но уйдут!

— Ни сегодня, ни завтра — никогда! — отвечал Васкец. — Пойдем! — И он увлек за собой товарища из ущелья, в котором они притаились.

Заинтересованный Дэвис последовал за медленно продвигавшимся к маяку Васкецом. Через несколько минут они были у подножия башни. Васкец поискал что-то, потом ухватился за обломок скалы и сдвинул его без особенного труда.

— Полежайте туда, — указал он Дэвису под скалу. — Я открыл это местечко случайно, когда жил на маяке. В то время я не подозревал, что оно когда-нибудь пригодится мне. Это не пещера, а просто углубление, в котором мы с трудом поместимся вдвоем. Но зато люди могут тысячу раз пройти мимо нашей двери, не зная, что жильё занято.

Дэвис повиновался и влез в углубление. Васкец последовал за ним. Тесно прижавшись друг к другу, они вполголоса разговаривали между собой.

— Вот что я придумал, — говорил Васкец. — Вы подождете меня здесь.

— Ждать? Зачем? — спросил Дэвис.

— Подождите, а я проберусь на шхуну.

— На шхуну? — удивился Дэвис.

— Да, я решил, что эти мерзавцы не уйдут! — твердо сказал Васкец.

Он вытащил из своей куртки два сверточка и нож.

— Вот приготовленный мной из пороха и лоскута рубашки заряд. Из остального пороха и другого лоскута я сделал вот этот фитиль. Я положу то и другое себе на голову и доберусь до шхуны вплавь. Там, держась за руль, я просверлю ножом отверстие между 425 рулем и ахтерштевнем, вложу туда заряд, подожгу фитиль, а сам уберусь обратно. Ничто на свете не в силах удержать меня от этого предприятия.

— Это великолепно! — восторженно воскликнул Джон Дэвис. — Но я не пущу вас одного. Я пойду с вами.

— К чему? — отвечал Васкец. — Для того чтобы исполнить мой замысел, достаточно и одного человека, одному и пробраться легче.

Напрасно настаивал Дэвис, Васкец не уступил. Замысел принадлежал ему, он один и хотел привести его в исполнение. Дэвису пришлось покориться.

Когда совсем стемнело, Васкец разделся, вылез из засады и пополз к подошве холма. Добравшись до моря, он бросился в воду и поплыл к тихо покачивавшейся в одном кабельтове от берега шхуне.

По мере приближения шхуна выступала из темноты черной, внушительных размеров массой. На шхуне было тихо, но пловец увидел силуэт сидевшего на баке и свесившего ноги над водой часового. Матрос насвистывал какую-то песенку, и звуки ее отчетливо раздавались в ночной тишине.

Васкец поплыл к кормовой части шхуны. Никто не заметил его в густом мраке ночи. Он подплыл под самый руль. Ценой невероятных усилий, цепляясь за оковку, он поднялся по шпилью руля и уселся верхом на его ребро, как всадник на коне. Освободив руки, он снял с головы сверток и, держа в зубах, стал разбирать его содержимое. Прежде всего он вынул нож и принялся сверлить им. Дыра между ребром руля и ахтерштевнем становилась все больше и глубже. Через час он просверлил дыру насквозь. Васкец положил в это отверстие заряд и фитиль и стал искать огниво.

Вдруг уставшие ноги его ослабели. Он почувствовал, что скользит и падает. Это было ужасно. Стоило ему свалиться в воду и намочить огниво, чтобы все дело пропало: огня негде будет добыть.

Стараясь сохранить равновесие, Васкец сделал неосторожное движение и уронил мешочек вместе с его содержимым в воду. Сверток упал с плеском, брызги так и полетели во все стороны.

Песня часового внезапно оборвалась. Васкец слышал, как матрос спустился с бака, прошел по палубе, поднялся на ют. Он видел отражение его в море. Наклонившись над гакабортом, матрос старался открыть причину неожиданного шума, который привлек его внимание. Долго стоял и прислушивался часовой, а Васкец, ни жив, ни мертв, сидел, судорожно сжимая руль коленями и вцепившись в него ногтями, чувствуя, что силы начинают ему изменять.

Видя, что все спокойно, матрос наконец ушел на бак и снова запел свою песню.

Васкец вынул огниво и начал высекать из кремня огонь. Посыпались искорки, и фитиль с треском загорелся.

Тогда, спустившись по скользкому рулю, Васкец снова бросился в воду и поплыл обратно к берегу.

Оставшемуся в своей засаде Джону Дэвису казалось, что время тянется мучительно долго. Прошло полчаса, три четверти часа, час. Дэвис не мог выдержать больше. Он вышел из засады и пошел посмотреть на море. Что случилось с Васкецом? Удался ли его замысел? Во всяком случае, его не заметили, так как на шхуне по-прежнему царил тишина.

Вдруг в ночном безмолвии раздался глухой звук взрыва. Эхо холмов повторило его. На шхуне неистово забегали, закричали. Несколько минут спустя Дэвиса почти сшиб с ног подбежавший к нему мокрый и грязный Васкец. Он быстро забрался вместе с Дэвисом в углубление и задвинул вход в него камнем. Вслед за ним с криком пробежали какие-то люди. Слышен был стук толстых подошв по скалам и громкие крики:

— Держи, держи его! — кричал один.

— Я видел его, как вижу тебя! Он один!..

— Он всего в ста метрах впереди нас!

— Ах, негодяй! ПопадетсЯ он нам в руки.

Шум утих. Пираты скрылись из виду.

— Удалось? — шепотом спросил Дэвис.

— Да, — отвечал Васкец.

Утром на шхуне застучали молотки. Это еще большее убедило Джона Дэвиса и его товарища, что замысел удался. На шхуне работают, значит, есть повреждение. Неизвестно только, насколько оно серьезно.

— Я хотел бы, чтобы повреждения были достаточно велики, чтобы удержать шхуну в бухте на целый месяц! — воскликнул Дэвис, забывая, что, если его желание исполнится, то ему с товарищем придется умереть с голода в их логовище.

— Тише! — прошептал Васкец, хватая его за руки. Дело в том, что подходила группа пиратов. Может быть, это возвращались те же, которые преследовали Васкеца и не нашли его. На этот раз они шли молча. Слышен был только шум их шагов.

Целое утро бродили они вокруг тайника, где спрятались друзья. Они искали бесследно исчезнувшего неприятеля и наконец утомились. Все замолкло вокруг.

Вдруг около полудня три или четыре пирата остановились у самой засады Васкеца и Дэвиса.

— Положительно, точно в землю провалился! — сказал один из них, усаживаясь на каменную глыбу, которая заграждала вход в тайник.

— Нечего и искать! — отвечал другой. — Товарищи наши давно уже вернулись на шхуну. — Да и нам ничего другого не остается. К счастью, негодяй не причинил шхуне большого вреда.

Васкец и Дэвис вздрогнули при этих словах и еще больше насторожились.

— Да, — подтвердил четвертый собеседник. — Шутка сказать, хотел испортить руль!

— Нанести шхуне удар в самое сердце!

— Хорошо бы теперь было наше положение, если бы это ему удалось!

— На наше счастье, его снаряд отдал при взрыве в правый и левый борт. Попорчен только кормовой подзор, да местами сорвана оковка. Самый руль почти не пострадал.

— Все будет приведено в порядок сегодня же, — сказал первый из говоривших. — А вечером мы будем в шпиле, молодцы! А тот мерзавец пусть остается здесь — все равно подохнет с голоду.

— Ну, Лопес, отдохнул? — прервал говорившего чей-то грубый голос. — Нечего тут болтать. Пойдем-ка лучше!

— Пойдем! — откликнулись остальные и пошли дальше.

Опечаленные тем, что они слышали, Васкец и Дэвис молча смотрели друг на друга.

Две крупные слезы навернулись на глаза Васкеца и упали с его ресниц. Суровый моряк нисколько не стыдился и даже не пробовал скрыть своего отчаяния от товарища. Так вот каков жалкий до смешного результат его героической попытки! Повреждение так незначительно, что задержит пиратов в бухте всего на двенадцать часов. К вечеру повреждение будет уже исправлено, шхуна выйдет в море и исчезнет за горизонтом.

Доносившийся с берега оживленный стук молотков свидетельствовал о том, что пираты спешат починить шхуну. Около пяти часов вечера, к великому огорчению Васкеца и Дэвиса, стук прекратился. Они поняли, что работа окончена. Несколько минут спустя, подтверждая их предположение, в клюзах зазвенела цепь. Конгр поднимал якорь. Приближался момент отплытия.

Васкец не мог оставаться на месте. Отвалив камень от входа, он осторожно выглянул из засады.

Солнце садилось за цепью гор, преграждавших горизонт на западе. До полного заката оставалось не больше часа.

С противоположной стороны в бухте по-прежнему покачивалась на якоре шхуна. Недавнего повреждения как не бывало. Все было в исправности. Вертикальное положение цепи показывало, что незначительного усилия было достаточно, чтобы поднять якорь, как только понадобится.

Забыв всякую осторожность, Васкец наполовину высунулся из отверстия. Дэвис прижался к его плечу. Оба смотрели, порывисто дыша.

Почти все пираты были уже на судне. На берегу оставались лишь немногие, но между ними Васкец увидел Карканта и Конгра. Они ходили взад и вперед на площадке перед маяком.

Минут через пять они расстались. Каркант подошел к двери жилища сторожей.

— Будем осторожны, — заметил Васкец, — кажется, он собирается подняться на маяк.

Дэвис и Васкец спрятались в свое логовище.

Действительно, Каркант в последний раз поднялся на маяк, чтобы посмотреть, не приближается ли к острову какое-нибудь судно.

Ночь обещала быть спокойной. К вечеру ветер стих, и все предвещало наутро великолепный восход солнца.

Джон Дэвис и Васкец прекрасно видели поднявшегося на галерею Карканта. Он обошел вокруг башни, направляя зрительную трубу во все стороны.

Вдруг у Карканта вырвался не крик, а рев. Конгр и остальные подняли голову.

— Рассыльное судно! — не своим голосом заревел Каркант.

Глава четырнадцатая **РАССЫЛЬНОЕ СУДНО «САНТА-ФЕ»**

В бухте началось не поддающееся описанию волнение... Как гром, как смертный приговор поразил злодеев крик: «Рассыльное судно!» «Санта-Фе» являлся для них воплощением правосудия и кары за их преступления.

Но, может быть, Каркант ошибся? Может быть, приближавшийся корабль вовсе не был рассыльным судном Аргентинской республики и даже направлялся вовсе не в Эльгорскую бухту, а в пролив Лемера или к мысу Севераль, собираясь обойти остров с южной стороны?..

Услышав крик Карканта, Конгр бегом пустился к маяку и через пять минут был уже на верхней галерее его.

— Где корабль? — спросил он.

— На норд-норд-осте! Вот он!

— На каком расстоянии?

— Милях в десяти.

— Значит, едва ли он будет в бухте до наступления ночи?

— Нет, не успеет!

Конгр взял зрительную трубу и долго, молча, внимательно смотрел в нее.

Приближавшееся судно было паровое. Оно шло на всех парах, и из трубы его вырывались густые клубы дыма.

Ни Конгр, ни Каркант не сомневались, что это — рассыльное судно. Они его видели много раз во время постройки маяка. Пароход шел прямо по направлению бухты. Если бы капитан намеревался направить его в пролив Лемера, он держал бы курс западнее, а если бы он собирался пойти к мысу Севераль — южнее.

— Да, — сказал наконец Контр, — это рассыльное судно!

— Будь проклят тот, кто задержал нас здесь! — воскликнул Каркант. — Мы теперь были бы уже в Тихом океане, если бы эти мерзавцы два раза не помешали нам выйти в море.

— Упреки тут не помогут, — возразил Конгр. — Надо действовать.

— Каким образом?

— Сняться с якоря.

— Когда?

— Сейчас же.

— Но мы не успеем уйти далеко, а рассыльное судно ляжет в дрейф к бухте.

— Да, но в самую бухту оно не войдет.

— Почему?

— Потому что на маяке нет огня, а в темноте пароход не решится войти в бухту.

Это справедливое размышление пришло в голову не одному Конгру; так же думали и Васкец с Джоном Дэвисом. Опасаясь, чтобы их не увидели с галереи маяка, они притаились в засаде и думали совершенно так же, как и атаман пиратов. Солнце уже село, и на маяке должен был давно гореть свет. Не видя огня, командир Лафайет, хотя и знавший остров, едва ли решится подойти. Не понимая, почему маяк не освещает путь, он, наверно, всю ночь будет крейсировать в открытом море. В бухте он бывал раз десять, но всегда днем и, конечно, за отсутствием фонаря на маяке, не войдет в нее ночью и теперь. Факт, что сторожа не исполняют своей обязанности, заставит его предположить, что на Острове Штатов разыгралась какая-то драма.

— Если командир не заметит берега и подойдет без опасения, надеясь увидеть огонь маяка, — сказал Васкец, — с судном может повториться то же, что случилось со «Столетием»: оно может разбиться о рифы мыса Сан-Хуан!

Джон Дэвис вместо ответа сделал уклончивый жест. Васкец был прав. Правда, бури не было и «Сан-та-Фе» находился в несколько ином положении, чем «Столетие». Но все же катастрофа была возможна.

— Побежим на побережье! — предложил Васкец. — Через два часа мы будем у мыса и, может быть, еще успеем зажечь сигнальный огонь.

— Нет, не успеем, — возразил Джон Дэвис. — Через час рассыльное судно будет уже у входа в бухту.

— Так что же делать?

— Ждать! — отвечал Дэвис.

Было шесть часов вечера, и остров начинал тонуть в вечерних сумерках.

Между тем на шхуне «Каркант» спешно готовились к отплытию. Конгр во что бы то ни стало хотел сняться с якоря. Если отправление задержится до утра, шхуна встретится с крейсером. Командир Лафайет не пропустит шхуну: он прикажет ей лечь в дрейф и допросит капитана. Конечно, он захочет узнать, почему не горит огонь на маяке. Самое присутствие в бухте шхуны «Каркант» покажется ему подозрительным. Остановив шхуну, он явится на судно, вызовет Конгра, сделает смотр экипажу, одного вида которого будет достаточно, чтобы подтвердить его подозрения. Он заставит шхуну повернуть и следовать за ним обратно в бухту для дальнейшего расследования дела.

Не найдя на маяке сторожей, командир «Санта-Фе» поймет, что они убиты, — и кем же, как не этими людьми, которые собирались бежать при появлении крейсера.

Возможен был и другой оборот дела.

Ведь если Контр и его шайка заметили вдаль «Санта-Фе», то более чем вероятно, что его увидели и люди, которые два раза нападали на шхуну «Каркант», чтобы помешать ей выйти из бухты. Эти неведомые враги, несомненно, следят за малейшим движением рассыльного судна, встретят его при входе в бухту и, если среди них находится бежавший с маяка сторож, Конгру и его банде не избежать кары.

Все это обдумал и взвесил Конгр. Исход был один: немедленно сняться с якоря и, пользуясь попутным северным ветром, спешно выйти под покровом ночи в открытое море. Может быть, крейсер, не видя маяка и опасаясь в темноте подойти к берегу, находится еще далеко от Острова Штатов. Для большей осторожности Конгр мог, вместо того чтобы направиться в пролив Лемера, взять курс на юг, обогнуть стрелку Севераль и скрыться за южным берегом.

Итак, он спешил сняться с якоря.

Джон Дэвис и Васкец догадались о планах пиратов и приходили в отчаяние, сознавая, что не могут помешать им.

Часов в семь вечера Каркант созвал всех пиратов, которые еще оставались на берегу. Когда весь экипаж оказался в сборе, подняли шлюпку, и Конгр отдал приказ сняться с якоря.

Джон Дэвис и Васкец услышали звон наматываемой на брашпиль цепи.

Через пять минут якорь был поднят на кранбалк; шхуна сделала поворот и, поставив все паруса, верхние и нижние, медленно вышла из бухточки.

Плавание началось не особенно удачно. Вода стояла на низком уровне, и шхуне приходилось идти очень тихо, не пользуясь даже течением. А через два часа должен был начаться прилив, который задержал бы ее еще больше. При таких условиях хорошо, если она к полуночи дойдет до мыса Сан-Хуан.

Впрочем, не все ли равно? Раз «Санта-Фе» не войдет в бухту, Конгр с ним не встретится, даже если придется ждать следующего прилива, а к утру он будет уже далеко.

Экипаж старался изо всех сил ускорить ход шхуны, но ничего не мог поделать против течения. Ветер относил шхуну к Эльгорской бухте. Конгр знал, что побережье очень опасно своими скалами. Через час после выхода из бухты ему даже показалось, что лучше было бы удалиться от берега, и он решил лечь на другой галс.

Однако ветер почти совсем стих, и сделать это было нелегко. Однако этот маневр представлялся неизбежным. Натянули задние шкоты и отпустили передние. Но вследствие медленности хода шхуне не удалось придерживаться к ветру, и она продолжала дрейфовать к берегу.

Конгр понял опасность. Оставался один способ, который он и употребил. Спустили шлюпку; в нее сели шесть человек и принялись усердно грести, ведя шхуну на буксире. Таким образом им удалось заставить судно сделать поворот на правый борт. Через четверть часа шхуна пошла по прежнему направлению, уже не опасаясь наскочить на рифы южного побережья.

К несчастью, ветра совсем не было, и паруса беспомощно повисли. Шлюпке было не под силу вести на буксире шхуну до самого входа в гавань. Все, что можно было сделать, — это выдержать напор течения, подняться же против него было невыносимо. Неужели же Конгру предстояло встать на якорь здесь, в двух милях расстояния от бухты?

Когда шхуна снялась с якоря, Джон Дэвис и Васкец встали и побежали к морю, чтобы следить за каждым ее движением. Так как ветра вовсе не было, они поняли, что Конгр будет вынужден остановиться и ждать следующего отлива; но это не мешает ему выйти из бухты еще до рассвета, и он уйдет, никем не замеченный.

— Нет, мы их удержим! — вскричал вдруг Васкец.

— ...Каким образом? — спросил Джон Дэвис.

— Идем скорее!

И Васкец увлек товарища по направлению маяка.

По его мнению, «Санта-Фе» должен был крейсировать перед островом. Он мог даже быть совсем близко от берега, что при таком штиле не представляло, впрочем, опасности. Удивленный тем, что на маяке нет огня, командир Лафайет, вероятно, держит крейсер под парами и ожидает восхода солнца.

Так думал и Конгр, но он надеялся в то же время, что собьет с толку рассыльное судно. Лишь только начнется отлив, «Каркант», даже при безветрии, в какой-нибудь час выйдет в открытое море.

В море Конгр не станет слишком удаляться от берега. Достаточно будет силы течения и самых слабых порывов ветра, какие бывают даже в тихие ночи, чтобы, не подвергаясь опасности, пройти вдоль берега даже в самую темную ночь. Обогнув расположенный в шести или семи милях мыс Севераль, шхуна очутится под прикрытием береговых утесов, и ей нечего будет опасаться. Опасность одна: быть замеченным часовыми с «Санта-Фе». Если шхуну заметят при выходе из бухты, командир Лафайет, конечно, не пропустит ее, не допросив капитана о маяке. Так как «Санта-Фе» — судно паровое, оно догонит убегающую шхуну раньше, чем та успеет скрыться за южными возвышенностями.

Было уже девять часов. Конгр решил стать на якорь и дожидаться отлива, до которого оставалось еще шесть часов. Только в три часа утра должно было начаться благоприятное течение. Шхуна повернулась форштевнем к открытому морю; подняли шлюпку; когда настанет момент выйти в море, Конгр не потеряет ни минуты времени.

Вдруг у экипажа вырвался единодушный крик, который можно было бы слышать на обоих берегах бухты.

Длинный сноп света осветил ночной мрак. Маяк сиял во всем своем великолепии, освещая море!

— Ах, мерзавцы, они на маяке! — воскликнул Кар-кант.

— На берег! — скомандовал Конгр.

Действительно, ничего другого не оставалось делать, как, оставив на шхуне лишь несколько человек, высадиться на берег, поспешить на башню маяка, убить сторожа и его товарищей и потушить огонь. Если

крейсер находится уже на пути в бухту, он остановится. Если он уже в бухте, он попытается уйти из нее, опасаясь идти без руководящего огня. В худшем случае он до рассвета простоит на якоре.

Каркант приказал спустить шлюпку и сел в нее с двенадцатью пиратами и Конгром, вооруженными ружьями, револьверами и ножами.

Через несколько минут они причалили к берегу и бросились к находившемуся в полутора милях расстояния маяку. Пираты пробежали это расстояние в каких-нибудь четверть часа. На шхуне остались только двое, все остальные разбойники были у подножия маяка.

Между тем Джон Дэвис и Васкец, не соблюдая больше никакой осторожности и зная, что они никого не встретят, пришли к маяку. Васкец решил зажечь на маяке огонь, чтобы «Санта-Фе» мог войти в бухту до рассвета. Он боялся только одного: не разбил ли Конгр стекла иллюминатора и лампочки и не привел ли в негодность весь аппарат маяка? Если так, шхуне удастся уйти, не будучи замеченной крейсером.

Васкец с Дэвисом вошел в свое прежнее жилье; они проникли в коридор, заперли за собой дверь на замок и поднялись по лестнице в дежурную комнату.

Фонарь оказался в сохранности, в лампах были даже светильни и масло, оставшиеся с того дня, как их погасили. К счастью, Конгр не испортил диоптрического прибора фонаря. Он приостановил действие маяка только на время своего пребывания в Эльгорской бухте, так как не предвидел тогда обстоятельств, при которых ему придется покинуть остров.

Но вот маяк светит по-прежнему. «Санта-Фе» смело может войти в бухту.

У двери в башню послышался отчаянный стук. Вся шайка ломилась в дверь, чтобы проникнуть на галерею и загасить огонь. Пираты готовы были пожертвовать жизнью, чтобы помешать прибытию «Санта-Фе». Внизу, у башни, и в жилом помещении они не нашли никого. Те, кто находился в дежурной комнате, не могли быть очень многочисленны; с ними нетрудно будет справиться; они убьют их и погасят ненавистный огонь на маяке.

Дверь, ведущая из коридора на лестницу, как известно, была железная. Нечего было и думать взломать ее топорами. Каркант попытался было и убедился, что это невозможно. После нескольких неудачных попыток он вернулся к Конгру и остальным пиратам.

Что делать? Нельзя ли добраться до фонаря по наружной стене маяка? Если и это невозможно, пиратам остается одно: бежать в глубь острова, чтобы не попасть в руки командира Лафайета и его экипажа. Возвращаться же на шхуну незачем и некогда. Рассыльное судно, наверно, уже успело войти в бухту...

Способ взобраться на галерею нашелся.

— Стержень громоотвода! — воскликнул Конгр.

Во всю высоту башни тянулся железный стержень, поддерживаемый на расстоянии каждого метра железными скобами. Цепляясь за эти скобы, можно было достигнуть галереи и напасть на людей, находящихся в дежурной комнате.

Конгр ухватился за это последнее средство спасения. Каркант и Варгас полезли первыми по цепи громоотвода, надеясь, что их не заметят в темноте. Вот они уже у перил, остается только перешагнуть балюстраду...

Но в это время раздались выстрелы. Джон Дэвис и Васкец стояли перед ними в оборонительном положении.

Оба бандита, раненные в голову, выпустили из рук перила и рухнули вниз, на крышу жилого помещения.

Почти в то же время у подножия маяка послышались свистки. Рассыльное судно вошло в бухту, и его сирена огласила воздух резким ревом.

Оставалось только бежать. Через несколько минут «Санта-Фе» должен был остановиться на месте своей прежней якорной стоянки.

Видя, что другого исхода нет, Конгр и его товарищи бросились бежать в глубь острова.

Четверть часа спустя командир Лафайет отдал приказ стать на якорь. К «Санта-Фе» причалила шлюпка сторожей, снова попавшая в руки Васкеца, и Джон Дэвис и Васкец взобрались по трапу на крейсер.

Глава пятнадцатая РАЗВЯЗКА

Рассыльное судно «Санта-Фе» вышло 19 февраля из Буэнос-Айреса со второй сменой сторожей. Попутный ветер и тихая погода способствовали успешности плавания. Сильная семидневная буря ограничивалась лишь районом Магелланова пролива. Командир Лафайет не испытал этой бури и пришел по назначению несколькими днями раньше, чем предполагалось.

Приди судно двенадцатью часами позже, шхуна была бы уже далеко, и преследовать Контра и его шайку было бы невозможно.

Командир Лафайет в ту же ночь узнал обо всем, что произошло в Эльгорской бухте в течение последних трех месяцев.

Васкец остался в живых, но товарищей его, Фелипе и Морица, уже не было. Его нового друга, спасенного им после кораблекрушения «Столетия», никто не знал.

Командир Лафайет позвал к себе Васкеца и Джона Дэвиса и спросил:

— Почему вы зажгли так поздно огонь на маяке, Васкец?

— Он не зажигался уже целых девять недель, — отвечал Васкец.

— Девять недель? Но почему? Где ваши товарищи?

— Фелипе и Мориц убиты! Через три недели после отплытия «Санта-Фе» на маяке остался один я.

И Васкец рассказал о событиях, разыгравшихся на Острове Штатов.

Выслушав рассказ Васкеца, капитан Лафайет крепко пожал руку ему и Джону Дэвису, которые так смело, так самоотверженно помогли «Санта-Фе» войти в бухту до отплытия шхуны, и в свою очередь рассказал, как рассыльное судно заметило за час до заката солнца Остров Штатов.

Еще утром командир Лафайет определил по карте положение судна. Последнему оставалось держать курс прямо на мыс Сан-Хуан, чтобы подойти к нему еще засветло.

В самом деле, уже смеркалось, когда командир Лафайет увидел вдали восточный берег острова с его высокими, поднимающимися амфитеатром холмами. До мыса оставалось всего около десяти миль, и капитан рассчитал, что будет в бухте часа через два.

В это самое время Джон Дэвис и Васкец заметили «Санта-Фе». Одновременно увидел судно и стоявший на галерее маяка Каркант. Он тотчас же сказал об этом Конгру, который начал спешно сниматься с якоря, чтобы выйти из бухты раньше, чем придет «Санта-Фе».

А рассыльное судно шло между тем к мысу Сан-Хуан. На море было тихо: ветерок чуть-чуть дышал.

До постройки «маяка на краю света» командир Лафайет не решился бы подойти так смело к Острову Штатов или войти в Эльгорскую бухту ночью.

Но он знал, что берег и бухта освещаются маяком, и не нашел нужным ждать до утра.

Итак, рассыльное судно продолжало идти на юго-запад и, когда совсем стемнело, было в какой-нибудь миле расстояния от входа в Эльгорскую бухту.

Судно остановилось, не переводя паров и выжидая момента, когда на маяке зажгут огонь.

Прошел час, а на острове все не зажигали огня. Капитан Лафайет был уверен, что точно определил местоположение судна. Перед ними должна была находиться Эльгорская бухта. Маяк должен был быть совсем близко. А между тем огня на маяке не было видно.

Капитан подумал, что с осветительным аппаратом маяка случилась какая-нибудь беда. Может быть, буря разбила фонарь и повредила стекла иллюминатора? Ему и в голову не приходило, что шайка пиратов напала на сторожей, двоих из них убила, а третий успел бежать.

— Я положительно не знал что делать, — рассказывал командир Лафайет. — Ночь была темная. Войти в бухту я не смел. Приходилось до рассвета оставаться в открытом море. Весь экипаж был охвачен каким-то тяжелым предчувствием. Вдруг в девять часов на маяке зажегся огонь. Должно быть, запоздание было простой случайностью. Я велел развести пары и стал держать курс на бухту. Через час «Санта-Фе» вошел в бухту. В полутора милях от бухточки мы встретили стоящую на якоре и, казалось, покинутую экипажем шхуну. Я уже собирался послать на шхуну несколько матросов, как вдруг на галерее маяка раздались выстрелы. Мы подумали, что экипаж шхуны напал на наших сторожей, а те защищаются. Чтобы испугать нападающих, мы подали сигнал сиреной, а четверть часа спустя «Санта-Фе» стала на якорь.

— И как раз вовремя, капитан! — сказал Васкец.

— Чего я никак не мог бы сделать, — отвечал Лафайет, — если бы вы с опасностью для жизни не зажгли на маяке огня. Теперь шхуна была бы в море. Мы не заметили бы ее выхода из бухты, и пиратам удалось бежать.

Ночь прошла спокойно. На следующий день Васкец познакомился с тремя новыми сторожами, приехавшими на «Санта-Фе».

Еще ночью сильный отряд матросов отправился на шхуну и завладел ею. Если бы не приняли этой меры предосторожности, Конгр непременно попытался бы с отливом выйти в море.

Чтобы сделать пребывание новой смены сторожей на острове безопасным, Лафайет должен был очистить его от пиратов. Со смертью Карканта и Варгаса их оставалось еще двенадцать человек, не считая атамана.

Что касается последнего, то он был в отчаянии от своих неудач.

Так как остров был довольно обширен, поиски могли затянуться и даже ни к чему не привести. Удастся ли экипажу «Санта-Фе» обыскать весь остров? Уж конечно, Конгр и его друзья не вернутся на мыс Сан-Бартеlemi, так как тайна их старого места пребывания могла быть обнаружена. Но остров велик: они могут прятаться недели, месяцы, пока их всех не переловят. Между тем командир Лафайет не мог уйти с

острова до тех пор, пока жизнь сторожей не будет застрахована от всяких нападений и пока маяк не начнет правильно функционировать.

Союзником Лафайета являлось бедственное положение, в котором находились пираты. Съестных припасов не было больше ни в пещере у мыса Сан-Бартелеми, ни в гроте близ Эльгорской бухты. Относительно этой последней, по крайней мере, можно было сказать, так как Васкец и Джон Дэвис проводили к ней на следующее утро командира Лафайета. Экипаж «Санта-Фе» не оставил там ни сухарей, ни солонины, ни каких бы то ни было консервов. Все было перенесено на шхуну, которую моряки отвели обратно в бухту. В пещере нашлись лишь не имеющие цены обломки кораблей, постельные принадлежности, платье, утварь. Все это было доставлено в жилое помещение маяка. Если бы Конгр пришел ночью на старое пепелище, он не нашел бы ни крошки съестных припасов для своей банды. Очевидно, у разбойников не было и оружия, с которым они могли бы охотиться, так как на шхуне «Каркант» оказалась масса ружей и боевых припасов. Они могли заняться разве только рыбной ловлей. При таких условиях Контру и его товарищам оставалось или сдаться, или умереть от голода.

Матросы под начальством офицера и боцмана пустились в погоню за разбойниками. Они разделились на два отряда, причем один направился в глубь острова, другой вдоль побережья. Командир Лафайет лично отправился к мысу Сан-Бартелеми; но бандитов там не оказалось.

Прошло несколько дней. Пиратов как не бывало. Но вот утром 10 марта к маяку пришли семь патагонцев. Они исхудали, отощали от голода, потеряли человеческий образ. Их взяли на крейсер, накормили и поместили так, чтобы они не могли бежать.

Четыре дня спустя старший офицер Риегаль, обходя южный берег в окрестностях мыса Уэбстер, наткнулся на пять трупов, среди которых Васкец узнал двух чилийцев из шайки Контра. Судя по найденным вокруг них остаткам, они пробовали питаться рыбой и ракушками; ни потухших углей, ни пепла костра, однако, около них не было. Очевидно, они не имели возможности добыть огня.

На следующий вечер, наконец, незадолго до заката солнца, на обрамляющих бухту скалах, в пяти метрах от маяка, показался человек. Он стоял почти на том самом месте, откуда Джон Дэвис и Васкец наблюдали за шхунной накануне прибытия рассылного судна, в тот вечер, когда Васкец решился на свой героический подвиг.

Человек этот был Конгр.

— Вот он!.. Вот он!.. — закричал узнавший его Васкец, стоявший с новыми сторожами около дома.

Командир Лафайет, прогуливавшийся взад и вперед по берегу со своим старшим офицером, прибежал на этот крик. За ним последовали Джон Дэвис и несколько матросов и, столпившись на террасе, смотрели на пережившего свою шайку атамана бандитов.

Зачем он сюда пригнел? Не затем ли, чтобы сдаться? Но ведь он знал, что его ожидает. Его отвезут в Буэнос-Айрес, где он искупит смертью все совершенные им грабежи и убийства.

Конгр стоял неподвижно на высокой скале, у подножия которой разбивались волны. Он окинул взглядом бухту. Он видел рядом с рассылным судном ту самую шхуну, которую случай сначала послал ему у мыса Сан-Бартелеми, а потом, изменив ему, отнял. Сколько дум роилось у него в голове! Сколько сожалений! Не приди рассылное судно, он был бы теперь в Тихом океане, где так легко было избежать и преследований и кары!

Разумеется, командиру Лафайету очень хотелось взять Конгра в плен.

Он отдал приказание, и старший офицер Риегаль отправился с шестью матросами к буковой роще, чтобы обойти неприятеля с тыла.

Васкец вел этот взвод кратчайшим путем.

Не успели они сделать и ста шагов, как раздался выстрел, и что-то тяжелое упало со скалы в море, так что брызги полетели во все стороны. Конгр выхватил из-за пояса револьвер, приставил дуло к виску... Злодей сам исполнил над собою смертный приговор, и отлив увлек в море его безжизненный труп.

Такова была развязка разыгравшейся на Острове Штатов драмы.

Начиная с 3 марта, на маяке теперь по ночам неизменно горел огонь.

Джон Дэвис и Васкец собирались возвратиться на рассылном судне в Буэнос-Айрес, откуда первый должен был отправиться на свою родину, в Мобиль.

Васкец должен был вернуться в свой родной город и отдохнуть от перенесенных им тяжелых испытаний. К сожалению, он должен был возвратиться один, без своих товарищей...

18 марта, после полудня, командир Лафайет, спокойный за судьбу новых сторожей, подал сигнал к отплытию.

Солнце заходило, когда крейсер покидал бухту.

Вдруг там, на берегу, вспыхнул огонек, и отражение его затрепетало в море. Удаляясь по темному морю, рассылное судно, казалось, уносило с собой несколько лучей нового «маяка на краю света».

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

**«Strelbytskyy
Multimedia Publishing»**

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

**«Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»**

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

**Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»**

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www.audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

**Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2016
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»**